НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 2007

ДОРИС ЛЕССИНГ

СОЗДАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ДЛЯ ПЛАНЕТЫ ВОСЕМЬ

•

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ В ИМПЕРИИ ВОЛИЕН

КАНОПУС В АРГОСЕ: АРХИВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМФОРА»

Сентиментальные агенты в Империи Волиен

Дорис Лессинг

Аннотация
«Сентиментальные агенты в Империи Волиен»

Аннотация

Повесть «Сентиментальные агенты в Империи Волиен» является пятой книгой знаменитой «космической» пенталогии Дорис Лессинг, повествующей о противоборстве трех могущественных космических империй — Канопуса, Сириуса и Путтиоры.

Социальная сатира в духе Вольтера и Свифта.

«Сентиментальные агенты в Империи Волиен»

От Клорати, с суверенной планеты Волиен, на Канопус, Джохору

Я просил освободить меня от обязанностей на Шикасте; — и в итоге был переведен на планету, в главном ничем не отличающуюся от Шикасты. Ну и ладно! Я отбуду здесь свой срок службы. Но прошу настоящее письмо рассматривать как *официальную* просьбу: когда закончится срок моей службы тут, пусть меня отправят на планету какую угодно отсталую, в какие угодно тяжелые условия, но не туда, где население постоянно одержимо психозом самоуничтожения.

Вот мой первый рапорт. Я провел тут пять В-лет и могу подтвердить последние новости: действительно, наш агент Инсент поддался обработке Риторикой, краснобайством, — эта наука нам в принципе известна и, позвольте вам напомнить, не всегда нежелательна, если воспринимать ее как прививку от чего похуже, — но, к сожалению, Инсент не пришел в норму и все еще страдает навязчивым состоянием Лихорадочной Риторики.

Десять В-лет назад он стал жертвой хитрости Шаммат и доложил о своих поступках в письме, которое прилагается ниже. Пожалуйста, проследите, чтобы оно попало в архивы.

Клорати, позволю себе обратиться напрямую к Вам, а не в Колониальную Службу, — мы с Вами встречались в прошлом году, когда я приезжал в отпуск на Канопус, Вы тогда еще сказали, что назначены моим инспектором. То, о чем я хочу спросить, мне кажется важнее моих мелких личных проблем, хотя собственно служебных, административных проблем у меня нет.

Теперь о сути дела. Я познакомился с одним человеком на второй планете этой планетной системы, на Волиендесте, когда приехал туда из-за мятежей; восставшие требовали вывода войск Империи Волиен. Вы и без меня знаете, что за все время обучения — и при подготовке к должности сотрудника Колониальной Службы, и в период инструктажа мне все уши прожужжали об опасности Шаммат, — и всех остальных! Но вообразите мое удивление: с этим человеком я провел самый ***вдохновляющий*** *вечер в своей жизни, и вдруг выясняется, что мой собеседник именно с Шаммат! Когда он признался, что он Кролгул с Шаммат,*

я решил, что это шутка. Клорати, я промучился всю ночь; в жизни у меня не было такой ужасной ночи. Потом я снова встретился с ним — случайно в суде, где выносили приговоры мятежникам; и он оказался таким сострадательным человеком, с необычайно отзывчивым сердцем, он так чувствует страдания других. Неужели таким может быть представитель ужасной Шаммат? Этот удивительный человек плакал, когда мятежников выводили для приведения приговора в действие! Я провел с ним несколько следующих недель. Благодаря ему я получил представление, во-первых, о планете Волиен, потом об «Империи» Волиен. Я пишу это слово в кавычках, как принято у нас, на Канопусе, — но не признак ли это нашего высокомерия? Законодательство Империи Волиен, состоящей из двух спутников — Волиенадны и Волиендесты и двух ближайших планет — Мейкена и Словина по терминологии Волиена (по терминологии Сириуса это планеты ВЭ 70 и ВЭ 71), вряд ли можно сравнить с нашим или сирианским, но, с

местной точки зрения, его можно считать некоторым достижением. Кролгул иронически, но по-доброму улыбнулся, когда я заговорил об Империи Волиен, — боюсь, как я теперь понимаю, чуть ли не с презрением, — я даже покраснел.

Я услышал от него совершенно другую точку зрения не только на политику Волиена, но и на деяния Сириуса и наши собственные.

Причем настолько другую, что теперь я понял и, хоть мне больно и трудно это говорить, но рискну признаться, что мои взгляды больше несовместимы с позицией преданного государственного служащего Канопуса.

Я готов подать заявление об отставке. Что мне делать?

Всегда Ваш благодарный ученик
Инсент

Я ему не ответил, хотя, конечно, подай Инсент просьбу об отставке, я попросил бы его подумать. Но он этого не сделал. Как я слышал, он настолько тесно был связан с войсками мятежников на Волиендесте, что был ранен в руку, и его пришлось

госпитализировать. Мне предстояла поездка по всей империи Волиен, но я решил повременить, пока не увижусь с Инсентом.

Сама по себе планета Волиен кипит всевозможными страстями, то же самое происходит и в четырех ее колониях, — так что мне просто некуда было поместить Инсента, а мне надо надолго оградить его от возбуждающего воздействия слов, чтобы он сумел обрести душевное равновесие. Нет, его надо было или отправлять домой, на Канопус с заключением, что он непригоден для колониальной службы, а этого делать мне не хотелось, — вы же знаете, я всегда стараюсь использовать такой опыт молодых сотрудников, который, в конечном счете, может пригодиться им для повышения своей квалификации, — или же рискнуть и запастись терпением.

Конечно, можно подвергнуть Инсента курсу лечения «Общее Погружение», но это уж в самом крайнем случае. А пока он находится в больнице.

«Истории Империи Волиен»

Выдержки из заключительной главы

Это самая крупная планета из звезд Класса

18, расположенная в дальнем уголке Галактики, снаружи, на краю ее внешней спиральной ветви. Положение планеты очень незавидное с точки зрения Гармонического Развития Космоса; и по этой причине она никогда не входила в Канопианскую империю. Мы всего лишь вели за ней Общее Наблюдение в течение тридцати тысяч К-лет. В начале этого периода благодаря эволюционному скачку население, тогда типа 11 по уровню своего развития, перешло в тип 4 (то есть галактический основной), и большая часть тамошнего населения, жившего прежде собиранием плодов и охотой, вскоре занялась сельским хозяйством, ремеслами, появились зачатки металлургии, началось строительство городов. Волиен не поддерживал особого контакта с соседними планетами. Потом, из-за космических пертурбаций — результата бешеной «переоценки ценностей» соседней Сирианской империи, население Волиена быстро выросло, ускорилась разработка материальных ресурсов, и правящая каста стала доминировать на всей планете, поработив девять десятых населения. Все планеты в этом секторе Галактики были затронуты в равной степени, и начался тот период истории, в течение которого они все занимались набегами

и заселяли одна другую, и в течение двадцати одного С-года возникали «империи», одинаково недолговременные и нестабильные.

Волиен доминировал несколько раз, и несколько раз его завоевывали.

Сирианская империя, как и мы, никогда не делала попыток поглотить Волиен. В период стабильности Волиена Сириус был тоже стабилен в той или иной степени и принял решение не расширять свои границы. Но в какой-то момент под влиянием Сириуса нарушилось равновесие на Волиене: это произошло из-за потрясших всю Сирианскую империю беспорядков в результате конфликта между двумя партиями, известными как Консерваторы и Сомневающиеся, их конфликт расколол даже правящую олигархию Сириуса, Большую Пятерку. Некоторые их окраинные планеты восстали и были тотчас наказаны. Кое-кто просил разрешения отколоться и принять самоуправление. Тут тоже прошли репрессии. Эти энергичные, если не сказать жестокие, меры заставили Сомневающихся удвоить свои протесты и потребовать, чтобы Сириус изучал свои собственные ресурсы и потенциалы с целью обойтись без эксплуатации других. На краткий период власть захватили Консерваторы,

и Сомневающиеся тоже пострадали. За всеми этими беспорядками проглядели тот факт, что Волиен, бывший тогда в стадии доминирования, создал свои армии и отправил их завоевывать два своих спутника. Когда Волиен окрестил себя «Империей Волиен», Сириус, как и мы еще до них, просто констатировал этот факт. Но когда Волиен, не удовольствовавшись завоеванием двух своих спутников, послал армии еще на две небольшие планетки своей солнечной системы, это Сириус уже соизволил заметить. Потому что последние две небольшие планетки были в течение С-тысячелетий предметом резких споров и разногласий. Когда Сирианская империя, задолго до описываемых событий, приняла решение не расширять свои границы, в их программе ближайших захватов и колонизации следующими числились именно эти две небольшие планетки (Мейкен и Словин). Ни мы, ни Сириус не присваивали им названий, в системе обозначений Сириуса они числились как ВЭ 70 и ВЭ 71 (Возможная Экспансия). Сомневающиеся многословно, если не сказать бурно призывали вообще не обращать внимания на эту «Империю», которая, с их точки зрения, была бесполезна из-за своей отсталости, но их требования отклонили.

Решение руководства — органа правления Сириуса, Большой Четверки, — «наказать» Волиен и заявить права на ВЭ 70 и ВЭ 71 — ознаменовало новую экспансию Сириуса. Она ничем не напоминала предыдущую (та заранее планировалась и контролировалась под руководством Большой Пятерки), но оказалась результатом внутренних катаклизмов. Сирианская империя сделала необдуманный скачок за свои пределы, чем усилила свою нестабильность и неизбежно двинулась навстречу собственной гибели.

Клорати прибыл в «Империю» Волиен, когда оба ее спутника и принадлежавшие Сириусу ВЭ 70 и ВЭ 71 восстали; вспыхнул настоящий мятеж против Волиена. Все это происходило незадолго до вторжения Сириуса. [Примечание архивариуса].

Клорати Джохору,

с Волиендесты, второго спутника Волиена

Приношу свои извинения. Я занимался выпалыванием зловредной Шаммат с планет Волиена, подвергся непродолжительному нападению шамматян, затем маленько задержался для восстановления сил, а когда вышел, преж-

де всего занялся делом Инсента. Потому что он играет ключевую роль в планах того самого шамматянина. Я вам сообщал, что Инсента госпитализировали из-за поверхностной раны. Я заставил перевести его в специальную больницу, где лечат пострадавших из-за Риторики, и решил его навестить.

Я устроил эту больницу на Волиендесте, потому что до меня дошли следующие сведения: вполне вероятно, в ближайшее время Волиен будет жестоко разгромлен, но когда развалится его «Империя», Волиендесту это практически не затронет. Вот доказательство хорошего состояния Волиендесты: агент 23 сумел построить и оборудовать больницу, и все это с помощью восставшей стороны, под руководством довольно замечательной личности, некоего Ормарина, о нем подробнее расскажу позже, я уже привыкаю рассчитывать на его *относительную* свободу от иллюзий. Принцип действия этой больницы, как я ему объяснил, в пересчете на совершенно новое (для него) представление о (говоря его словами, как нынче принято на Волиене) «природе классовой борьбы» — хотя не стоит ожидать слишком многого слишком скоро, — вызвал у него острый, но, к счастью, кратковременный приступ эйфо-

рии. Вы, конечно, уже поняли, что его согласием построить эту больницу мы отчасти обязаны тому, что этому человеку оказались непонятны наши цели. К тому времени, как он понял суть дела, больница уже была построена и функционировала. Как обычно, все это сопровождалось массовыми выступлениями и протестами. Но в результате самого этого процесса — попыток понять смысл и принцип действия этой больницы, дискуссий и дебатов, иногда бурных, — появилась новая фракция, политическая по своей сути, которая стала поддерживать Ормарина и закрепила его статус.

Планета Волиендеста покрыта болотами, у нее есть спутник — луна с малым периодом обращения вокруг своей оси, и эта луна вызывает нестабильность в жителях, в самой разной степени; людям приходилось прикладывать усилия, чтобы справиться с этими состояниями, и в результате вывелась такая порода людей (частично, как вы помните, они происходят из населения Волиена), которые способны противостоять быстрым сменам состояний души, хотя внешне как бы им уступают. В свой первый приезд сюда я, помнится, впал в уныние, столкнувшись со слишком бурной реакцией жителей на все,

но вскоре стал понимать, что эти проявления чувств надо воспринимать скорее как внешнее возбуждение, практически не затрагивающее душу. И понял, что есть такие аборигены, хоть их и мало, которые даже умеют использовать это состояние постоянного возбуждения, чтобы развивать и закреплять душевное спокойствие. Таков Ормарин.

Я отправился прямо в больницу, где лечат заболевших из-за Риторики. Она, по совету Ормарина, которым быстро воспользовался агент 23, называется у них Институтом исторических исследований. Я принял облик лектора, которому предлагают тут должность, но который пребывает в сомнениях.

Участок для больницы был выбран после консультаций с местными географами, была поставлена цель — обеспечить максимум природных возбуждающих факторов. Больница расположена на небольшом и очень высоком полуострове, на штормовом берегу, где океан постоянно буйно ревет и где их луна оказывает максимальное воздействие. Непосредственно за полуостровом на континенте собраны все крайности земного ландшафта — в допустимых пределах. С одной стороны возвышаются высокие угрюмые горы,

усеянные могилами не в меру честолюбивых скалолазов. С другой стороны растут обширные древние леса, неотвратимо порождающие мысли о вечности, о ходе времени, о неизбежном упадке. И почти до самой больницы доходит гряда голого каменистого песка, и если пойти вдоль этой гряды, придешь к самому началу пустыни — такой жаркой, холодной, суровой, враждебной, что по ней не пройдешь, не стерев ног до кровавых мозолей; она вся в крутых откосах, и тут неизбежно обращаешь взор к небесам, иногда алым, иногда лиловым, часто цвета желтой серы, но всегда изменчивым; пустыня так густо усыпана песком, сланцами, гравием и пылью, и все это так неустанно носит с места на место вечно меняющий направление ветер, что подобное зрелище автоматически заставляет задуматься о тщете и бесполезности всяческих усилий, а если страдалец готов, спотыкаясь, прогуляться через нее по сухим костям, кускам палок, которые когда-то были лесами, или останкам кораблей (потому что эта пустыня была когда-то, между прочим, дном океана) и скал, где можно найти отпечатки давно вымерших видов, то получит самые удовлетворительные и целительные результаты. Наш агент 23 назвал все это Законом

Немедленного Переключения, когда описывал, что происходит, когда, по словам местных жителей, «хорошего слишком много», и трудности порождают упрямую духовную несгибаемость, которую они выражают такими словами: *«Ну и что? Есть-то надо!»*

Я обследовал всю эту территорию на космолете, радуясь комфорту, и меня высадили на гребне песка довольно далеко от больницы, чтобы впоследствии я имел право говорить, что добрался в ту сторону на местном транспорте.

По большей части больничные помещения еще пустуют. Я сказал Ормарину, что при обостряющемся кризисе «Империи» все они довольно скоро заполнятся, и он успокаивал своих сторонников, извиняясь за неправильное планирование, за ненадежных подрядчиков. Возникал вопрос — кто платит за все это? Он рассказывал им небылицы о шпионах с Сириуса, которым заплачено за тайную диверсию, и это настолько соответствует истине, что даже не верится. Предполагается, что Ормарин умен и может перехитрить людей с Сириуса, так что его репутации сие никак не повредит.

Здание больницы не очень отличается от подобных, которые мы спроектировали в нескольких

наших колониях, имеющих сходные условия.

Вы прекрасно знаете, с какой неприязнью я посещаю такие места: можете мне поверить, я все-таки понял, почему я оказываюсь в них так часто. Я даже пересилил себя до такой степени, что внес свой вклад в эту науку: я скоро дойду до Департамента Риторической Логики, который сам придумал.

Должен сообщить вам, что состояние Инсента внушает опасения. Я нашел его в отделении Основ Риторики, потому что он недостаточно прогрессировал, чтобы его перевели оттуда в другое место. Эта палата расположена на фасаде здания, где балконы нависают над постоянно бьющимися, стонущими и ревущими волнами. Ветры воют и ревут круглые сутки. Чтобы усилить воздействие, мы организовали музыкальный фон — подобрав музыку самого ослабляющего рода — в основном написанную композиторами Шикасты (см. «История Шикасты, XIX век; экзальтанты и жалобщики: музыка»). Большинство пациентов — добрая их часть — наши агенты, потому что вы неизбежно заметите, как много их на этом этапе пало жертвами безрассудного фанатичного энтузиазма, — переросли это первичное инфантильное состояние и переведены

в другие палаты, так что бедный Инсент остался в одиночестве. Когда я вошел, он глазел на волны океана, которые в лучах меланхоличного заката приобрели алый оттенок; его внутреннее состояние должным образом передавал халат из красно-пунцового шелка, роскошность которого поразительно подчеркивала его забинтованная, как у солдата, рука. Слезы ручьем катились по его бледному лицу, на котором застыло самое трагическое выражение. Вы ведь помните, он выбрал для своего облика большие черные сентиментальные глаза, нам еще тогда следовало обратить на это особое внимание (мне тут впервые пришло в голову, что *вы-то,* возможно, как раз и обратили). Но это уже тогда было плохим знаком… Да, большие трагические черные глаза скорбели по поводу излишних затрат воды — эта фраза вполне в духе той книги, которая лежала открытой на его коленях, книга опять-таки автора с Шикасты, называется «Герой проигранного дела». Он не смотрел на экран, на который проецировались его медитации за истекший день, кстати, этой программой я горжусь: опять Шикаста! Просто бесценной оказалась та бедная планета при разработке нашей канопианской методики для нынешних условий! Две огром-

ные армии, снабженные новейшим оружием убийства в рамках существующей технологии, воевали друг с другом в течение четырех Ш-лет, проявляя предельный героизм и преданность долгу, и все это в самых гнусных и жестоких условиях, ради целей, которые спустя поколение их собственные непосредственные преемники оценят как глупость, самообман и жадность, все это подстрекалось *словами,* использованными для воспламенения бурного соперничества на почве национализма, причем каждая нация была убеждена, под гипнозом *слов,* что именно ее дело правое. Миллионы людей пали, непоправимо ослабив обе нации.

— Инсент, — сказал я, — да ты не принимаешь лекарство!

— Нет! — закричал он, вскочил и обеими руками вцепился в столбик балюстрады, слезящимися глазами уставясь на бьющиеся и гудящие волны, брызги от которых долетали до окон больницы. — Нет! Больше мне не вынести! Не могу и не буду! Я не могу вынести ужаса этого мира! А сидеть тут час за часом и смотреть на эту запись трагических потерь и утрат…

— Ну, — заметил я, — ты же не бросишься в волны, правда ведь?

Это оказалось моей ошибкой, Джохор. Я недооценил его деморализации, но как раз успел поймать Инсента за руку, когда он решил махнуть через балюстраду.

— Еще чего, — услышал я свой голос, я его бранил, — что за безответственность! Ты прекрасно знаешь, что тебе надо просто вернуться и все начать сначала! Ты знаешь, во что обойдется новая экипировка для тебя, а уж чего стоит поместить тебя в нужное место и в нужное время… — Я записываю эту маленькую тираду, чтобы показать вам, как быстро на *меня* повлияла общая атмосфера; вы уверены, что я гожусь для этой работы? Но Инсент тут же принялся жалеть себя и обвинять себя, сказал, что ни на что не годен (да, я услышал отзвук своих огорчений — *спасибо!),* что не готов к этой работе, недостоин Канопуса. Да, он был готов согласиться (потому что знал, что я не могу быть неправ), если бы я настаивал, что Шаммат — зло; но это убеждение осталось бы лишь у него в голове, чувства же у него были не в ладу с мыслями, он не верил, что когда-нибудь снова станет цельной личностью… И все это — под музыку Чайковского и Вагнера.

Я включил для него особую терапевтическую программу, иллюстрируемую роликом новостей

о последних волнениях на планете, находящейся на самом краю Сирианской империи, где она граничит с Империей Путтиоры. Обитатели Полши, постоянные жертвы набегов той или другой Великих Держав, иногда Сириуса, а иногда Путтиоры, благодаря этому непрерывному давлению на них и напряженной обстановке, из-за постоянно прилагаемых усилий сохранять свою национальную идентичность и самоощущение себя гражданами Полши, выработали в себе лихой, героический, отчаянный национальный характер, которым они издавна славятся. В двух огромных империях (не говоря уж о нашей) полшане известны своей особо трагической и даже склонной к самопожертвованиям натурой. Более благоразумные соседи критикуют их за это, особенно те, кого более крепко прижала пята (простите за выражение) Путтиоры или Сириуса; но ими восхищаются другие, менее прижатые планеты, обычно степень этого восхищения обратно пропорциональна расстоянию от оказывающих давление центров власти. Таким образом, «дело полшан» имеет тенденцию особенно страстно превозносить такие планеты, как Волиен, которые сами давно не подвергались нашествиям.

Войны и резня, которые всегда наводняют Пол-

ши, в последнее время прекратились, настолько надолго, что успело вырасти поколение, личный опыт которого сводится лишь к словесным поощрениям Сирианской Риторики, к идеям, генерированным Сирианской Моралью. И этот самый восхитительно храбрый народ заявил Сириусу, что Сирианская Мораль и ее хранители, по определению, должны приветствовать самоопределение планет, справедливость, свободу демократии (и так далее и тому подобное). Потому Полши намерена впредь взять в свои руки управление собственными делами. В то же время эти неустрашимые люди приглашают все соседствующие с Сириусом колонии последовать их примеру — пойти по пути самоопределения, демократии, справедливости, Морали (и так далее и тому подобное). Сириус (в данном случае Консерваторы) следил за всем этим без удивления, потому что мятеж — это и есть то главное, чего они ожидают и что изучают, и не делал абсолютно ничего, воздерживаясь от интервенции вплоть до того момента, когда герои уже дошли до того, что выбрали собственное правительство, которое отбросит Сирианскую Мораль и установит свою. И тогда Сириус зашевелился. Благодаря этой задержке они дали возможность

каждой отдельной личности обоего пола, потенциально готовой к подрывной деятельноста, самоопределению, героизму, враждебной агитации, антисирианским настроениям, принятию Морали Полши (и так далее и тому подобное), проявить себя и таким образом допустить, чтобы их арестовали, уничтожили, изолировали, то есть позволили обезвредить возможную оппозицию. По крайней мере, на срок существования настоящего поколения.

— Клорати! — взывал Инсент со слезами на глазах. — Вы говорите, что тирании никогда не следует противодействовать?

— Когда ты слышал от меня такие слова?

— Да вы только посмотрите на это благородство! Какое самопожертвование! Какая отвага! Какой безрассудный героизм! А вы стоите тут с сухими глазами, Клорати! Империи появляются и исчезают, говорите вы, и я помню, как вы невозмутимо излагали эту тему на наших занятиях в Канопусе. Но они рушатся, безусловно, потому, что восстают порабощенные народы! Разве не так?

— Инсент, ты согласен со мной, что исход и последствия данного конкретного героического эпизода было не так уж трудно предсказать?

— Я не хочу об этом думать! Я не могу этого вынести! Я бы хотел умереть! Я ничего знать не желаю! Выключите эту ужасную штуку!

— Инсент, — увещевал я, — тебе придется выслушать меня: ты очень болен. Но ты обязательно выздоровеешь, можешь мне поверить.

И я ретировался, оставив его рыдающим, он заламывал руки, потом широко их раскинул, обратившись к волнам, будто собирался обнять весь океан.

Проконсультировавшись с врачами, я узнал, что никому до сих пор не удавалось так долго устоять против этого лечения. Было понятно, что они растерялись. В конце концов, такое интенсивное разнообразие приемов гомеопатической медицины — лучшее (если не худшее) из того, на что мы способны. Короче, никогда у нас не было случая, подобного Инсенту. В каждом другом остром случае сравнительно быстро наступает стадия, выражаемая словами «Ну и что!», после которой пациент быстро выздоравливает.

Когда врачи заявили, что больше ничего не могут предложить, я их успокоил, сказал, что обдумаю этот вопрос сам и возьму на себя ответственность.

Потом ненадолго заглянул в отделение Рито-

рической Логики, работа которого основана на противоположном принципе, а именно — снятии эмоционального стимула.

В верхнем этаже того крыла здания, которое не выходит на океан (из его окон видно начало пустыни, где с одной стороны высятся горы, а с другой — темный неподвижный лес), мы построили просторные, не заставленные мебелью побеленные комнаты, тишину в которых нарушают только щелчки компьютеров, куда с диспетчерского пульта подаются исторические тезисы, типа «капитализм есть несправедливость», «коммунизм есть несправедливость», «свободный рынок есть прогресс», «монархия — гарант стабильности», «диктатура пролетариата должна предшествовать отмиранию государства». И прочее в том же духе.

Но эта палата была пуста: ее время еще не пришло.

В поездку к Ормарину я не взял с собой агента 23. У того наблюдались явные симптомы заболевания Риторикой. Этот парень сам просился в исправительное заключение и потом доказал, что болезнь на самом деле овладела им всерьез, потому что он уже не понимал, что болен, а заявлял с большим чувством, что высокий стиль, в

котором написана Конституция «Империи» Волиен, сулившая счастье, свободу и справедливость каждому своему жителю как неотъемлемые, неотчуждаемые права, ему кажется «самым волнующим», что он встречал в жизни. Сейчас бедняга помещен в палату Умеренной Риторики и, надеюсь, скоро придет в норму.

Теперь об Ормарине.

Проще всего его можно охарактеризовать, сказав, что в нем воплощается ряд противоречий: он работает в очень напряженных условиях, и в этом его сила и его же слабость.

Вспомните, когда Волиен завоевал Волиендесту, местные жители были уничтожены или взяты в рабство, и их собственную страну у них фактически отобрали. Может, вы не помните, потому что это в принципе невозможно, но этот жестокий процесс совершался под напев риторикoв, заявлявших, что все это делается ради блага названных народов. Умение искажать истину методами риторики — это и есть то умение, которое, естественно, особенно интересует наших канопианских исторических психологов в связи с Сирианской империей, но мне кажется, что они просмотрели крайние случаи этой патологии, пример чему — «Империя» Волиен. По крайней

мере, я обращаю внимание на это умение искажать истину сейчас, потому что оно жизненно важно для того, что я замечаю при своих поездках (в основном секретных) по Волиену и его четырем колониям.

Ормарин всю свою жизнь воплощал тип «неудачника», хотя его надо воспринимать не как жалкого полураба, а, пожалуй, как менее удачливого среди победившего меньшинства. Будучи разумным существом, он вполне осведомлен об этой аномалии и для компенсации способен, дай ему только повод разразиться потоком жалостливых и скорбных слов, описывая состояние народа. Такое умение Ормарина лить словесные потоки сетований вполне оценили его сограждане, которые на официальных мероприятиях требуют от него скорбных выступлений по поводу эксплуатируемых, начиная со слов типа: «А теперь я хочу сказать, что положение наших товарищей, таких же рабочих, как мы, всегда на переднем крае моих забот…» и так далее.

Это и есть первое и худшее противоречие в характере Ормарина.

А вот и следующее: хотя он представляет интересы наиболее необеспеченных своих сограждан, причем некоторые из его сотоварищей действи-

тельно живут в нищете, его же собственный образ жизни вряд ли можно описать как отсутствие достатка. Его вкусы совпадают со вкусами счастливого меньшинства во всей «Империи» Волиен; но он понимает необходимость это скрывать. Было время, когда Ормарин считал эту необходимость лицемерием и претерпел кое-какие мучительные перемены в образе жизни: в какой-то момент решился жить на среднюю зарплату низкоквалифицированного рабочего, в другой — на свою зарплату чиновника; а в какой-то еще период жизни провозглашал в своих речах, что статус обязывает его жить лучше, чем живет средний человек, но только с целью демонстрации того, что доступно для всех, — и так далее. Но тут возник другой фактор — вы, думаю, угадали, кто и что, — это Кролгул, истинное воплощение Шаммат, Отец Лжи. Из конца в конец и во всех направлениях империи странствовал и сейчас странствует Кролгул, по всем пяти планетам «Империи», — преследуя свою цель: представлять черное белым, а белое — черным.

Кролгул — персона внешне привлекательная, со всеми достоинствами крепкого малого, носителя бессознательной жизненной силы, и он покорил Ормарина тем, как в своей шумной

манере, весело и откровенно, отчетливо и грубовато, сформулировал волновавший Ормарина компромисс его жизни.

— Посмотри на это честно, — сказал он, — в такое время, когда надо выжить, когда всем не повезло, мы должны плыть по течению и адаптироваться к обстоятельствам.

Он представил Ормарина самому себе как *личность*, способную успокоить народ, от которого получает власть, личность, по своей сущности воплощающую их всех и каждого из них, или такую, какой каждый бы хотел видеть себя. Он научил Ормарина смотреть на себя как на человека надежного, обстоятельного, обходительного, — добродушно терпимого к собственным недостаткам в отношении плотских удовольствий, — хотя эти недостатки должны быть самыми примитивными слабостями, — как на человека, обладающего чувством юмора, говорящего неспешно, носителя здравого смысла.

В сущности, если говорить об Ормарине, картинка не так уж безумно далека от истины: Ормарин на самом деле обладает многими из перечисленных качеств. Но Кролгул наклепал множество особ, отвечающих этому имиджу, по всей «Империи», так что куда ни пойдешь

— всюду натыкаешься на представителей «рабочих» или «народа», которые обходительны, обстоятельны и так далее, — и которые все, без исключения, курят трубку и пьют пиво и виски (конечно, в меру), поскольку эти привычки ассоциируются со здравым смыслом и благонадежным поведением.

Ормарин вскоре перестал комментировать, что ненавидит курить трубку и пить пиво, не любит виски, а сигареты предпочитает определенного сорта, конфискованные космическими рейдерами из грузовых кораблей Сириуса, вместе с раздобытым таким же образом нектаром, произведенным на Сириусе (в метрополии). Ему неуютно в той личине, которую он сам же на себя и надел, он извиняется за нее, когда ему кажется, что его собираются критиковать. Итак, это вторая его черта, или противоречие.

Третье противоречие: его предки родом с Волиена, тем не менее вся жизнь Ормарина построена на борьбе — на словах — с доминированием Волиена, хотя в то же время он желанный гость на этой планете, где получили образование его дети. Волиен выкачивает богатства из своих четырех колоний, представляя себя в то же время их благодетелем под лозунгами типа «Помощь

несчастным» и «Развитие отсталых». Таким образом, Ормарин постоянно участвует в проектах «развития» Волиендесты, разработанных на Волиене, но при этом неизменно протестует, произнося великолепные речи, которые исторгают слезу из глаз каждого слушателя (даже у меня самого, если не спохвачусь вовремя, так что да, я *вполне* осознаю исходящую от него опасность), вещая, что мол эти проекты — одно лицемерие.

Четвертое противоречие связано с Сириусом. Поскольку самому Волиену сравнительно нечего бояться нашествий, благодаря высокому моральному духу его населения, которое хорошо кормится, имеет благоустроенное жилье и получает хорошее образование, по сравнению с четырьмя его колониями, Сириус игнорирует метрополию (разве что засылает на Волиен своих шпионов) и в первую очередь оказывает давление на его колонии, особенно на Волиендесту, так что Ормарин, ненавидящий «голый империализм» Волиена, — именно так он, от лица своих избирателей, всегда говорит об этой планете, где родились его собственные не очень отдаленные предки, — способен скорее, чем обитатели Волиена, посочувствовать Сириусу, чьи попытки вступить в переговоры всегда выражены в

виде «помощи» или «совета» и, конечно, в виде бесконечных и красноречивых риторических описаний колониального положения Волиендесты.

На Волиендесте, а также на Волиенадне, на Мейкене и Словине не хватает больниц и учебных заведений любого рода, там нет таких удобств, какие на Волиене считаются само собой разумеющимися, — и все это Сириус предлагает «безвозмездно».

Иногда среди разглагольствований риторикова Волиена встречаются отточенные и меткие фразы. Вот одна из них: «Нет такого понятия, как бесплатный ланч». К сожалению, Ормарин не соотносит эту символическую фразу со своим положением.

Мое же собственное положение осложнилось: мне не хотелось, чтобы он применил эту фразу ко мне, здесь она неприемлема.

Я встретился с Ормарином на официальном мероприятии: он стоял на склоне низкого холма с группой сподвижников и наблюдал, как подрядчик с Сириуса строит участок шоссе.

Это шоссе, восхитительное сооружение, двухполосная магистраль, свяжет столицу с морским портом. Сириус постоянно доставляет самолета-

ми все новые партии рабочих со своих планет 46 и 51, поселяет их в соответствующих кварталах, охраняет их и следит за ними. Этим несчастным не разрешено вступать в контакт с местным населением, так потребовало правительство Волиендесты. И вот так получилось, что я увидел Ормарина в еще одной его сомнительной роли, характерной для этого человека: он со своими товарищами, возможно, и не одобрял использование рабского труда или жестокого обращения с рабочими, и все же они пришли сюда поаплодировать получению «дара» — этой дороги. Когда я подошел поближе, все мужчины-чиновники тут же достали свои трубки и задымили, а две женщины торопливо спрятали надетые на них привлекательные шарфы и украшения сирианского происхождения. Я подошел как раз вовремя и услышал речь Ормарина, которую транслировали для дорожных рабочих, их охраны и делегации с Сириуса.

«Выступая от лица трудящихся мужчин и женщин этой планеты, я с большим удовольствием открываю этот участок шоссе и выражаю благодарность нашим щедрым благотворителям с Сириуса…» и так далее. И в этот момент Ормарин уже сообразил, кто к ним подошел.

Ормарин мне симпатизирует и всегда рад нашим встречам. Потому что знает: передо мной ему не надо надевать личину. Все же он, правда, иногда подозревает, что я шпион с Сириуса; или вообще какой-то шпион откуда-то, может, работаю на правительство центрального Волиена. Иногда Ормарин шутит, что «не должен бы связываться со шпионами», одаривая меня взглядом, в котором смешаны «откровенная честная скромность» (часть имиджа *государственного чиновника*) и внутренняя неловкость от необходимости нести этот имидж. Или имиджи…

Я обычно в ответ шучу, что в любой момент времени среди его помощников есть как минимум один шпион центрального правительства Волиена, один работающий на власти Волиендесты, и, возможно, по одному с Волиенадны, ВЭ 70 и ВЭ 71, а также несколько с Сириуса. Он отвечает шуткой: мол, если это правда, тогда, выходит, половину его помощников составляют шпионы. Я шучу: мол, он наверняка понимает, что сам дал точное описание своего окружения. И тут Ормарин надевает личину, обязательную для таких моментов, — будто его вынудили согласиться с *невозможной* правдой, — этакое выражение хитрости и умудренного жизнью сожаления и

одновременно скептицизма, говорящего, что ничего уж тут не поделаешь.

Он на самом деле окружен шпионами всех типов, некоторые из них — его самые квалифицированные помощники. Шпионы, наделенные особым талантом, скажем, администрирования, которые просочились в административные органы с целью шпионажа, часто наслаждаются своим побочным занятием и даже дослуживаются до высоких постов и тогда, бывает, сожалеют, что не начали свою карьеру с поста простого «слуги народа», как тут это называется. На своих же закрытых встречах они высказывают огорчения типа «Ох, понимал бы я раньше, что гожусь для настоящей работы, так не пришлось бы мне довольствоваться шпионской деятельностью». Но это уже другая история.

Ормарин вскоре закончил официальную часть мероприятия; его коллеги разошлись; он сбросил свой официальный имидж, обменявшись со мной заговорщической улыбочкой, и мы вместе уселись на склоне холма. На вершине холма напротив нас контингент с Сириуса направлялся в свой космолет, чтобы ехать домой. Несколько сотен рабочих с Сириуса суетились вокруг шоссе, и до нас доносились окрики и приказы надсмотр-

щиков.

Погода на этой планете неустойчива, но изредка выпадают минуты, когда не приходится терпеть неприятную жару, холод или многочисленные осадки.

Мы в молчании следили за одним человеком, который только что был рядом с нами: он бегом догонял группу с Сириуса, чтобы доложить обо мне и моем прибытии.

Я облегченно вздохнул, когда Ормарин решил не начинать свою ритуальную жалобу в стиле «Ох, как ужасно, когда вынужден работать с обманщиками…» и так далее. Вместо этого он обратился ко мне с вопросом:

— Прекрасное шоссе они там строят, да?

— Согласен. Уж что-что, а строить дороги сириане умеют. Оно называется шоссе первого класса, первого сорта для войны второго типа, с полной оккупацией. — Мой ответ был тщательно продуманным: я хотел натолкнуть Ормарина наконец на вопрос: а сам-то ты *откуда?*

— Не сомневаюсь, им можно будет воспользоваться для любых перевозок! — поспешно сказал он и огляделся в поисках чего-нибудь нейтрального, желая перевести разговор на другую тему.

— Ничего подобного, — твердо заявил я. — То,

что строит Сириус, предназначено для четко определенной цели. Это шоссе предназначено для целей оккупации после войны второго типа.

Может, хоть теперь-то он наконец спросит? Нет! В ответ я услышал:

— Да брось ты, не будешь же смотреть в зубы каждому дареному коню.

— Еще как будешь. Особенно этому.

Увы, я неточно все рассчитал, потому что Ормарин принял героическую позу, оставаясь сидеть по-прежнему на небольшом камне рядом с симпатичным цветущим кустом, и завел свою песню:

— Мы будем сражаться с ними на пляжах, мы будем сражаться с ними на дорогах, мы будем сражаться с ними в воздухе…

— Не уверен, что вы многого добьетесь, сражаясь с Сириусом в воздухе, — благоразумно заметил я, намереваясь сбить эту напыщенную манеру, в которую все они тут запросто впадают.

Наступило молчание. Ормарин по-прежнему бросал на меня быстрые беспокойные взгляды. Но не знал, о чем спросить. Или же просто не хотел задавать мне ключевого вопроса, и, возможно, это было как раз хорошо. Дело в том, что понятие «Канопус» у них всегда ассоциируется с мифом, и он, возможно, не смог бы понять моего

объяснения или же не так быстро его воспринял бы, как мне требовалось.

Я облегчил Ормарину жизнь, заставив считать меня пришельцем с Сириуса, хотя бы временно:

— Я видел, как строили шоссе такого типа на десятке планет перед тем, как на них вторгнуться.

Опять наступило молчание.

— Ох, нет, нет, — помолчав, сказал он. — Не могу с тобой согласиться. Я хочу сказать, все мы знаем, что у Сириуса сейчас хватает забот, им надо поддерживать в подчинении свои соседние планеты; не станут же сириане добавлять себе хлопот… и вообще… нечего им думать, что они одолеют… — Затем последовали несколько минут ритуального патриотического колебания воздуха.

На эти слова я ничего не ответил, и Ормарин сменил тон и уже другим голосом, тихим, испуганным, проговорил:

— Но я не могу без страха на это смотреть — я действительно не думаю, что захотел бы жить под властью сирианской оккупации.

Я процитировал ему отрывок из истории Волиендесты, какой она записана в наших хрониках:

— Из четырнадцати планет Звезды П 79 три обитаемы: Планета Три и две ее луны. Главная

особенность их истории — что их жители тысячелетиями вторгались друг к другу и заселяли чужие планеты. Самый долгий период стабильности составлял несколько тысяч тысячелетий, когда Луна Два захватила и победила две другие планеты и удерживала их в своем подчинении путем особо жестокого деспотизма…

Он перебил меня, на что я и рассчитывал:

— Прости, Луна Два — это была та планета или…

— Это были вы. А Волиенадна — Луна Один.

Чудесное это было зрелище — наблюдать, как на лице Ормарина появилось выражение удовлетворенной гордости, о котором сам он и не подозревал.

— Мы, Волиендеста, управляли всеми тремя планетами? Волиен тогда, значит, был неудачником?

— Да, это ты верно сформулировал: Волиен и ваша братская планета Волиенадна были неудачниками.

Ормарин осознал, что выражение торжествующей гордости вряд ли украшает оппонента империй, подкорректировал выражение лица и сказал:

— В нашей истории не говорится ничего по-

добного. И, кроме того… — оппонент империй подбирал подходящие слова, — …местные жители — довольно отсталый народ. Я хочу сказать, в этом нет их вины… — И тут он стал бросать боязливые взгляды направо и налево, на случай, не подслушивает ли кто. — …Есть логичные объяснения этому, исторические причины, но они немного, скажем так…

— Отсталые, — категорично сказал я, и на его лице выразилось облегчение.

— Как всегда бывает, — продолжал я, — тогда настало такое время, что народы двух порабощенных вами планет стали сильными и уверенными в себе, преодолели трудности и разработали втайне способы и методы, как свергнуть — не вас, а ваших предшественников, которых они почти целиком стерли с лица земли. Впрочем, невелика потеря, раса-то была довольно несимпатичная. По крайней мере, так считали те, кого они подчинили себе. Но еще сохранились их черты в аборигенах, если знаешь, куда смотреть.

— Удивительно, — пробормотал Ормарин, и на его широком честном лице (пожалуй, сейчас по-настоящему честном) отразилась напряженная попытка вникнуть в историческую ретроспективу. — И мы ничего об этом не знаем!

Для меня наступила минута сказать «Зато, к счастью, знаем мы…», но я решил пока промолчать о Канопусе. Я видел, как Ормарин в высшей степени задумчиво и проницательно рассматривает мое лицо; он знал намного больше, чем говорил, и даже больше, возможно, чем признавался сам себе.

— Остальное узнать не желаешь? — спросил я.

— Ты должен понимать, для меня все это — просто настоящий удар.

— То, что я сейчас тебе расскажу, записано в вашей истории, хотя, конечно, подано не под таким соусом, как у нас. Итак, слушай. Луну Два — это вы — и Луну Один оккупировал Волиен на несколько В-веков. И это оказалось не так чтобы плохо. Ваша планета — Луна Два — погрязла в невежестве настолько глубоком, что ваши прежние подчиненные с Волиена вас завоевали. Жители Волиена, до недавнего времени ваши рабы, были очень самоуверенны, знали всякие ремесла и технику, все это в основном позаимствовали от вас. Пожалуй, именно они сохранили для вас ваше наследие, хотя бы частично. Эти черты были представлены, пожалуй, можно сказать, представлены по-новому и сохранились на Волиене, хотя из-за внутривидового скрещива-

ния в той новой расе — энергичной новой расе Волиена — скоро стало трудно определить, кто родом из аборигенов, а кто с Волиена. И этот же процесс шел на Волиенадне. Там даже быстрее, потому что из-за ужасно тяжелой жизни на той ледяной планете тамошний народ всегда был крепким и выносливым. Очень скоро Луна Один, или Волиенадна, частично отвергла, частично поглотила своих пришельцев с Волиена, ну а затем победила Волиен и заселила вашу планету.

— Один из моих предков, — с гордостью вставил Ормарин, — был родом с запада Волиенадны.

— Оно по тебе и видно, — заметил я.

Со скромным видом Ормарин протянул вперед обе руки, чтобы вызвать у меня восхищение. Руки были очень большие, сильные, характерные для жителей запада Волиенадны.

— Не забудь, мы задали им хорошую трепку, так что победа далась им нелегко, — похвастал он.

— Нет, конечно. Когда они высадились, их встретила армия в тысячу волиендестанцев, и вся тысяча полегла. Все до единого, всех испепелило оружие Луны Один.

— Это верно. Наша Доблестная Тысяча. А агрессоров было убито девять десятых, хотя у волиендестанцев, по сравнению с ними, было

весьма примитивное оружие.

— Да, бойня была та еще: и местных много полегло, и пришельцев.

— Это точно.

— Славная, героическая глава в истории обеих сторон.

— Да уж.

— Я сегодня любовался двумя памятниками — они стоят бок о бок на вашей главной городской площади, в память о том славном дне, один в честь Доблестной Тысячи, волиендестанцев с Луны Два, а другой — в память Героических волиенаднанцев, с Луны Один. Это ваши предки, их кровь течет в ваших жилах. Вместе, конечно, с кровью волиенцев и многих других.

Ормарин смотрел на меня не отрываясь, задумчиво, немного скорбно.

— Верно, парень, — сказал он. — Я теперь тебя понял довольно хорошо. Ты меня предупреждаешь — о чем же?

— А сам ты как думаешь, Ормарин?

— Ты на самом деле считаешь, что Сириус станет?..

— Вы слабы, разобщены, в упадке.

— Мы будем сражаться с ними на…

— Да, да. А ты не думаешь, что?..

— Откуда ты так в этом уверен, если сам не агент Сириуса, а? Я уж начинаю подозревать…

— Нет, Ормарин, я не их агент. И я уверен, что ты на самом деле не думаешь ничего подобного. Зачем мне какие-то особые источники информации, чтобы понять очевидное? Когда планета слаба, разобщена, пришла в упадок, почти всегда ее захватывает более сильная планета или группа планет. Это такой закон. Если не Сириус, найдется другая держава. Почему ты считаешь, Ормарин, что этот закон не для вас?

Внизу, в долине, темнело. Охранники, бегая вокруг толпы по новому шоссе, пинками согнали сотни рабов — дорожных строителей — в колонну по двое и на ночь увели в бараки.

— Бедняги, — вдруг страстно проговорил он с неподдельной жалостью. — Такой же будет и наша участь?

Я ответил:

— Сирианская империя давно прошла свой пик развития. Она медленно растет уже в течение… ты просто не поймешь, если я тебе сейчас расскажу, скольких тысячелетий. *Ваша* история насчитывает несколько тысяч ваших лет. Сирианская империя самая большая по *размеру* в нашей галактике. Бывало время, когда ее

рост замедлялся, случались периоды, когда она уменьшалась в размерах из-за нерешительности своих правителей. Но в целом она растет. Этот последний период отличается маниакальным и неистовым незапланированным ростом, из-за внутренних распрей среди правящих классов Сириуса. Интересно отметить: по нынешней теории управления Сирианской империей, ее расширение не предполагается! Увеличение территории не стоит на их повестке дня. Они не глупы, эти сирианцы, по крайней мере, не все из них глупы: хоть кто-то отдает себе отчет, что они не контролируют своих действий, и только сейчас начали понимать, что это возможно, что империя может контролировать свое развитие в соответствии с… но это уже другая история. — Я наблюдал за лицом собеседника, ловя проблеск понимания, и если бы заметил хоть малый его признак, я бы договорился в итоге до разговора о Канопусе и о том, что управляет *нами.* Но на лице Ормарина застыло только напряженное внимание — попытка следить за ходом моей мысли, которая, даже если и была доступна его пониманию, но для него оказалась слишком новой, сразу не усвоить. — Недавно я имею в виду сравнительно недавно, конечно, — Сириус захва-

тил несколько новых планет, но не в результате планового и осмысленного решения, вовсе нет, а просто из-за того, что было поспешно принято какое-то решение, принято в ответ на непредвиденное обстоятельство.

— Поспешно, — пробормотал Ормарин, указывая на прекрасное полотно шоссе, простирающееся под нами, по которому рабов-рабочих отводили на ночь в бараки.

— Решение о строительстве этого шоссе было принято один С-год назад. Это произошло, когда Волиен захватил две планеты, которые Сириус считает частью своей Империи.

— Ты не досказал мне ту историю.

— Западные люди, те беспринципные победители, кровью которых ты так гордишься, создали тут и на Волиене широко разветвленное общество с разнообразными ремеслами. — Тут я заметил, что Ормарин тонко улыбнулся, глядя вниз, на свои могучие западные руки. — Но, как всегда бывает, Луна Один и ее две колонии потеряли импульс развития… На этот раз наступила очередь Волиена снова вознестись и победить. Это была довольно интересная маленькая империя, недавняя Империя Волиен, у нее были свои умеренные представления о справедливости, власти были

небезразличны к благосостоянию своего народа, по крайней мере в теории, они пытались ввести в свой правящий класс верхние слои населения побежденных народов…

Я увидел, что мой собеседник пристыжен, и услышал, как он вздохнул.

— Видишь ли, — продолжал я, — ты мог бы выбрать жизнь в кварталах и бараках с аборигенами и не идти на компромисс, но ты не стал…

— Да поверь ты мне, — заговорил он хрипло, и в голосе его звучало страдание, что я спровоцировал почти намеренно, — я ночами не спал, себя ненавидел.

— Ну да, как же… — усмехнулся я. — Но факт остается фактом: что сделано, то сделано, и в результате ты занял ключевое положение на этой планете. А когда придут сириане…

Но я переиграл. Стимул оказался слишком высок.

Ормарин вскочил на ноги на уже потемневшем холме, за его спиной всходили яркие звезды, — одна из них Волиен, его нынешний хозяин, — и, подняв к небу правый кулак, этот кулак западника или волиенаднанца, он начал ораторствовать:

— Я стою тут как свободный человек, дышу

свободным воздухом, мои ноги опираются о мою землю! Я не намерен подчиниться тирании вражеских завоевателей, уж лучше я соберу камни с этого склона, если понадобится, заготовлю дубины вон в том лесу и буду бороться, пока смерть не одолеет меня и…

— Ормарин! — попытался я его остановить. — Какое отношение имеют все эти прекрасные намерения к твоей ситуации? Прежде всего, у тебя есть эффективное современное оружие, вы, свободный народ Империи Волиен… — Но все слова были бесполезны.

— Тот, у кого есть истинное мужество, никогда не выберет жизнь раба, если можно умереть в борьбе! Кто — какой мужчина, женщина или ребенок — из вас знает, что такое стоять с высоко поднятой головой…

Боюсь, должен признаться: приступ оказался сильным. Мне пришлось поместить Ормарина в больницу на несколько дней.

Но я должен сообщить вам кое-что похуже. Оказавшись в больнице, я отправился посмотреть, как обстоят дела у бедного Инсента. Найдя его сравнительно здравомыслящим и способным объективно оценивать свое состояние, я попросил его разрешения на проведение экспе-

римента.

Эксперимент был из простейших, основанный на слове *история.*

Услышав само это слово, Инсент сохранил хладнокровие. От слов *«исторический* пульс» у него пульс забился быстрее, но потом успокоился. При словах *«исторические процессы»* больной оставался непоколебимым.

Перспективы истории — то же самое. *Ветры истории* — Инсент начал проявлять признаки возбуждения. И они не уменьшались. Тогда я решил рискнуть, но, видимо, поспешил: увеличил дозу, попробовав словосочетание *«логика истории».* В этот момент я начал понимать всю безнадежность затеянного эксперимента, потому что Инсент задышал быстрее, лицо его побледнело, зрачки расширились. *Неизбежность исторических уроков… исторические задачи…*

Но только на словах *«мусорный бак истории»* я отступился. Он вскочил на ноги, сильно возбужденный, обе руки поднял кверху, готовый погрузиться с головой в декламирование, и тут я сказал:

— Инсент, *что* нам делать с тобой?

Этот взлет риторики следует извинить создавшимися обстоятельствами.

Я велел медицинскому персоналу как следует присматривать за ним.

Но Инсент сбежал. Думаю, можно не объяснять куда. Я поехал в Волиенадну, где действовал Кролгул. Оттуда пришлю следующий рапорт.

Клорати Джохору, с Волиенадны, первого спутника Волиена

Эта планета — не из числа самых приятных. Ледяной покров, которым она была покрыта до недавнего времени, отступил к полюсам, оставив после себя типичный ландшафт: шероховатая сухая почва, вся в рубцах после интенсивного перемещения льдов и в результате воздействия ветров. Растительность здесь скудная и тусклая. Бурные реки все еще несут растаявший снег и лед, навигация затруднена, тут мало что может доставить удовольствие и дать возможность расслабиться.

Исконные жители планеты — генетические наследники людей ледникового периода — внешне тяжеловесные, плотные, сильные, с замедленной реакцией. Такими же огромными руками, которыми так гордится Ормарин, они строили стены из блоков льда, спасали животных, провалившихся в полузамороженную воду; эти

руки душили, молотили, выкручивали, ломали, рвали, изготавливали орудия производства из рогов лосей и их костей. Вторжения народов менее дерзких (в противоположность Луне Два, эту планету завоевывали и заселяли не один раз обитатели планет С-ВЭ 70 и С-ВЭ 71) не ослабили породу, потому что условия жизни по-прежнему оставались трудными, и те, кто не смог адаптироваться, попросту вымирали.

История этой планеты, таким образом, не сильно отличается от истории Волиендесты, но являет собой пример могущества природных условий. Этот народ по характеру угрюм и меланхоличен, медлителен во всем, но вместе с тем местным жителям свойственны ужасные приступы гнева и припадки безумия, и даже сейчас можно угадать по настороженному повороту головы, по возмущенному взгляду, когда глаза, кажется, не только смотрят, но и слушают, так их предки прислушивались к звукам, которые могли нести с собой предупреждение или угрозу, — завывание ветра, треск льда от перегрузки, глухой звук снежного обвала.

После последнего вторжения Волиена условия их жизни стали хуже. Тут все дело в обилии минералов: теперь, куда ни глянешь, повсюду

понастроены заводы, шахты, целые города, существующие только для извлечения и переработки минералов, которые отправляются на Волиен. Аборигены, работающие в этих шахтах, живут в рабских условиях и умирают молодыми из-за болезней, вызванных в основном нищетой или пылью и радиацией — результатом переработки минералов. Правящий класс планеты живет на Волиене, а для тех, кто остался на этом спутнике, существует несколько более благоприятных зон, которые Волиен поддерживает и сохраняет; жители этих зон изо всех сил стараются закрывать глаза на страшную жизнь своих соотечественников.

Условия существования на Волиенадне настолько экстремальны, что ее, по моему мнению, можно спокойно называть рабской планетой, так что пусть вас не удивляет обращение Кролгула к жителям именно в этом стиле:

— О рабская планета, о Волиенадна, сколько ты еще обречена носить свои цепи?

Я приехал на эту планету в унылый серый день, приземлился на окраине унылого серого города, прошел пешком на центральную площадь и там увидел Кролгула, который как раз обращался к серой, унылой и молчаливой толпе:

— О рабская планета, о Волиенадна, как долго ты еще обречена носить свои цепи?

Из толпы донесся низкий рев, но тут же смолк. Толпа слушала.

Кролгул забрался на цоколь внушительной статуи шахтера с поднятыми сжатыми кулаками, со сверлящим взглядом, устремленным поверх голов толпы. Судя по всему, оратор намеренно копировал его позу — повсеместно известную, потому что эта статуя издавна служит символом различных рабочих движений. Возле Кролгула стоял нервный, взбудораженный Инсент, его внешний вид составлял резкий контраст с полной достоинства позой оратора; Инсент то улыбался, то хмурился, но никак ему не удавалось принять и сохранить убедительную позу перед публикой. Как и было задумано, Кролгул заметил меня в толпе. В этой толпе среди тяжеловесных медлительных людей выделялись трое: я, типичный канопианец, в данной среде воспринимаемый как «волиенец», тут так называют всех чужеземцев; Инсент, такой изящный, стройный и нервный; и Кролгул, хотя тот изо всех сил старался выглядеть волиенаднанцем.

Может быть, вы помните Кролгула: такой крупный, если не сказать грузный, обаятельный,

приветливый — в общем, славный парень, всегда любезный; его адаптация к этой планете может служить образцом торжества самодисциплины, потому что он создал *имидж* преданной, мыслящей героической персоны; все знают, что он живет в скудно обставленной комнате на зарплату, меньшую, чем у рабочего; он всегда улыбался так скупо, что каждая его улыбка вдохновляла на создание баллады:

…Выстрелили Волиена любимцы.
Наши мертвые лежали на земле.
И нахмурился наш вождь, сие увидев.
«Не сдадимся!» — закричали мы,
Голоса неистово звучали.
И тогда-то Кролгул улыбнулся.

Но беда в том, что этот народ так тяжел на подъем, что у Кролгула редко бывал повод для улыбки. Он вот чего хочет от местного населения: чтобы они «поднялись все вместе и сразу, нанеся мощный и решительный удар» и захватили всю власть.

Но этому противится общий здравый смысл народа: волиенаднанцы знают по своему самому горькому опыту, что армии Волиена сильны и

безжалостны.

Итак, Кролгул начал организовывать головной отряд — возбудитель ненависти, сначала направленной против «всех волиенцев», а потом, поскольку эта цель оказалась слишком неконкретной, а потому и неэффективной, — против лорда Грайса, назначенного сюда Волиеном на должность губернатора, имя которого неизменно дополняли прозвища-эпитеты: Жирный, Толстяк, Гора Сала, Ненасытная Утроба. Они до такой степени приросли к нему, сделавшись своего рода титулами, что сплошь и рядом можно было слышать: «Лорд Грайс Ненасытная Утроба вчера был у такого-то», и это стало настолько привычным, что сам говорящий произносил это чисто автоматически. И даже сам лорд Грайс, по слухам, однажды, представился, нанеся визит главе муниципалитета: «Я Грайс Жирный, вы разве не знаете…»

Однако на самом деле он был высоким, сухопарым, довольно нескладным, в жестких условиях существования на этой планете заметно усилилась его природная меланхолия, и лорд Грайс сильно сомневался в своих способностях исполнять роль губернатора.

Этот истинный представитель Волиена стоял

сейчас у окна своей резиденции, которая находилась на площади, слушал Кролгула и совсем не пытался спрятаться.

Он представлял несомненную опасность для разглагольствований Кролгула, потому что людям на площади достаточно было лишь повернуть голову, чтобы увидеть сего преступника…

— А что уж говорить об этом архишарлатане Грайсе Жадюге! Он один воплощает в себе всю мерзость тирании Волиена! Кровь рабочую пьет… — и так далее.

Толпа зарычала и зашевелилась. Эти впавшие в летаргию солидные люди наконец проявили-таки признаки действия.

Однако Кролгулу не требовалось, чтобы они тут же кинулись на штурм губернаторской резиденции. В его намерения входило еще довольно долго пользоваться именем Грайса как средством для возбуждения ненависти. Поэтому он ловко переключил их на песню. «Вперед, на штурм, тиранов свергнем мы…» — и толпа взревела песню.

Несколько юношей из задних рядов, жаждавшие действия, развернулись лицом к резиденции, увидели в окне на втором этаже одинокую фигуру, вскарабкались на балкон и обратились к этому наблюдателю с криками:

— Мы пришли за ним! Не пытайтесь его прятать. Где Грайс Ненасытная Утроба?

— Я здесь, — скромно ответил Грайс, с готовностью выходя вперед.

В ответ оболтусы плюнули в губернатора, сделали несколько пассов кулаками в его сторону и велели ему предупредить Грайса Ненасытную Утробу, что они «скоро придут, чтобы покончить с тираном». Потом спрыгнули назад в толпу и присоединились к поющим.

Однако пение было не столь усердным, как того ожидал Кролгул. Лица, на которые я смотрел, хоть и завороженные пением, были все еще терпеливыми, даже задумчивыми.

Я вошел в небольшое дешевое кафе на площади и оттуда наблюдал, как толпа рассеивается.

Кролгул спрыгнул с цоколя, улыбаясь и отвечая на дружеские приветствия простых людей. С ним рядом Инсент, со сверкающими глазами, воодушевленный, трепещущий, но прилагающий все силы, чтобы являть своим обликом суровую и преданную серьезность, соответствующую имиджу боевика, который он рассчитывал освоить. Они, как два усталых солдата, направились в кафе, а за ними последовали неизбежная толпа обожающих героев женщин и несколько юнцов.

Оба уже уселись за свой столик, когда Инсент заметил меня. Вовсе не чувствуя себя виноватым, он пришел в восторг. И бегом ринулся ко мне, но вовремя опомнился — вспомнил, какую принял новую роль, и зашагал навстречу крупными шагами. Расплывшись в широкой улыбке, уселся напротив меня и требовательно спросил:

— Ну как? Видели когда-нибудь более трогательное зрелище?

Принесли газеты. Мелькали крупные заголовки статей: «СТИМУЛИРУЕТ...»; «ВОЛНУЕТ...»; «ВДОХНОВЛЯЕТ...». Инсент схватил одну и, хотя сам провел последние несколько часов на этом митинге, тут же погрузился в отчет о нем.

Кролгул, заметивший меня еще на площади, встретился со мной взглядом. Он улыбался сардонически, почти цинично, но тут же эта улыбка сменилась привычным взглядом — по-революционному суровым. Кролгул занимал удобное место в углу, так что из окон ему была видна разбредающаяся толпа, в то же время он мог наблюдать за всеми посетителями кафе. Туда, кстати, тут же вошла группа шахтерских вожаков, во главе с Колдером, тот тоже уселся в углу, лишь издали поприветствовав Кролгула кивком.

Но Инсент не заметил этого пренебрежения. Он

не сводил с этих людей страстных восхищенных глаз, и Кролгул одернул его холодным, порицающим взглядом.

— Они такие удивительные, ну просто *замечательные* люди. — Инсент пытался привлечь внимание Колдера, и тот наконец одарил его дружеским кивком.

— *Инсент,* — позвал я.

— Ну да, я знаю, вы хотите меня наказать. Вы хотите отослать меня назад в ту жуткую больницу!

— А мне-то казалось, что тебе там понравилось.

— Ну да, только здесь совсем другое. Теперь я в самой гуще настоящих событий.

Кафе уже было полным-полно. За исключением троих — меня, Инсента, Кролгула, все посетители были шахтеры-волиенаднанцы. Всех иностранцев тут автоматически считали представителями властей Волиена или шпионами — хоть с Волиена, хоть, как недавно стали подозревать, с Сириуса. После митинга в кафе собралось человек пятьдесят шахтеров, они хотели обсудить свое положение, прочувствовать свою тяжелую участь, и еще они, очевидно, удивлялись, как так вышло, что их представляют Кролгул и его постоянный спутник Инсент.

Кролгул, чувствуя по взглядам людей, что они о нем думают, нахмурился и вступил в серьезную дискуссию с молодой женщиной — коренной жительницей этого города, и с деловитым видом стал перебирать газеты, лежавшие на столе.

Но было понятно, что Колдера это не убедило. Перекинувшись с помощниками несколькими словами, он встал.

— Кролгул, — обратился он к лидеру. Кафе было небольшим, и когда Колдер встал и заговорил, все разом умолкли.

Приветственный жест Кролгула сильно смахивал на поднятый кулак: он небрежно поднял со стола раскрытую ладонь до предплечья и пару раз сжал и разжал вытянутые пальцы.

— Нас тут с ребятами вовсе не устраивает, как пошли дела, — заявил Колдер.

— Но ведь мы предварительно согласовали конкретные цели, — возразил Кролгул.

— Говорить об этом должны мы, ведь так?

В этом противостоянии, а таковым оно и было, Кролгул мог только соглашаться; но Инсент привстал, держась за спинку стула, лицо его затуманилось от разочарования.

— О-о, но это было так трогательно… так… так волнующе…

— Да, да, — согласился Колдер, — но, боюсь, дело пошло не совсем в том направлении, о котором мы договаривались.

— Однако при анализе ситуации мы решили… — начал было Кролгул, но Колдер его прервал:

— А вон там что за тип сидит, он твой друг?

Разумеется, Колдер имел в виду меня. Пятьдесят пар глаз сосредоточились на мне — глаз жестких, серых, недоверчивых.

— Пожалуй, можно и так сказать. — Кролгула сотрясал беззвучный смех, который можно было понять по-всякому, но Колдер истолковал его в плохом смысле и бросил в мой адрес:

— Эй, а ты что, язык проглотил? Живо говори, кто ты!

— Нет, я не друг Кролгула, — объяснил я.

— С визитом, что ли, прибыл?

— Он мой друг, мой! — закричал Инсент, и тут же усомнившись, правильно ли поступил, задохнувшись, с кривой улыбкой рухнул на свой стул.

— Да, я тут погостить.

— Наверное, с Волиена?

— Нет.

— Значит, этот тип друг того парнишки, который друг Кролгула, но самому Кролгулу вовсе

не друг, — раздался сардонический голос, и все засмеялись.

— Вы здесь не для того ли, чтобы написать книгу о путешествиях? — издевательски поинтересовался Колдер. Смех усилился. — Сделать анализ нашего положения? — Опять смех. — Отчет для…

— Для Канопуса, — сказал я, зная, что это слово прозвучит для них, как старинная песня, как небылица.

Наступило молчание.

Кролгул не мог скрыть своего потрясения: только сейчас он впервые понял, что мое присутствие здесь — это всерьез, что на сей раз мы всерьез воспринимаем его. Странно, но люди, которые занимаются такого рода показушными махинациями, — чуть посмеиваясь, как бы экспериментируя, — часто утрачивают способность видеть со стороны себя и свое место. От *наслаждения самим* процессом манипулирования, властью, от *радости видеть себя в этой роли* они как будто теряют свой здравый смысл.

Я медленно обвел глазами лица окружающих. Энергичные лица, обтянутые серой кожей, на них было написано, как их изнуряет эта жизнь. Лица, как каменные. В серых, почти застывших

глазах шахтеров я увидел напряженную попытку вспомнить.

Колдер не садился — все еще стоял, держась своей большой рукой за спинку стула, этот лидер шахтеров, отчаяние которых позволило ему стать объектом манипуляций Кролгула, смотрел на меня долгим жестким взглядом и наконец произнес:

— Скажите там, откуда вы приехали, что мы тут очень несчастны.

При этих словах раздался долгий непроизвольный тяжелый вздох, и наступило молчание.

То, что происходило здесь, нельзя было сравнить ни с тем, что происходило недавно на площади, ни с тем, что организовывал, инспирировал Кролгул. Здесь шло действие, другое по качеству, по сути. Я смотрел на Инсента, поскольку, в конце концов, он был ключом к этой ситуации, и видел, что парень замолчал под сильным впечатлением. И даже задумался.

А Кролгул слишком хорошо понял, что наступил критический момент. Он нарочито медленно поднялся на ноги. Выбросил перед собой оба сжатых кулака. И теперь глаза присутствующих обратились на него.

— *Несчастны!* — повторил он последнее слово

Колдера тихо, едва слышно, так что все замерли, стараясь его услышать. — Да, именно это слово мы будем повторять снова и снова… — Голос Кролгула набирал силу, и его кулаки медленно тоже поднимались. — Несчастье было наследием наших отцов, несчастье — это то, что мы едим и пьем, несчастье — таков удел наших детей! — Кролгул закончил криком, уронив кулаки вдоль тела. Он стоял там, демонстрируя свою смелую осанку, свое бледное лицо, и глаза его на самом деле могли показаться запавшими и голодными.

Но он рассчитал не точно: он не увлек шахтеров.

— Да, — согласился Колдер, — думаю, ничего нового мы не услышали. — И, обернувшись ко мне, спросил: — Вы, откуда, вы говорите, прибыли? Ну, не имеет значения. А вот что ответите вы на его речь? — Говорилось это с полуусмешкой, но, признаться, усмешка эта была обнадеживающая, и теперь все глаза снова повернулись ко мне, и все присутствующие наклонились вперед в ожидании моего ответа.

— Я бы на вашем месте первым делом объективно оценил свое состояние и точно сформулировал, как все обстоит на самом деле.

От моих слов шахтеры оцепенели, а на лице

Инсента, которое он вдруг обратил ко мне, застыло такое выражение, будто я его ударил нарочно, с целью причинить боль. Джохор! Инсенту все достанется не просто. Вот что самое трудное в Галактике: если ты какое-то время был игрушкой слов, слов, слов, ты не сумеешь сразу сбросить зависимость от их опьяняющей силы.

— Думаю, мы все на это способны, — сухо заметил Колдер, снова усаживаясь на место и полуотвернувшись от меня, обратившись к своим приятелям. Но он не забыл обо мне. Все еще исподтишка косился на меня, как и остальные.

Кролгул тоже уселся и сурово глядел на Инсента. Инсент под этим взглядом заерзал на стуле, чувствуя неловкость и раздираемый противоположными чувствами. Я воспринимал его как некий вакуум, из которого энергия Канопуса утекала и всасывалась Кролгулом. Инсент мог сколько угодно сидеть тут за моим столиком и объявлять себя моим другом, но он был в полной власти Кролгула. Теперь, когда Кролгул сумел понять, что потерял приверженность — как он надеялся, временно — волиенаднанцев, у него оставался только Инсент. Это зрелище напоминало мне наблюдение за жертвой, из которой вытекает кровь: жертва задыхается и съежива-

ется, только Инсент питал и питает Кролгула не кровью.

Моей единственной надеждой был Колдер.

Я встал, чтобы меня видели все.

— Уходите? — Колдер был явно разочарован. Но тут же произошло то, на что я и надеялся, — Колдер произнес: — А не могли бы мы рассчитывать на вашу любезность — услышать мнение со стороны, объективное мнение?

— У меня есть предложение, — ответил я. — Вы соберитесь все вместе, пусть придут все, кто сможет, и организуем встречу, вместе с Кролгулом. И все вопросы обсудим.

Сначала они не соглашались, но под конец все-таки решились. У Кролгула не было выхода, хоть ему это вовсе не нравилось.

Конечно, мы могли прекрасно обсудить все вопросы прямо там, где оказались в тот момент, в том самом кафе, но меня беспокоил Инсент.

Я не приказывал ему следовать за мной, когда покидал кафе, но он все же пошел. Телом он был со мной.

Я отвел его в бедный район города, где поселился сам. Вдова шахтера, которой надо было растить детей, сдавала комнаты. Буквально первыми ее словами было: «Мы несчастный народ», —

причем сказала она это так спокойно, с таким чувством собственного достоинства, что во мне пробудилась надежда: вот что, подумал я, могло бы спасти их всех от Кролгула.

Хозяйка согласилась подать нам в комнаты скромный ужин. Он был действительно скромным: народ тут беден по-настоящему.

Мы с Инсентом по-братски разделили хлеб и фрукты, сидя за столом друг напротив друга.

— Ну, Инсент? — спросил я. — Что же мне с тобой делать?

Мой вопрос был вовсе не риторическим.

— Вы хотите меня наказать, вы меня накажете, — все ныл он, но при этом наслаждался своей униженностью, чему научился от Кролгула.

— Да, тебя, естественно, накажут. Не я, и даже не на Канопусе. Тебя покарает внутренний закон действия и противодействия.

— Как это жестоко, — прорыдал Инсент и тут же заснул: весь его аппарат чувств был расстроен, а ум подчинился этому расстройству. Однако физически парень достаточно крепок; это уже кое-что.

Оставив Инсента спящим, я попросил хозяйку присмотреть за ним, а сам провел ночь, обходя городские и пригородные бары. Повсюду беспо-

койство, даже ощущение грядущих беспорядков. Трудно определить, чем это вызвано в большей степени — ухудшением условий на планете или же стараниями Кролгула… о котором, интересно отметить, говорили значительно меньше, чем об Инсенте. Неудивительно, что силы Инсента иссякли. Казалось, он объездил все главные населенные пункты Волиенадны и большинство мелких. Если вы спросите, что же люди в нем нашли, я могу в ответ сказать только одно — *его заметили.* Он произвел впечатление. В городах и поселках он присутствовал на множестве собраний: в кафе, шахтерских сообществах, женских клубах, а это право бывать повсюду давало ему его убеждение, что он борется за правое дело. У него нет никаких верительных грамот. В тех редких случаях, когда он встречает сопротивление, он нетерпеливо, даже презрительно отвергает необходимость каких-либо мандатов, как будто его собеседники проявляют мелочность, а то и кое-что похуже; а через несколько часов убедительных увещеваний — предельно измучив слушателей, у которых вскоре даже проявлялись все признаки нервного перенапряжения, — он неизбежно отбывает дальше.

Можно ли сказать, что к нему не было доверия?

Нет, дело обстоит гораздо интереснее…

Есть такой тип революционеров, который всегда всплывает в период возможных перемен. Вначале он нерешителен, даже робок, потом удивляется, что умеет своей горячей убежденностью убеждать других, но вскоре все эти другие вызывают полное его презрение. Ему трудно поверить, что его, такую незначительную, и даже недостойную личность (потому что, по крайней мере вначале, он сомневается в себе), могут воспринимать всерьез те, кто старше и опытнее него, личности и впрямь иногда достойные и незаурядные, которые представляют народные массы. Все же он, этот факел праведной уверенности, лишь благодаря собственным достоинствам, сумел к ним приблизиться, уговорить их, убедить, и они теперь в его власти. Он просил о доверии — в первую очередь, — ну и о деньгах, а также надеялся воспользоваться их влиянием. В мгновение ока образовались группки людей, — повсюду, в каждом местечке, — которые выполняют его требования, ссорятся друг с другом, желают его слушать. Его слушают, вот что главное! Достаточно понаблюдать за ним, за его горящими глазами, за этим напряженным, как туго натянутая пружина, юнцом: он подался вперед — за столиком кафе,

на перекрестке улиц, где угодно, — пригвоздил жертву взглядом в убеждении, что они разделяют одну цель, что они конспираторы, что их — всегда — объединяет какая-то задача, небольшая по сравнению с невероятными возможностями. И тут же сразу, почти сразу эта небольшая задача так замечательно разрастается. Обнаружив, как легко говорить, когда ставятся конкретные задачи, скажем, создание местной группировки, или организация подпольных встреч, он вдруг — с не меньшим, чем другие, удивлением — понимает: да ведь то, о чем он говорил с людьми, уже превратилось в движение в масштабах города, потом планеты, даже в межпланетное.

— Мы сметем звезды ради нашего правого дела! — кричал Инсент на митинге в одном городе. А когда кто-то из собравшихся в ответ заорал: «Постой, парень, давай начнем с чего-нибудь попроще!» — в толпе раздался исключительно дружелюбный смех. А как же! Если ты оказался способен воспарить так далеко и так быстро из столь заурядного исходного пункта — в данном случае, с этой планеты, где люди невероятно измучены непосильным трудом, опустошены и хотят лучшей жизни, — тогда почему бы не «смести звезды» и не «преобразовать все»?

— Разве настоящий момент не динамичен? — кричал Инсент то с одной кафедры, то с другой. И сам оратор и впрямь излучал динамизм, так что бедные усталые люди, слушавшие его, тоже заражались этим; хоть и не надолго, потому что, как ни странно, впоследствии они чувствовали себя еще более усталыми, более изможденными, — после того как Инсент перебирался в другое место, обитателей которого решил расшевелить, привести в действие.

— Новые формы жизни станут динамически грандиозными, — вещал он, хотя только минуту назад он разбирался с вопросом, заданным из толпы, — о том, что для увеличения зарплат следует подать петицию в Волиен (через Грайса по прозвищу Ненасытная Утроба).

Ну, такая персона, как нам известно, не «сметет звезды», но все же придаст импульс движению очень многих. Однако люди, даже находясь под его обаянием, ощущали смутное беспокойство. Да, действительно все чувствовали неосознанное волнение: какими тупыми мы стали! Как одряхлели и устали от жизни! Как далеки от пламенных дней своей юности, которые теперь вдруг ожили в лице этого благородного, вдохновенного юноши. А он, наклонившийся сейчас вперед и

удерживающий их взгляды, казалось, всю их жизнь собрал и представил им в виде вопроса.

«Во что ты превратился?» — требовательно спрашивали каждого эти трагические, эти меланхоличные, эти бесстыжие глаза. Потому что, конечно, этот молодой герой, сам не отдавая себе отчета, использует все средства, какие у него есть, чтобы сломать разные формы сопротивления, с которыми ему предстоит столкнуться, в том числе секс, любовь материнскую и отцовскую: «О, если бы только мой сын был таким, настоящим пламенным бойцом!»; «О, почему в свое время я не выбрала в мужья такого человека!».

Но в душе все ощущали смутную тревогу. Может, ради доброго дела, но ими манипулировали! И как такое возможно, что этот человек играет не только тобой, недостойным (конечно), — этот юноша, у которого еще молоко на губах не обсохло, — но и твоими уважаемыми и почитаемыми коллегами?

Этот манипулятор с самого начала понимал, причем инстинктивно (все это практически всегда делается инстинктивно, а не из расчета: наш герой работает на волне чистой мысли «угадай и почувствуй», он никогда не сядет и не задумается: «Как мне удалось подмять под себя этого

бедного простофилю?»), что нужно обязательно упомянуть какое-нибудь «имя», чтобы произвести впечатление на собеседника. «Сегодня встретил Хаддера, — роняет он доверительно и как бы между прочим, — он сказал мне, что поговорит с Севом, а когда я заскочил к Боли вчера, она уверена, что знает, как достать…» Какие-то большие, почти невероятные суммы как будто материализуются; и вдохновенный юноша вместе с загипнотизированной жертвой в молчании их обдумывают. «Да-а-а… — наконец бормочет жертва, — понятно, да-а-а…»

И на лице каждого из них мелькает легкая неловкая улыбка от ощущения абсурдности ситуации.

Он все это проделывает в одиночку. Именно он обладает чутьем, искрой, движущей силой, энергией, именно он может завести этих людей, или, иначе говоря, кадры. *Он — кто такой?* Кто я? Может, это он бормочет про себя в минуты паники, видя, как марионетки дергаются и качаются на веревочках повсюду, куда он ни взглянет. Но как подобное стало возможным?.. Все эти умные, умелые, опытные люди? Выполняют его призывы?

Он чувствует, как будто сам дергается над пустым пространством. Паника накатывает снова

и снова, но он от нее уклоняется, избегает ее, бежит… Он работает усерднее, быстрее, переезжает с места на место, едва ли спит вообще, ест только попутно с этим процессом убеждения людей и манипулирования ими: «Нет, мне только сандвич, благодарю вас, вполне достаточно…»; «Разве что стакан воды, больше я ничего не хочу…» Но тем временем что-то происходит. Наступают, бесспорно, какие-то перемены. Разумеется, не в масштабе, предусмотренном на этапе игры в «сметание звезд». Но и не так скромно, конечно, как он себе представлял в те первые робкие моменты. Нет, когда он впервые почувствовал, что его поднимают эти божественные крылья правоты и убежденности, он подумал: «О-о, может быть, я смогу заставить их увидеть хоть немного…» Но нет, он очень далек от этого. В реальности возникают организации — с оплаченным членством, фондами, брошюрами, фирменными бланками, собраниями. Они функционируют. Как ни странно, его имя никогда там не мелькает. Почему так? А просто потому, что смысл его существования, его требования, его приказы не могут выражаться ничем конкретным — таким, как печатный бланк, перечень спонсоров. Хотя его имя, возможно, мелькнет где-то в самом незначительном

документе, будет упомянуто в качестве заместителя секретаря или кого-то в этом роде. И, кроме того, всегда есть что-то немного сомнительное в этих операциях. Его презрение к людям, с которыми он имеет дело, его растущее изумление, когда он обещает и уговаривает, необходимость отчитываться о денежных суммах, которые никогда не существовали, заявлять, что такой-то и такой-то сказали то-то и то-то — и все это будет неправдой; за этой реальностью, которую можно осязать, пощупать рукой, за этой организацией, ее собраниями, спонсорами, провозглашенными целями лежит мираж сплошной лжи.

Ложь, ложь, ложь. Лесть, подхалимство и ложь.

В тот или иной момент, но не раньше чем через много лет, жертва вдруг поймает себя на том, что бормочет: «Да, тот парень — как его звали? — вообще-то он был сумасшедшим, верно?»

А тем временем нашего героя, вероятно, настиг приступ настоящего сумасшествия, такого, которое потребует врачебного вмешательства, или же он переселился на другую планету.

И показалось, будто он никогда не участвовал в этой сумятице и страстной деятельности. Его имя если и вспоминалось, то лишь изредка, к

настоящему времени тем людям, которых он заставлял плясать под свою дудку, стало стыдно, им хотелось бы стереть из памяти тот период своей жизни. Однако еще и ощущалась какая-то неувязка. Так же, как было невозможно поставить его блистательное имя на печатном фирменном бланке или в качестве подписи под памфлетом с подборкой фактов и цифр (печатный материал такого рода должен в целом быть более точным, чем то, что говорится в речи); и еще потому, что присутствие этой зажигательной личности не гармонировало со всеми другими, более будничными, так что если кто потом и оглядывался в прошлое, ему было трудно найти ей место в своих здравомыслящих и глубокомысленных воспоминаниях. Припомнившиеся события, несомненно, происходили, — возможно, и сейчас существуют где-то то общество или та партия, агонизируют, вся жизнь из них ушла, — но не хотите ли вы сказать, что их вызвал к жизни тот самый *психопат?*

Вот так и выходит, что история не сохраняет имен этих героев. Тщетно будешь искать в анналах события, которые сам пережил день за днем и точно знаешь, что там происходило, но нигде не найдешь имен тех чудотворцев, а ведь без них

не было бы тех событий.

Имени Инсента, как и многих подобных ему, вы не обнаружите ни в одном учебнике истории. А пока все говорили только о нем.

— Да, он был тут на прошлой неделе. Всех нас поднял и продержал всю ночь, мы слушали его речи. Он так искренен, правда ведь?

— О да, это-то можно сказать точно, он искренен. Тут уж нет никаких сомнений.

— Это было самое волнующее событие в моей жизни, — задумчиво скажет кто-нибудь. — Да…

Ранним утром я вернулся к себе на квартиру и оказалось, что Инсент уже ушел. Он почти всю ночь вещал перед хозяйкой дома, не давая бедняге уснуть, так что она выглядела вялой и измученной.

— Он такой чувствительный, этот парнишка, — пробормотала вновь, засыпая на ходу. — Да, совсем не то, что эти сириане. Вы с ним земляки, да? Он так сказал.

И этим мне пришлось довольствоваться.

Когда Инсент вернулся в полдень, он был так упоен собой, что даже меня не узнал. Он посетил Кролгула и Колдера, мимоходом нанес визит в соседний городишко, жители которого «созрели, чтобы понять правду», и когда наконец букваль-

но влетел в комнатенку на верхнем этаже дома, где я его ждал, то в знак приветствия поднял сжатый кулак, глаза у него были остекленевшие и напряженные.

— «Со мной, против меня», — декламировал он, не в силах остановиться. Инсент мерил крупными шагами комнатушку, его несло по инерции, как было все эти дни.

— Инсент, — приказал я, — а ну-ка сядь.

— «Со мной, против меня!»

— Инсент, перед тобой Клорати.

— «С мной, п'р't'в меня».

— Здесь *Клорати!*

— О, Клорати, привет, рад служить, вся власть.... *Клорати!* Я вас сразу и не узнал! О, прекрасно, я должен вам рассказать... — И тут же с улыбкой вырубился на моей кровати.

Тогда я ушел из дому. Я договаривался с Колдером и его ребятами провести наше «противостояние» в каком-нибудь шахтерском клубе или другом их месте встречи; но, по наводке Кролгула, Инсент, не спросив разрешения Колдера, а только поставив его в известность, снял для этой встречи помещение для судебных заседаний в здании суда. Там обычно волиенцы пытали и приговаривали аборигенов за разные мелкие

нарушения закона и непослушание. Инсент распространил всякого рода памфлеты и листовки по всему городу под лозунгом «Вызов тиранам».

Я сам пошел к Колдеру, он оказался у себя дома, в компании единомышленников. Он был сердит и внушителен.

Я сказал ему, что, на мой взгляд, наше «противостояние» следует отменить, и что мы — он, я, Инсент, Кролгул и человек десять представителей шахтеров — должны неформально встретиться в его доме или в кафе.

Но с тех пор, как я видел его в последний раз, Колдер впал в риторику. Его взбесило, что «те, у власти» «обманули» его, заменив один из их клубов на место для вынесения приговоров, которое для них связано с гегемонией Волиена; он был зол на себя за то, что пошел на поводу у Инсента, а Инсенту Колдер не доверял, когда тот был вне его компании; еще его разозлил Кролгул, который в присланном сообщении объявлял, что не имеет ничего общего с последними махинациями Инсента, и теперь Колдер воспринимал меня как сообщника Инсента.

— Вы с ним земляки, — заявил он мне.

Я сидел под злыми взглядами десяти пар холодных, неподвижных глаз волиенаднанцев.

— Да, ну и что, — это не обязывает меня отвечать за все, что он сделает.

— Вы утверждаете, что вы с Инсентом из одного места, которое находится очень далеко, но вы не видитесь с ним с глазу на глаз и не знаете, что он тут вытворяет?

— Колдер, — заговорил я, — мне бы хотелось, чтобы вы мне верили. Я не имею ничего общего с этими новыми договоренностями, я считаю их ошибочными.

Но все было впустую; он, как и все остальные, за несколько часов уже наслушался искренних пламенных речей Инсента.

— Мы встретимся с вами в том месте, в комнате волиенцев. Да. Мы там встретимся с вами, и пусть истина восторжествует! — прокричал Колдер и обрушил на стол свой громадный кулак — таков тут общепринятый ритуал, завершающий дискуссию.

Итак, это должно будет произойти.

Кролгул скромно держится в тени. Инсент еще спит, но мечется по постели, улыбается и время от времени что-то бессвязно вещает, после чего снова падает на спину с улыбкой: ему явно снится «противостояние» — которое, как я опасаюсь, вряд ли закончится по-хорошему.

И вот что произошло.

Долгий сон Инсента перешел в качественно другую фазу: парень стал вялым и отяжелевшим. Медленно просыпался, какое-то время не мог прийти в себя. Ошеломленный, не сразу вспомнил, что было перед тем, как он заснул. Куда девался «динамичный», полный жизни, страстный конспиратор? Наконец он собрался с силами, сполз с кровати и пробормотал:

— Кролгул… мне надо к Кролгулу.

— Зачем?

— То есть как *зачем?* — искренне изумился он.

— Вот именно — зачем? Тебе вообще не надо иметь ничего общего с Кролгулом.

Инсент снова упал на постель и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Через несколько минут нам с тобой пора идти в здание суда, в комнату номер три, на переговоры с Колдером и его товарищами.

Он затряс головой, как будто отгоняя гудящие мысли.

— Которые, кстати, организовал ты, — добавил я.

— Клорати, — теперь это был прежний Инсент, неуверенный в себе, до упрямства честный, — по-моему, я немного спятил, а?

— Да, было такое. Но прошу тебя — постарайся сохранить то состояние, в котором ты сейчас, потому что нам надо идти на этот так называемый допрос, или противостояние.

— Что вы со мной сделаете?

— Ну, если сумеешь удержаться в нынешнем состоянии, — ничего. Иначе как бы тебе не пришлось пройти через Общее Погружение.

— Но ведь это ужасно, да?

— Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Зал заседаний (полное название — Зал судебных заседаний администрации Волиена) устроен так, чтобы были соблюдены все принципы справедливости: тут правый — тут неправый, тут хороший — тут плохой, вот сидит подсудимый — а вот тот, кто выносит приговор. Это круглая комната, обшитая панелями из какого-то блестящего коричневого камня, так что все, что движется в ней, тут же отражается на стенах в виде тусклого сияния; с одной ее стороны стоит сам аппарат осуждения: впечатляющее кресло, смахивающее на трон, а также вспомогательные, но тоже похожие на трон кресла, скамьи для обвинителей и свидетелей — большинство их обязаны относиться враждебно к жалким представителям аборигенов, располагающимся

по другую сторону зала, где для них поставлено штук десять голых скамеек.

В этом организованном Волиеном суде предполагается две позиции; если словом *позиция* можно обозначить то, что всегда заканчивается однозначно: заключением в тюрьму и пыткой или уничтожением тех, кто сидит по одну сторону суда; те же, кто сидит по другую сторону, уходят домой, чтобы освежиться, подкрепиться и завтра с новыми силами вершить справедливость.

Но у нас тут было три позиции, и мы, не нуждаясь в доказательствах, инстинктивно направились туда, где стояли низкие скамьи, проигнорировав помпезность самого суда, и расставили эти скамьи в форме треугольника. Колдер с сопровождающими заняли места на одной скамье, Кролгул, немного поколебавшись, что выглядело, пожалуй, как симпатичная скромность, уселся в одиночестве на другой. На нем, как всегда, было надето несколько предметов одежды, в целом создававших впечатление униформы: скромная туника серого цвета, мешковатые, обвисшие повседневные форменные брюки, на шее серо-зеленый шарф, шарфами такого типа пользуются тут всегда, чтобы заслонять глаза от блеска еще не растаявших ледников и

заснеженных участков. Он всем своим видом воплощал образ ответственного служащего.

Но на самом деле он был смущен. Потому что Инсент, его творение, следовал по пятам за мной — вялый, измученный, и вид у него был такой, будто парень под гипнозом или наглотался наркотиков. Подобное впечатление он произвел не только на Кролгула, но даже на волиенаднанцев. Колдер практически не сразу узнал лощеного и представительного Инсента в этом бледном медлительном юнце, который рухнул рядом со мной на скамью. И это, конечно, не устраивало меня, потому что, по моим планам, именно Инсент должен был озвучить точку зрения мою, а не Кролгула.

Так же, как Кролгул хотел, чтобы Инсент представил *его* точку зрения.

И вот мы все собрались, спокойно расселись по своим скамьям, но никто не начинал говорить.

Проводить собрание в этом зале было небезопасно, поскольку никто бы не разрешил воспользоваться им для наших целей. Помнится, на одном из митингов в бедняцком районе города Инсент совершенно импульсивно закричал: «Мы донесем наше дело до сердца самого Волиена!»

И теперь в любой момент можно было ожидать

появления «самого Волиена» в виде полиции, а то и армии.

Наконец Колдер поднялся, хотя в этом не было нужды: но он не мог иначе, потому что так его научили волиенцы — в присутствии старших положено вставать. Эта большая человеческая глыба, плотная и тяжелая по структуре, как глинистые сланцы и глины, с которыми он работал, взглянув на Инсента, промолвила:

— Сегодня нашему юному герою как будто совсем нечего сказать.

Я, не вставая, заметил, что Инсент, как всем, безусловно, известно, имеет много чего сказать, он, по сути дела, много дней, если не недель, только и делал, что говорил не умолкая и всего несколько часов назад рухнул, свалился с копыт, до последней степени измучившись. Я произнес эти слова тихо, с юмором, поддерживая заданную Кролгулом тональность — говорить негромко, почти иронически.

— Ну и что? — требовательно спросил Колдер. Я с удовольствием отметил, что он снова уселся.

— Я хотел бы просить *вас,* — начал я, — обрисовать ситуацию. В конце концов, какими бы ни оказались последствия наших действий, пострадаете вы и ваш народ.

— Он прав, прав! — хором закричали из-за спины Колдера.

И я понял, что об этом-то шахтеры и толковали между собой все это время: «Ему-то что, в тюрьму ведь за все сядем мы».

Конечно, я рисковал — боялся, как бы Кролгул не взял слово и не увлекся своими ораторскими приемчиками. Я хотел провести переговоры в спокойной и здравомыслящей атмосфере. Кролгул развалился на своей скамье, исподтишка поглядывая на всех, и пытался встретиться взглядом с Инсентом, чтобы тот вновь попал под его влияние.

Инсент сидел рядом со мной, но его как будто не было, возле меня было пустое место. В данный момент он уже не принадлежал Кролгулу, но и самому себе не принадлежал; он не выступал каналом подачи мощи и энергии Шаммат, позволявшим до сих пор Кролгулу подключать их и отключать; но он также не давал возможности просачиваться через себя энергии Канопуса. Он стал никаким. И я надеялся, что смогу удержать его в этом состоянии, пока не вступят в действие целительные силы Канопуса.

Кролгул пока молчал. Он сделал ставку на то, что вернет Инсента под свое влияние.

Колдер, кратко посовещавшись со своими сторонниками, заметил сердито и отрывисто:

— Мы собрались здесь по вашему приглашению, пришельцы. Нам все равно, откуда вы, с Волиена, Сириуса или Канопуса. Наше положение стало невыносимо, и мы хотим услышать ваши предложения.

— Ни с Волиена, ни с Сириуса, ни с Канопуса — с Шаммат. Кролгул — с Шаммат, — объяснил я.

Сказав это, я сильно рисковал. Потому что если Канопус был для них всего лишь напоминанием о древних сказаниях и легендах, то слово Шаммат ассоциировалось исключительно с проклятиями и бранными словечками-паразитами, происхождение которых местные жители уже забыли.

— С Шаммат? Ничего себе! — вскипел Колдер. Его механизм восприятия нового был перегружен; он больше ничего нового не мог усвоить. — Да кто бы вы ни были, мы сюда пришли вас послушать. Так кто начнет?

Я тихонько проговорил:

— Может быть, *вы,* Колдер?

Колдер снова встал и сердито заявил:

— Наше положение таково, что мы только и знаем, что работать день и ночь, и наша жизнь короткая и мучительно тяжелая, а плоды наших

трудов отбирает Волиен. Вот и все, что тут еще скажешь.

— Но, — подсказал я, — по мнению Кролгула с Шаммат, вы можете исправить положение, если организуете восстание, хотя он не уточнил, как именно его организовать, это «восстание». И еще, если убьете Грайса — генерал-губернатора. Так ведь? И тогда все ваши беды окончатся.

Когда окружение Колдера услышало идеи Кролгула в моем пересказе, все зашевелились и забормотали. Колдер же, по-прежнему стоя, заявил, помня о неизбежном присутствии невидимых самописцев и шпионов:

— Лично я и никто из нас никогда не говорил ничего подобного.

— Правильно, вы не говорили, — согласился я, — но на эту тему недавно шли тут кое-какие разговоры. А я тогда еще вам сказал, что есть альтернативы. И готов их изложить.

И тут вступил в действие Кролгул. Он даже не сдвинулся с места, всего лишь пробормотал как бы про себя:

— Ненасытная Утроба Грайс. Грайс Жадюга. — Обхватив руками колени, он улыбался, словно бы слушал какую-то неслышную нам музыку.

При этих его словах Инсент зашевелился и как

будто пришел в себя.

— Вот именно! — буквально выкрикнул он, и на его лице снова заиграла улыбка, неизменно сопутствующая его состояниям самогипноза, — Грайс… Ненасытная Утроба… Хитрюга… — и вырубился опять.

— Ну, наш молодой господин, кажется, пробудился, — прокомментировал Колдер.

Я же тем временем заметил, что высоко на коричневой стене прямо надо мной появился бледный блик, которого до сих пор там не было. Мне достаточно было повернуть голову назад и взглянуть вверх, и там я увидел небольшое окошечко в стене, прямо над креслом для вынесения приговоров. В окошечке появилось лицо Грайса, такое же мертвенно-бледное и страдающее, каким было вчера, когда он слушал ораторов на площади.

До сих пор его еще никто не заметил.

Я сказал громко и категорично:

— Теперь я вкратце перечислю то, что, по-моему, вам надо сделать…

Но Крогул уже вскочил на ноги, встал в позу, напоминающую эмблему рабочего движения, и закричал:

— Смерть тирану, смерть Грайсу, смерть!..

И Инсент ожил снова, он стоял рядом со мной и улыбался.

— Смерть, — проговорил он, поначалу с запинками, но его голос набирал силу, — смерть грабителю с Волиена, смерть…

Возможно ли, Джохор, что иногда мы *склонны* — я мог бы выразиться и покрепче — переоценивать силы разума? Я хочу обратить ваше особое внимание на то, что Колдер — человек солидный, здравомыслящий, за свою жизнь привыкший давать точные оценки, выносить обоснованные суждения, проводить *измерения.*

И, конечно, когда Инсент встал, чуть покачиваясь, все еще смертельно бледный, но быстро обретающий силы, Колдер сочувственно заулыбался, он его явно жалел.

И я спросил его тихим голосом, стараясь говорить совершенно спокойно:

— Колдер, я могу высказать свое мнение?

— Если эти вам дадут возможность. — Колдер полунасмешливо, полувосхищенно усмехнулся и кивнул на эту пару: Инсента и Кролгула, стоявших в своих героических позах и распевавших: «Смерть…»

— Только вы можете их остановить, — заметил я.

— Да пусть болтают… — бросил Колдер.

Крогул тут же замолк и, сардонически, презрительно пожав плечами, снова уселся в своей привычной позе, которой он ухитрялся выразить скромное и непритязательное личное достоинство и в то же время — непередаваемое чувство своего превосходства.

Инсент все распевал, пока Колдер, привстав, не одернул его:

— Садись, парень, пусть свое слово скажет оппозиция.

И Инсент, ахнув, сел, в смятении бросив виноватый взгляд на меня, а потом на Крогула, — этим взглядом он извинялся и обещал поддержку.

— Вы должны сделать вот что: разносторонне развивать свою экономику, — заявил я.

Я знал, как мои слова их воспламенят, потому что это вроде бы совсем простое решение, но такого совета никто не ждал.

Волиенадна — планета шахтерская. Уж какая есть. Такой она была испокон веков, как значится в ее истории, записанной Волиеном.

Все надолго замолчали, потом Крогул позволил себе сначала долгий приступ беззвучного смеха, а потом взрыв хохота. Теперь хохотали и волиенаднанцы. Взгляд Инсента был пустым и тяжелым,

у него отвисла челюсть. Меня главным образом беспокоил он: в конце концов, если я не сумею спасти его, вернуть к себе, тогда…

— Пусть говорит, — сказал Колдер, издевательски ухмыльнувшись.

— Вы — рабская планета, о чем вам уже рассказал Кролгул. Причем планета богатая, и ваши богатства уходят от вас, — начал я.

— К Ненасытной Утробе, — встрял Кролгул. Голос его был негромким, но задумчивым.

— Нет, — парировал я. — Плоды вашего труда отбирали у вас не одно столетие. Но так было не всегда. Вы забыли, что до того, как вы подчинились Волиену, вы были подчинены планете Мейкен, а еще раньше — планете Словин, причем и те и другие отбирали у вас минералы, которые вы добываете. Но еще до всего этого победителями были вы. Был такой период в вашей истории, когда вы доминировали над планетой Волиендеста и самим Волиеном…

— Чем доминировали? — заинтересовался Кролгул. — Снегом и льдом?

— В тот период льды отступили, и вы разбрелись по всей тундре, вы размножились, но вам не хватало ресурсов для прокорма и обогрева. Вы стали воровать космолеты Словина, которые

прилетали к вам за продуктами питания и приземлялись, вы на них отправлялись на Мейкен и Волиен, а потом сами стали изготавливать такие же корабли и терроризировать четыре планеты: да, вы отбирали у них все, так же, как сейчас отбирают у вас…

Колдер слушал мои слова, слегка посмеиваясь.

— Не хотите ли вы сказать, что мы были кровопийцами-империалистами, каким теперь стал Волиен?

— Я хочу сказать, что вы не всегда были рабами и источником богатства для других народов.

— И вы предлагаете, чтобы…

— Вы — богатый трофей для Волиена и будете таким для любого, кто захватит Волиен, потому что империи поднимаются и рушатся, переживают расцвет и упадок, и все повторяется снова. Волиен исчезнет с этой планеты так же, как ослабели и исчезли Мейкен и Словин, так же, как вы ослабели в свое время и были изгнаны с тех планет, которые некогда сами завоевали. Но кто бы там ни захватил Волиен — (естественно, я не мог в этот момент даже намекнуть на Сириус, потому что это слово я мог шепнуть только Ормарину, он был пока еще единственный оставался достаточно серьезным, чтобы понять ситуацию,

Кролгул же сам не знал, как скоро Волиен рухнет и подчинится завоевателю), — кто бы ни пришел завоевывать вас после Волиена, он будет ровно так же пользоваться вами, если вы сами не приложите усилий, чтобы этого не допустить. Но вы сами можете стать сильнее. Вы можете стать фермерами не хуже, чем вы сейчас шахтеры, и…

Кролгул хохотал, он просто плакал от смеха.

— Фермерами! — кричал он, и его смеху вторили сторонники Колдера. — Фермерами — на этом куске льда!

Но нечаянно он слишком явно проявил свое презрение к планете, и Колдеру это не понравилось.

— Что же именно можно здесь выращивать? — прямо спросил он меня.

— Если вы меня послушаете, вы и ваши люди, я объясню. Подобные природные условия существуют не только на вашей планете.

— А почему вы считаете, что Волиен нам разрешит? Мы их устраиваем такими, какие мы есть; они заинтересованы в наших минералах и больше ни в чем.

— Но, — возразил я, — у вас есть генерал-губернатор, и он, по-моему, к вам прислушается.

И тут Кролгул заорал:

— Грайс Ненасытная Утроба, Генерал-губернатор Жадюга, Гора Сала…

И тут неожиданно Инсент тоже вскочил на ноги, снова ожил и проявил себя как активная марионетка Кролгула.

— Долой Грайса! — орал он. — Избавимся от Грайса, и…

Я жестко взглянул на Колдера: это из-за него поднялся такой гам.

— Повторяю для вас, Колдер: я могу вам помочь. Запомните мои слова.

Колдер старался не встречаться со мной взглядом: верный знак, что для этих людей я уже перестал существовать. И действительно, на несколько минут меня охватило чувство, будто я превратился в невидимку, потому что все рабочие, сидящие на одной скамейке, не спускали своих жестких серых враждебных глаз со страстных черных глаз Инсента, который, кстати, тоже избегал моего взгляда. А Кролгул опустил голову, как бы в задумчивости уставившись в пол, хотя на самом деле вовсю гипнотизировал Инсента из-под тяжелых век. Парень явно снова подпал под его влияние.

— Совершенно очевидно, — говорил, скорее даже декламировал Инсент тихим голосом,

постепенно обретавшим силу, — что наступил поворотный момент нашего динамичного развития! Какие перспективы раскрываются перед нами, когда мы одной ногой еще стоим в позорном и гнетущем прошлом, а другой — уже в будущем, в котором наш образ жизни станет более активным и появится перспектива, и тогда, приложив все усилия и использовав все возможности, мы, несомненно, построим свое счастье на том месте, где сейчас нет ничего, кроме угнетающей нищеты…

Из группы Колдера послышались сердитые возгласы, и Колдер крикнул:

— Давай, парень, ближе к делу: какие у тебя конкретные предложения?

Инсент, прерванный на полуслове, неопределенно улыбался, в сильном возбуждении от собственной риторики. Руки у него подрагивали, и губы тоже.

Кролгул тихонько подсказал:

— Конкретное предложение! Вы говорите о действии, о поступке! Я вам скажу, какой поступок ждет, чтобы вы…

— …наполнили его исторической неизбежностью… — подхватил Инсент почти нерешительно, потому что его запал был прерван на взлете,

и он не мог его восстановить.

— Да, — голос Кролгула стал громче, — этот поступок даст понять вашим тиранам, которые…

— …жиреют на ваших мучениях! — воскликнул Инсент. А дальше голос Кролгула:

— Грайс Ненасытная Утроба, любимчик Волиена, символ Волиена, он ведь тут у вас представляет собой Волиен; хватайте его и…

— Хватайте Грайса! — заорал Инсент, подпрыгивая. — Тащите его к… к…

— На суд истории, — подсказал Кролгул. И почти незаметным жестом заставил Инсента умолкнуть, так что тот теперь стоял с разинутым ртом и с полузакрытыми глазами; — ну прямо сомнамбула или человек, впавший в транс. Вдруг из толпы рабочих раздался крик:

— Да, это в самую точку, надо притянуть Грайса к суду, давайте его…

— Долой его! — снова включился Инсент. — Мы вытащим его из роскошного дворца, мы заставим его стоять тут, в зале суда, среди нас всех…

— Среди *народа,* — снова подсказал Кролгул, — и Инсент погиб. Он стоял среди нас, подняв руки над головой, и, казалось, пульсировал и светился жизнью, которую в него вдохнул Кролгул. Теперь Инсент бесконтрольно принадлежал ему, и каж-

дый из тех, кто присутствовал в этом зале суда, потянулся к нему с какой-то тоской, охваченный сильным желанием. Должен признаться, Джохор, что и меня вдруг охватило это же чувство. Какими же мелкими, жалкими, скудными показались мне вдруг все наши усилия, особенно наш стиль речи, такой холодный, сдержанный, *элитный.* Я представлял, каким кажусь шахтерам в эту минуту: спокойно сижу тут, посторонний для них, чуждый их жизни, их борьбе, равнодушный и бесстрастный.

Но я знал, что меня будут слушать, именно из-за моей сдержанности, и еще потому, что все, что бы я ни сказал, должно показаться им несправедливым, даже грубым; и я заметил, не повышая голоса, не изображая готовности к самопожертвованию и потерям:

— Ну, выгоните вы Грайса из его резиденции, ну, даже убьете его, что изменится? С Волиена вам тут же пришлют нового губернатора, и как бы новый не оказался похуже.

Раздался недовольный ропот. Шахтеры не сводили глаз с экзальтированного Инсента, как будто у них отнимали последнюю надежду. Но Колдер все же кинул на меня только один взгляд, и такой неприязненный, что я по своей слабости

воспринял его болезненно.

— Интересно, как вы это себе представляете, — спросил я, — как вы будете вытаскивать губернатора из дворца?

Мне ответил Кролгул:

— Выйдем на улицы, организуем митинги, призовем народ: «Все пойдем с нами…». Вот и все, больше нам ничего не надо делать.

— Боюсь, что это не все, — заметил я тем же ровным голосом. Сам же я чуть-чуть повернул голову и понял, что Грайса может увидеть любой, стоит только поднять глаза к окошечку. Он высунулся из окошка и смотрел вниз, на нас, хмуро и взволнованно. Особенно на Инсента, благородного юношу, который тихонько распевал про себя: «Свобода или смерть, смерть или свобода».

Я засмеялся. Конечно, не без расчета, но ведь тщательно рассчитанными были также все лозунги и призывы Кролгула.

Я постарался, чтобы Колдер меня расслышал среди ворчания и негодующих возгласов — он единственный из всех шахтеров еще достаточно владел собой и мог воспринять мои слова:

— Сказать вам, когда я в последний раз слышал этот крик, про свободу или смерть? Колдер, хотите узнать?

Но его холодные серые глаза еще не желали встречаться с моими, он старательно избегал моего взгляда, и я сказал:

— Колдер, я имею право голоса?

Наконец он взглянул на меня, все с той же неприязнью, и кивнул:

— Давай, вещай.

И пока Инсент распевал свое «Свобода или смерть», я рассказал им:

— Это было на другой планете. Народ некоей страны обеднел, в их экономике царил хаос. Они хотели избавиться от многих паразитов, живших за их счет, одним из этих паразитов был так называемый институт церкви, у вас о таком и не слыхивали. Пока они спорили, совещались и конспирировались, причем с большим риском, некоторые профессиональные революционеры взяли дело в свои руки, пользуясь именно этим лозунгом: «Свобода или смерть! Мы возродимся только через кровь…»

— Возродимся только через кровь… — распевал Инсент, и казалось, что сами эти слова придавали ему силу. Его, казалось, буквально несет сила этих слов, которыми он пользовался, — или которые пользовались им?

— Короля и королеву, которые, по сути, дей-

ствовали из лучших побуждений и были вполне ответственными людьми, превратили в козлов отпущения, и революционеры обратили против них народный гнев и возмущение. Ложью и клеветой удалось создать им картинку чудовищных личных злоупотреблений в угоду своим слабостям, и эти злоупотребления выглядели ну просто огромными, на много веков хватит. Революционеры убили короля и королеву, а уж заодно и их свиту, а потом, когда чернь все больше воспламенялась потоком слов, слов, слов, вот тут убийства пошли огульно, и вскоре революционеры уже начали убивать друг друга. Оргия убийств затянулась, и в итоге власть захватили дегенераты и преступники, которые всегда процветают в такие времена, и они уже творили все, что хотели. В угаре убийств, и мести, и всепоглощающего потока слов, бесконечных слов, в которых утонули все, как-то были забыты смысл и цели революции, а ее целью была — перемена экономического положения, желание сделать страну сильной и богатой. Потому что в каждом из нас заложено не всегда сдерживаемое животное начало, тот зверь, который на этой планете совсем недавно питался сырым мясом и пил сырую кровь и которому надо было убивать ради своего выживания. Все

силы этой нищей страны ушли на убийства ради самого убийства, на получение удовольствия от словоговорения…

— Убей, убей, убей… — скандировал Инсент.

— И вскоре наступило царство хаоса. Среди этого хаоса появился тиран, который сумел воспользоваться воспламеняющими словами, объединил разрозненных людей словами и взял на себя управление страной, восстановил у власти тот класс, который благоденствовал за счет труда бедняков, он даже пошел дальше — приступил к завоеванию всех соседних стран. Но и он, поднявшийся благодаря власти слов, — лжи, — тоже потерпел крах, после всех убийств, и разрушений, и хищений. И страна, в которой лозунг «Свобода или смерть» казался таким благородным и таким прекрасным, снова оказалась в руках правящего класса, который стал контролировать богатства страны и по-прежнему передавал власть по наследству. И все эти страдания, убийства, героизм, все эти бесконечные слова, как оказалось, были впустую.

Колдер и шахтеры теперь смотрели только на меня. Они не замечали несчастного Инсента, который, по-прежнему стоя, монотонно скандировал. Они не смотрели на Кролгула, который

в душе признал мою победу и спокойно планировал свои дальнейшие действия. Скромно оперевшись рукой о подбородок, он наблюдал за происходящим с иронической улыбкой: это было лучшее, что он мог сделать.

— Колдер, — продолжал я, — существуют такие люди, которые живут словами. Слова для них — энергетическая подпитка и пища. Этим они живут. Благодаря умелому манипулированию словом они воздействуют на группы людей, армии, нации, страны, *планеты.* А когда наступает конец крикам, пению, речам, проходит опьянение словами, поглядишь — что тогда изменилось? Да ничего! Вы можете «восстать», если хотите, можете поставить Грайса или какую-то другую марионетку к барьеру истории, или географии, или «революционной неизбежности», и сами себя опьяните, и народ свой опьяните криками, однако в конечном счете не изменится ничего. Грайс так же виноват, как и…

В этот момент я заметил, что взгляды всех обращены не на меня, а куда-то мимо. Я заметил, что исчезло размытое пятно, отсвечивавшее высоко на блестящей стене. Я увидел, как на лице Инсента экзальтированное выражение от недавнего вдохновенного скандирования «Кровь… Смерть…

Свобода…» сменилось совершенно искренним злым, полным ненависти взглядом. Грайс теперь был тут, он стоял среди нас, рядом с Инсентом. И был таким же экзальтированным, как Инсент, таким же бледным, с таким же благородным видом, стоял в той же позе готовности пострадать, протянув руки ладонями вперед и подняв подбородок. И со сверкающими глазами он произнес:

— Это я Грайс. Я тот самый Грайс, который во всем виноват.

— Чушь какая, — тут же отреагировал я. — Вы абсолютно не виноваты ни в чем. Вы всего лишь выполняете свою работу, причем не так уж плохо. Не стоит преувеличивать свою роль.

К этому моменту наступило неловкое молчание. Даже Инсент прекратил свои распевания. Чисто физическое присутствие самого Грайса рядом с ними оказалось для собравшихся как бы ушатом холодной воды. До сих пор никто не видел его живьем, разве что как полуневидимку в разных форменных одеждах Волиена, назначение каждой такой одежды — предельно обезличить человека. Конечно, каждый знал, что губернатор Грайс — вовсе не какой-то грузный монстр, насосавшийся крови и плоти своих жертв, однако и человек, которого они сейчас видели перед

собой, с трудом воспринимался шахтерами как их губернатор. Грайс — худосочный, бледный мужчина болезненного вида, с лицом, искаженным глубокими раздумьями и самоанализом, видно, что дух его ослаб от попыток разрешить внутренние конфликты.

Грайс с достоинством проговорил:

— Субъективно я признаю, что ни в чем не виноват. Я не объедаюсь, в сущности, я недавно сел на диету. Меня не волнует, что надеть на себя. Меня не интересует роскошь, и власть меня утомляет. Но объективно и в исторической перспективе я виноват. Делайте со мной что хотите!

И, широко раскинув руки, он так и стоял перед нами, ожидая какого-то апофеоза судьбы.

— Одну минутку, — Колдеру он внушал отвращение, — где ваша охрана?

— Они не знают, что я тут. Я смылся от них, — с гордостью заявил Грайс. — Я ходил на ваши митинги, переодевшись. Не так часто, как хотелось бы, — мне надо еще многому учиться, знаете ли! Но я самый большой ваш поклонник, Колдер. Мне просто нравится то, что вы делаете. Я на вашей стороне.

Инсент был раздавлен. Он сидел на своей скамье, во все глаза пялясь на этого негодяя, и мне

было ясно, что у него самый настоящий шок. Надо было что-то с ним делать. Я подошел к парню и поднял его на ноги.

— Ну, оставляю вас разрешать эту ситуацию, — сказал я Колдеру, который совещался с коллегами.

Когда я уходил, таща за собой Инсента, я слышал, как Колдер говорит Грайсу, раздраженно и с отвращением:

— Ну-ка, губернатор, бегите поскорее в свой дворец. Давайте, пошевеливайтесь. Мы не хотим, чтобы пошли разговоры, будто мы вас похитили или что-нибудь в этом роде.

Я отвел Инсента на свою квартиру. Он на самом деле был в жалком состоянии, его трясло как в лихорадке от невысказанного риторического запала, он не сумел высказать все те слова, которые накопились в нем.

Я усадил его и сказал:

— Прости, Инсент, но мне пришлось тебя увести.

— Сам знаю, я это заслужил. — Парень явно наслаждался ролью жертвы.

Значит, понадобится Полное Погружение. И я ему объяснил:

— Тебе придется по-настоящему пережить все

ужасы тех событий, которые я описывал Колдеру там, в суде.

Я сделал его парижским рабочим, слесарем по металлу, живущим, конечно, не на грани полной нищеты, потому что революционер определенного типа не должен испытывать голод и холод в крайней степени, а также нести ответственность за семью. Самые энергичные революционеры всегда выходят из среднего класса, потому что они могут все свое время посвящать делу. Инсент встречался с другими, такими же, как он, в сотнях бедных местечек, в кафе, в литейных цехах, в разного рода притонах, произносил речи и сам слушал их, бегал по улицам с толпами, выкрикивающими *слова:* «Смерть… Кровь… Свобода… Права… Долой… На гильотину…» Он жадно впитывал любые *новости* о короле и королеве, о королевском дворе, о священниках. Он был как канал для слов, слов, слов, он постоянно пребывал в лихорадке Риторики, он попал под обаяние всех чудотворцев, гипнотизеров публики. Потом, когда слова целиком захватили власть и весь Париж охватило безумие от потока слов, он бежал вместе с толпой за крытыми двуколками, в которых перевозят приговоренных на места ритуальных убийств, выкрикивал непристой-

ности и оскорбления в адрес короля, королевы, аристократов, криками выражал ненависть к прежним своим сообщникам типа мадам (мы-можем-возродиться-только-через-кровь) Ролан, и вскоре он уже кричал вместе с толпой, когда свергались прежние идолы. Именно он был самым громким, самым горластым, когда Париж экзальтированно обсуждал в подробностях жестокости разного рода. Когда парижане по призыву Коммуны ворвались в девять тюрем и за пять дней хладнокровно убили четырнадцать сотен человек, именно он передал сообщение от Дантона, в котором говорилось: «К черту пленников, пусть сами заботятся о себе». И он убивал и убивал, при этом непрерывно распевая: «К смерти… смерть смерть смерть…» Когда убийства иссякли и народ затошнило от них, он распевал сентиментальные песни о судьбе убитых и бегал по городу, как крыса или таракан, потому что кричать и бегать стало его образом жизни, он уже не мог остановиться. И когда к власти пришел новый тиран, он бегал и кричал, восхваляя: «Да здравствует… Слава…» Он сражался и строил карьеру в армиях тирана, потому что уже больше не был страстным приятным красноречивым юнцом, а стал довольно жирным мужчиной, разжиревшим от

слов и потакания своим слабостям и жестокости, и он маршировал с армиями из страны в страну, убивая и насилуя. И наконец, он дошел с армиями до последней победоносной войны тирана, которая была проиграна, и он умер от голода в снегах, с тысячами других, все еще шевеля губами — выговаривая *слова,* оскорбления народу, в чью страну он вторгся.

А потом Инсент вернулся в свой прежний облик и увидел, что сидит на стуле напротив меня, захлопал глазами и вытаращился, когда осознание его настоящего положения стало сильнее, чем та жизнь, которую он только что покинул.

И он заплакал. Сначала почти безмолвно, сидел с пустыми безумными глазами, из которых лилась вода, а потом рыдал, уже не сдерживаясь, лежал в своем кресле, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

Я оставил его там и вышел на улицу. Все вокруг казалось совершенно обычным. Это надо понимать так: что лучшие места города — парки, рестораны, кафе — были заполнены волиенцами, а волиенаднанцы толпились на окраинах в своих кафе и клубах. Вооруженных патрулей как будто было не больше чем обычно. Высоко в стене губернаторской резиденции одно окно

было освещено.

Я вернулся посмотреть, как там Инсент: он так и заснул прямо в кресле.

Я перешел площадь, вошел в резиденцию и попросил о встрече с генерал-губернатором Грайсом. Мне сообщили, что он неожиданно уехал на Волиен.

Повсюду, где, по моим сведениям, бывает Колдер, я оставил для него записки: мол, я готов с ним встретиться, если он надумает поговорить, и прождал несколько дней; но ничего не произошло. Я слушал Инсента, ему необходимо было выговориться — рассказать мне о жизни, которую он только что прожил: лихорадка его покинула — я опасался, что всего лишь на время. Ничего жгучего, ничего вдохновенного не было в его нескладных, мучительно подбираемых словах. Он дрожал и трясся — иногда цепенел от ужаса при воспоминании о своих наблюдениях и своих поступках.

Ясно, что мне надо самому ехать на Волиен. Я не мог предоставить Инсенту больше времени на восстановление. Я предложил ему *выбор* — конечно, это сделать я был обязан, несмотря на риск, — ведь его выбор мог оказаться неправильным; сказал, что он может поехать со мной

или остаться тут, с Кролгулом. Но от одного лишь имени Кролгула парня затрясло.

Мы немедленно выезжаем.

Клорати Джохору, с Волиендесты

Я заскочил сюда по пути на Волиен, чтобы повидать Ормарина.

Здесь во всем чувствуется присутствие Сириуса. Повсюду строятся дороги, мосты, гавани. Повсюду видны лагеря — бараки рабов. В небе — воздушный транспорт Сириуса, самых разных моделей. И повсюду говорят лишь о грядущем вторжении сириан. Только и слышишь: Сириус, Сириус. Но что они понимают под этим словом? За время моего пребывания космолеты исчезли все до одного, и небо очистилось, но назавтра они снова появились. Видимо, на планете-метрополии идут какие-то подвижки во власти. Но здесь, на Волиендесте, ничего не знают о тамошних распрях; для них все это объединяется одним словом «Сириус».

Ормарин, наша главная надежда, оказался в больнице! Это регресс! Его лекарственную терапию следовало бы продумать лучше. Они подвергли его Погружению Мягкого Действия, выбрав пять разных моментов из истории, при-

чем во всех аспектах отражающих завоевание более слабого империями, находящимися в апогее своих захватнических войн. Все эти империи — с коротким сроком существования, и все с Шикасты, в тот период, когда они были столь многочисленны, и находились они все на северо-западных окраинах. Поскольку это было Погружение Мягкого Действия, Ормарин был не участником событий, а только наблюдателем. Но я, простите, вынужден отметить, что после этого курса состояние его ума мало чем отличалось от состояния Инсента в палате Лихорадочной Риторики. Ормарин находится в палате верхнего этажа, окна которой выходят на пустыню, плачет, созерцая эту пустыню, и охвачен серьезным приступом настроения «Что такое смысл, или все наши усилия тщетны».

— Ну-ка, возьми себя в руки, парень! — убеждал я. — Соберись! Ты знаешь прекрасно, что сириане или кто-нибудь скоро нападут, а ты отсиживаешься тут, расслабился.

— Наплевать мне, — ответил он. — В чем смысл? Будем ли мы бороться с ними — или не будем; будем ли мы бороться против них, раз уж они прибудут, — или не будем; в любом случае нас погибнут тысячи — миллионы. Эти бедные

работяги, рабы с Сириуса, их тут миллионы, и они погибнут все, поскольку таково уж их предназначение. И мы, волиендестанцы, погибнем. А потом Сирианская империя развалится, поскольку все империи раньше или позже…

— В данном случае это будет скорее раньше, чем позже, — вставил я.

— А потом? Еще один пример для учебников истории о лопнувшей затее, бесполезной, которая закончилась кровопролитием и страданиями, так что лучше было бы и не браться…

И в таком духе он вещал некоторое время, а я слушал с благодарностью, потому что редко мне удается наблюдать это состояние в таком классическом варианте, с такими выразительными и элегантными словесными формулировками, — легче всего распознаваемым симптомом.

Я даже подробно записал всю беседу с ним: пригодится врачам для диагностики.

Но сам-то я надеялся, что смогу взять Ормарина с собой на Волиен в помощь для обработки бедного Инсента.

Врачи заверили меня, что Ормарин скоро придет в себя и будет готов сыграть свою роль в нашем небесном фарсе — именно эту фразу он то и дело повторяет. Мне подобная формулировка

понравилась, мне кажется, что она обращена к тем сторонам моей души, которые, я знаю, следует исцелить путем *моего* погружения в эти события, мне наверняка станет легче хотя бы контролировать себя.

— Этот ваш небесный театр, — заявил Ормарин (на его честном лице были все признаки сильного утомления от постоянного иронизирования), — это варьете со стриптизом для любителей созерцать тщетность усилий! Можно подумать, что эта пьеса поставлена планетами и созвездиями ради наблюдателей, чьи вкусовые рецепторы требуют все более и более сильного стимулирования абсурдом…

— Ормарин, — прервал я его, — может, ты и болен, а может, наши добрые доктора немного переусердствовали в твоем лечении, но я все же должен тебя поздравить хотя бы с тем, что ты стал больше понимать, шире видеть перспективу. Я очень надеюсь, что мы поработаем вместе, когда тебе станет получше.

Он мрачно кивнул, перед его глазами пролетали видения призрачных победоносных армий, разрушающих все на своем пути, которых тут же сметают другие, и они тоже исчезают, а взамен…

Я помнил, что сам пережил длительный и

сильный приступ подобного состояния, и хотя пришлось приложить большие усилия, чтобы привести меня в норму, тем, кто нес за меня ответственность, — и вам тоже, конечно, Джохор, — но сейчас могу признаться, что этот приступ принес с собой и нечто утешительное. Размышления о том, что для незрелого ума может показаться тщетностью усилий, сопровождаются горделивой внутренней меланхолией, от ощущения которой поистине получаешь удовольствие. «Ну и ладно, — адресуется к самому Космосу этот философствующий наблюдатель космических событий, оцепенев от космической перспективы, — тогда, если предполагается такое решение, пусть вам же будет хуже!» И он, сложив руки, откидывается на спинку стула, нацепив сардоническую улыбку, и прикрывает глаза, готовый следить за кометой, которая вот-вот врежется в довольно приятную маленькую планетку, или в другую планетку, жертву — скажем так — экспансии Сириуса, поскольку тому в данный момент потребовался какой-то минерал или другой предмет потребления, причем особой необходимости, как оказалось, даже и не было, и все мероприятие вообще оказалось результатом неточного расчета экономистов.

— Скоро увидимся, Ормарин, — сказал я. — В целом я тобой очень доволен. Ты делаешь значительные успехи.

Но он заставил себя спросить:

— Ну тогда скажите! Если вы не с Волиена, если вы не с Сириуса, кто вы тогда, с этой вашей авторитарностью?

Когда я упоминаю Канопус, — признаться, это бывает редко, — Ормарин отводит глаза: он совершенно определенно и окончательно ничего не хочет об этом знать.

От Клорати, из Ватуна, столицы Волиена, Джохору

Я сразу пошел повидать бедного Инсента. Не так просто было найти для него место, где он мог бы исцелиться должным образом. Ему требовалось главным образом отсутствие раздражающих факторов. Но не в нынешнем же Волиене, где даже самые уединенные сельские убежища в любую минуту могут завибрировать из-за грохота машин или радиопередач? Однако выход нашелся: один из наших друзей управляет гостиницей, расположенной в самом центре Ватуна. Да, именно в столице нашлось то, что я искал. У них там есть большая комната в центре

здания, с хорошей изоляцией, и самое главное — без окон во внешний мир. Как вы помните, в Ватуне полным-полно парков и садов, хотя сейчас они, возможно, не в прежнем ухоженном состоянии, какое наблюдалось, когда Волиен был на вершине власти, а я хотел оградить Инсента прежде всего от изнуряющих мыслей, которые неизбежно вызывают природные процессы. Циклы рождений, роста, увядания, смерти, переход одних элементов в другие, зыбкость всех этих состояний — нет, это не для Инсента в нынешнем его состоянии. Ему противопоказана малейшая стимуляция любого вредного типа.

В письме, которое я отправил с Инсентом в гостиницу нашему другу, я просил его, конечно, избегать любого насилия, но добавил, что Инсент, вероятно, будет только очень рад оказаться в обстановке нестимулирующей и успокаивающей.

Так и оказалось. Оставив за спиной грохот и скрежет, крики, пение, визг на улицах Ватуна и беспокойные мысли, неизбежно вызываемые садами, я вошел в гостиницу — меня встретила полная тишина. Я подошел в высокой белой двери в конце коридора, застланного толстым ковром, открыл ее, и в белой комнате с высоким потолком обнаружил Инсента, он качался в глу-

боком кресле-качалке, уставившись на чистый потолок. В этой комнате — тихой гавани — не было ни одного предмета из природного материала: ни нитки натурального волокна в ковре или в покрывале на кровати, ни одного напоминания о животном мире в виде шкур или рогов, ни цветочка, ни листочка. Какой совершенный мир! Я сам очень нуждался в отдыхе после обретения внутреннего равновесия, которое, должен признаться, разладилось от созерцания философских мучений Ормарина, и я опустился в глубокое кресло с откидывающейся спинкой рядом с Инсентом, уставился вместе с ним на окружающую нас белизну и стал слушать вместе с ним — безмолвие.

— Никогда отсюда не уйду! — молвил Инсент. — Никогда! Я всю жизнь прожил бы среди этих белых стен, в покое, один, и никому не приносил бы вреда.

Отвечать я не счел нужным.

— Как вспомню обо всех ужасах, которые видел и в которых участвовал…

И его большие темные глаза наполнились слезами.

— Полно, Инсент. — И я вновь озвучил все положенные успокаивающие и необходимые

сентенции, которые так недавно высказывал Ормарину.

— Теперь я узнал, на что я способен. Я решил, что подам заявление, пусть меня отправят домой. Но вначале мне надо сделать два дела. Первое — извиниться перед губернатором Грайсом.

— Угу.

— И второе — хочу найти Кролгула и… и…

— И что, Инсент?

— Я подумал — я бы хотел попробовать его перевоспитать.

— Ага.

Наступило долгое молчание.

— Ну, как ты знаешь, — начал я, — ты можешь делать все, что считаешь нужным. Таков закон. Свобода выбора. Если тебе кажется, что твое предназначение — реформировать Шаммат, не говоря уж о Путтиоре, тогда…

— Вот теперь вы надо мной смеетесь! Вы злой!

— Ну ладно, — сказал я, — возможно, еще слишком рано. С моей точки зрения, тебе следовало бы побыть тут еще немного и хорошенько отдохнуть. Я бы и сам не отказался. Но если хочешь уйти, то пожалуйста.

После чего я сам ушел, заметив с облегчением, что Инсент не сдвинулся с места. Если считается

геройством сидеть, откинувшись в кресле и задрав ноги на уровень головы, тогда позу Инсента можно назвать таковой: руки он вызывающе скрестил на груди, подбородок задрал к потолку, ноги вытянул прямо.

Миновав шумный и оживленный вестибюль, — это торговые представители Сириуса, с виду очень довольные собой, отбывали на свою планету Мотц, — я оказался на улице и перешел на другую сторону, прямо в парк. Приветствовать меня подошли несколько свободно бродивших газелей. Между прочим, они родом с Шикасты, их когда-то украли сириане и подарили от лица своего государства. Газели лизали мои ладони и тыкались мордами в руки, и я понял, что моя эмоциональная система перегружена почти до предела: от вида растительной жизни на разных стадиях развития, от песен птиц. Короче говоря, произошло обычное нарушение моих стабилизирующих систем. Мне было так трудно сохранить душевное и эмоциональное равновесие, что я чуть ли не вернулся в отель и не присоединился к Инсенту.

О, обаяние *природной* жизни! Обманчивость инстинктов! Морока от всех этих импульсов и вибраций! Как я мечтаю вернуться на Канопус,

с его… но хватит об этом. Прошу прощения за проявленную слабость.

Я был, конечно, уже на пути к Кролгулу и практически добрался до него первым, раньше, чем Инсент.

Шаммат основала на Волиене Школу Риторики. Эта школа устроена по типу очень результативной Школы Риторики, которая долго процветала на Шикасте в ее последние дни под управлением Тафты, ее разместили там для того, чтобы ловить эманации от Религий и Политики. Но когда Тафта просчитался и стал поддерживать на Шаммат не те диктатуры, школу в Шикасте забросили, и она стала бесполезной. Именно Кролгул изучал историю той школы, именно он подал заявление новым властям Шаммат, просил разрешения попытаться заставить работать такую же школу на Волиене. Ее открыли сразу после вашей поездки сюда, и она благоденствовала, улавливая эманации от волнений на Сириусе.

Не помню, упоминали ли вы о школе Тафты на Шикасте. В ней было два главных отделения, одно было замаскировано под теологическую семинарию, другое — под Школу Политики. Здание первого отделения было фундаментальным, красивым, грандиозным, обеспечивало разного

рода чувственные удовольствия; второе не было украшено, оно было чисто функционально. В первом учащиеся носили мантии и атрибуты очень богатые и разнообразные; во втором одежда была аскетически простой. Но разновидности речи, используемой в обоих, казалось бы, таких различных учебных заведениях, были почти идентичны; так что учащиеся могли, и это даже поощрялось, пересказывать религиозные тексты как политические и наоборот, ведь для этого процесса, как правило, требуется всего лишь заменить несколько слов по ходу декламации.

На Волиене оказалось невозможным в точности скопировать эту систему, потому что там «притязания на высшие интересы» всегда были идентичны политическим притязаниям. Но у них тут есть два главных отделения Риторики, и учебные здания этих отделений весьма различны: одно выдержано в строгом стиле, в другом все содействует получению чувственных ощущений самого разнообразного рода, начиная от выдумок с освещением и цветом до озеленения помещений и культурных впечатлений. Конечно, и звук задействован вовсю. Так что это отделение Риторики, которое они так вульгарно называют «ну то, со всеми их штучками», напо-

минает религиозную семинарию Шикасты; а скромное неукрашенное здание, с учащимися в простой одежде, напоминают другую школу с Шикасты, Школу Политики. Если вы помните, на Шикасте политику самого примитивного сорта, желающему получить власть, достаточно было надеть простую одежду и заговорить на языке простых людей, чтобы произвести впечатление на «взбаламученные умы» своей «честностью и искренностью».

Но поскольку политика Волиена и раньше, и сейчас охватывает все аспекты жизни в страстном стремлении улучшить положение дел в стране, то она поистине «богата, как сама жизнь», — это я цитирую лозунг, намалеванный над входом в школу Кролгула. В прошлом Волиен несколько раз оказывался зависимой планетой: в его мыслях и убеждениях осталось многое от риторики рабов. Был он и независимой планетой, сохраняя минимальные контакты с соседями: язык гордой и самодостаточной изоляции еще в ходу, хотя самодостаточность стала делом отдаленного прошлого. Когда-то это была империя быстро растущая и жестокая: песни, стихи, возвышенные и яркие речи всякого рода, которые все еще в ходу, свидетельствуют о том

этапе развития. Это сейчас империя находится на стадии упадка и недовольна настоящим: но в ее языке не отразились реалии ее нынешнего состояния. Скоро Волиен превратится в колонию Сириуса: ну, тогда ему не придется изобретать новых средств передачи мысли, достаточно будет лишь вспомнить банальности периода его рабства и дать им новую жизнь.

Но, описывая этот цикл, я замечаю за собой симптомы недуга Ормарина, так что мне лучше замолчать.

Я появился в школе в удачный момент: как раз шли экзамены. Я разыскал Кролгула: с какими-то молодыми-экзаменаторами он сидел за столом в дальнем конце большого зала, а учащиеся подходили один за другим и демонстрировали, на что способны.

Экзаменационный зал — простое квадратное помещение, выбеленное, лишенное каких-либо средств возбуждения эмоций — хоть формой, хоть цветом или запахом, хоть звуком любого вида. Чтобы проверить воздействие речи на объект, все другие стимулы исключены.

Я вошел через вестибюль, в котором толпились взволнованные экзаменующиеся: с Волиена, с Волиенадны, Волиендесты, а также с двух внеш-

них планет — Мейкена и Словина. Среди них было двое наших агентов, а именно 23 и 73, но о них я уже докладывал. Поскольку оба были еще новичками в нашей службе, когда попали в плен на Шаммат, у них не нашлось времени целиком войти в курс нашей работы, так что для Шаммат эти агенты оказались бесполезны. Кролгул так ничего и не понял: ведь он так обхаживал этих двоих, и они были не меньшие энтузиасты, чем Инсент, а результатов никаких. Потому что, при том, что у них меньше внутренних противоречий, они производят впечатление более целенаправленных и стойких, вот он и ждал от ребят большего, чем от бедного Инсента… К счастью, Кролгул столь многого не понимает!

Я приветствовал наших двух (временно) потерянных агентов, и они тоже со мной смущенно поздоровались. Потому что в душе оба прекрасно знают, что они с Канопуса, и как-то ухитряются сделать вывод, что хоть и работают на Шаммат, но все еще остаются нашими сотрудниками. Другие агенты меня не узнали.

Когда я вошел, некая сдававшая экзамен девушка как раз его завалила. Кролгул с помощниками жестом велели отсоединить ее от прибора, и тут он увидел меня; спрыгнув с платформы, он

ринулся мне навстречу.

Кролгул сиял. Он всегда рад меня видеть! Вы удивлены? Лично я был искренне удивлен и должен был немедленно обдумать этот его ход. Ну, во-первых, наше присутствие кажется ему гарантией значительности того, что делает он, то есть Шаммат. На планетах, где ее люди работали иногда тысячелетиями, — как им казалось, незаметно для нас, — их вообще-то серьезно удручало наше невнимание, так что вставал вопрос: стоят ли чего их усилия? Нет, мое появление в «Империи» Волиен для всех них было большим стимулом.

А во-вторых — они очень хорошо знали, насколько необъективна их информация, и понимали, что наши планы работы на любой планете основаны на разработках, намного превосходящих их информированность. Кролгул, который весьма умело добился подъема народных масс «по всему Волиену, чтобы обязательно все в один момент — и тогда больше нам ничего не надо будет делать» (это я цитирую его последнюю речь), в глубине души уверен, что мои намерения почти наверняка совсем другие, потому что *мы что-то знаем.*

Кролгул поспешил мне навстречу, протягивая

руку, приветливо улыбаясь, при этом он сильно смахивал на обезьяну, но его радость была искренней.

Он опять был облачен в какую-то форменную одежду. Все эти его квазиуниформы не означают *ничего конкретного,* но большинство молодых людей по всей «Империи» Волиен изобретает для себя какие-то самопальные подобия униформы. Отчасти это объясняется тем, что все они недавно участвовали в каких-то колониальных войнах и колониальных мятежах, а в таких ситуациях все участники, как правило, носят какое-то обмундирование. Каждая армия, даже если это всего лишь партизанский отряд, пользуется своей форменной одеждой, распространяя единообразие на все, вплоть до последней застежки и пояса, и любое нарушение, даже небольшое, заслуживает кары, а то и смерти. В сущности, теперь войну они воспринимают исключительно через обмундирование. И отныне это распространяется на все аспекты их жизни. Например, известно точно, чем прикрыть нижние конечности: толстой, жесткой тканью, всегда одного цвета и очень облегающей, подчеркивающей ягодицы и гениталии. Ее носят не только в каждом уголке «Империи», но она распространена и на ближних

к Сириусу планетах. Юноша или девушка, по каким-либо причинам не прибарахлившиеся этой одежонкой, сами будут считать себя отверженными, не говоря уж об их окружении.

В данном случае униформа Кролгула оригинальна тем, что нижняя ее часть представляет собой юбку, подобную той, какие носят неквалифицированные рабочие — обычно иностранцы — на Волиене. Они поднимают ее полу кверху и протягивают между ног, потом заправляют за пояс, но ноги жителей Шаммат слишком волосаты и узловаты, и их лучше не демонстрировать, так что у них юбка остается висеть. Она такая же многоцветная: дело в том, что на Шаммат любят насыщенные тона, но объясняют они это так — мол, «носить черный цвет, цвет рабочей одежды рабочих масс, было бы неправильно, это мешает опознать своих». Поверх алых, синих, зеленых, желтых легких хлопковых юбок надевают жесткие коричневые, сшитые на заказ туники, основное отличие которых в том, что они спереди сверху донизу, а сзади ниже пояса усеяны карманами на застежках. Создается впечатление, что у человека свободны обе руки, вероятно, чтобы держать в них какое-то оружие.

Кролгул был в голубой юбке, а карманы его

туники оттопыривались от бумаг, письменных принадлежностей и разных электронных приборов.

— К вашим услугам! — Он затряс мою руку. — Приветствуем вас. Хотите послушать?

— Считаете, мне есть чему поучиться? — поддел я его.

— Кто знает? — с удовольствием парировал он. — Мы тешим себя надеждой, что… впрочем, сами поймете. — Знаком он вызвал следующего кандидата, но остался стоять рядом со мной, непроизвольно бросая на меня быстрые, чуть ли не просительные взгляды.

— Хотите спросить меня об Инсенте?

— Да, да. — Понятно было, что Кролгул умрет от любопытства, но он говорил нарочито небрежно.

— Бедняга отнюдь не вылечился, — признался я. Кролгул в душе возликовал. Просто удивительно, когда он предстает в своем собственном облике, не в каком-то из своих перевоплощений, он становится таким понятным, так легко читать его мысли. — И, по-моему, вылечится Инсент еще не скоро. Ему приходится прикладывать большие усилия, вы, конечно, это понимаете, когда пользуетесь им как рупором своих идей. — Теперь в его трепещущем взгляде выразились одновременно

и сомнение, и торжество, даже как бы извинение и смущение: видимо, Кролгул не мог сообразить, знаем ли мы, насколько важен Инсент для них в битве между Канопусом и Шаммат, хотя с первого дня моего приезда об этом говорили все поступки: и мои, и агентов Шаммат. — Вы подвергаете беднягу риску, он может сильно заболеть. В настоящее время Инсент проходит лечение.

— Ну, он всего лишь один из ваших агентов, насколько нам известно. — Тон Кролгула был фальшиво грубовато-добродушным, неубедительным даже для него самого. Он достал свою трубку и начал ее раскуривать.

— Кролгул, — начал я, надеюсь, сдержанно и с «юмором», без которого тут и дня не продержишься, в этом месте, — вы доставляете нам чертову уйму хлопот. — Услышав эти слова, он посветлел лицом, опять польщенный, судорожно дергаясь и немного корчась от довольного смеха. — Но, видите ли, на самом деле вы пошли не по тому пути. — Я сказал это и тут же увидел, как Кролгул внезапно упал духом. Теперь передо мной был явно испуганный человек, который, абсолютно ничем внешне не похожий на обезьяну, тем не менее часто напоминал мне ее; теперь он превратился в поникшего, с отвислой челюстью, часто

моргающего Кролгула, повелителя «Империи» Волиен по поручению Шаммат, и в глазах его была одна страстная мольба: «Скажи мне, скажи мне, скажи мне».

Но помощники уже подсоединили проводки к следующему экзаменующемуся, и Кролгулу надо было возвращаться на свое место на кафедру. Я отказался идти с ним, усевшись в одиночестве у стенки.

Экзаменовался молодой человек с Волиенадны, приземистый основательный парнишка с кожей серо-зеленого цвета, без малейшего признака нервозности. Он начал с того, что поднял руку — осторожно, чтобы не повредить проводки, подсоединенные к мониторам.

— Товарищи! *Друзья!* Я знаю, что могу назвать вас друзьями, потому что нас объединяют общие цели.

Парень не мог видеть графиков и распечаток, показывающих его эмоциональные реакции на свои же собственные слова, так что он никак не мог поддаться их воздействию, они демонстрировались на большом экране, подвешенном высоко за его спиной. Я и экзаменаторы с кафедры могли наблюдать за ним и в то же время отмечать точное состояние его эмоциональной системы.

Сразу стало понятно, что этот долго не продержится, несмотря на его кажущиеся уверенность и основательность: уже при слове *«друзья»* начал реагировать каждый орган его тела. И при словах *«объединяют общие цели»* его реакция почти достигла предела.

— …Вы не задаетесь вопросом: «Какие цели?», потому что уже знаете. *Мы* уже знаем…

Но молодой человек уже завалил экзамен. Слово *«мы»* он произнес с надрывом, и тут же раздался звуковой сигнал. Экзамен он не выдержал.

Его сменила крепкая красивая молодая женщина, из Волиендесты, уверенная в себе и спокойно улыбавшаяся всем нам.

Она поначалу ловко обошла это опасное и намеренно внесенное в текст слово *«друзья»;* она проскочила следующее опасное слово «мы», причем стрелка прибора ничуть не дрогнула. Но затем ее реакция начала нарастать.

— …Пусть мы не согласны с причинами, по которым должно произойти неизбежное, но мы должны согласиться с тем, как это следует лечить. Нас всех объединяет одна мысль: что дальше так продолжаться не может. Почему вокруг такое ужасное неравенство, поразительная несправедливость, потрясающая нищета и циничные

богачи…

Тембр ее голоса сменился, теперь казалось, что у девушки застряли слезы в горле, и больше ей было не продержаться. Но она все же пыталась, хотя было ясно по выражению ее лица — по ее нетерпению и недовольству самой собой, — что она догадалась о своем поражении.

— …Почему мы сейчас так страдаем от неумелости и глупости бюрократии, стонущей под тяжестью собственной некомпетентности? Почему на одной улице мы видим лица молодежи, которая никогда не знала, что такое открыть свой конверт с зарплатой за свою честную работу…

Ее голос сорвался на слове *«работа»;* прозвучал звуковой сигнал. Девушка вышла, держась храбро, но на глазах ее сверкали слезы разочарования.

Следующей оказалась типичная уроженка Словина — хрупкая, бледная, таким всегда трудно убедить в своей силе солидных, бесстрастных грубоватых обитателей других планет. На самом деле они упрямы и терпеливы, и их нервная система гораздо менее подвержена вспышкам эмоций, чем у большинства других, так что те, кто близко с ними общался, их очень высоко ценят. Экзаменаторы ждали многого от этой с

виду хрупкой революционерки: и на самом деле, она легко преодолела те контрольные слова, на которых сломались предыдущие соискатели.

— ...за честную работу, а на другой улице нас тошнит от вида лиц молодежи, до предела разбалованной и бесполезной. Почему? Почему?

При этих подряд двух *«почему»* все ее графики поднялись вверх почти до опасного предела, но женщина сама вовремя опомнилась.

— Почему? Причину все мы знаем! Что же делать? И это мы тоже знаем. Да, знаем. Разве нет? Наше положение плохое. Оно ужасно. Но не безнадежно. Что же нам надо? Что нам необходимо? Жертва. — И тут ее график зашкалило вверх. Но таким неожиданным был внезапный подъем пера самописца, что экзаменаторы посовещались и посоветовали ей пойти отдохнуть, а затем вернуться и сделать еще одну попытку (как оказалось, на следующем заходе она легко добилась успеха).

После нее экзаменовался местный рабочий, с Волиена. Это не самая привлекательная порода людей: они тяжеловесны, неизящны, с тусклой кожей цвета оконной замазки. Но они славятся своей эмоциональной устойчивостью. Иглы чуть вздрагивали на словах *«друг, работа, жертва»*,

но выправились.

— Да. Нужна жертва. Ведь смотрите, что от нас требуется: не только затянуть потуже пояса, хотя нас просят *и* об этом; не только работать по восемнадцать, даже по двадцать четыре часа в сутки, от нас требуется, чтобы каждый из нас согласился подчинить свою отдельную жалкую личную волю и мысли единой великой Воле, великой цели, великому *Решению*… Мы должны согласиться раз и навсегда — нельзя допускать, чтобы все это безобразие продолжалось. Да, раз и навсегда, товарищи… братья… сестры… *друзья*… — Иглы взмыли вверх. Сам экзаменующийся поднял руку и попросил разрешения на вторую попытку. Ему разрешили. Следующим был еще один волиенец.

— С чего же нам начинать? С чего? Да с себя же! Как мы можем построить новый мир с прежней душой и прежней волей? Нам нужны новые, молодые сердца…

На слове *«сердца»* этот несчастный пропал. Но каждому, кто продержался так долго, был гарантирован второй шанс.

Следующие несколько человек отпали очень быстро, на первых же контрольных словах. И вот, наконец, один продержался до конца. Это был

еще один представитель Словина — чистый до блеска, хрупкий, он казался таким уязвимым.

— Мы находимся в самой гуще грандиозных событий, в свете которых грядущие поколения прозревают свое будущее. Здесь, в объединенном грохоте времен, взывает к нам нынешняя судьба планет. Нам нужны чистые глаза и непоколебимая цель. Мы начнем и завершим свою работу под звуки рабочих гимнов и песен. Ваша работа теперь не рабский труд, но высокое служение отечеству всех достойных людей. Жертва! Объединенная воля! Только на этом пути мы найдем выход — к спасению, теплу, довольству. Жертва. И чистые сердца. Чистые руки. *Любовь*…

Первый из кандидатов, достигший полного успеха, он ушел, держась застенчиво и скромно, как положено себя вести тем, кто преуспел, и после его ухода экзаменаторы стали совещаться. Мне было понятно, что намечается перерыв, потому что Кролгул сидел, выпрямившись, грыз ногти и корчился на своем стуле, предоставляя помощникам обсуждать способности проэкзаменовавшихся, сам же грустно обдумывал мои слова. Он хотел вернуться ко мне, нажать, подтолкнуть меня, не отставать до тех пор, пока я не скажу ему того, что знаю. Пока он не узнает,

какие планы у Канопуса, насколько осведомлен Канопус…

Но в этот момент произошло нечто неожиданное. В экзаменационный зал вошел — довольно спокойно, в неброском наряде, разновидности местного костюма административного служащего — Инсент. Он увидел, что я там сижу, и подал мне знак: мол, не волнуйтесь.

Но сам избегал моего взгляда. А вот это — плохой знак; его надо понимать так, что для Инсента ни одно мое слово теперь не будет иметь значения. Я устроился поудобнее, решив: пусть случится то, что должно…

Кролгул подскочил при виде Инсента, взбодрившись и преисполнившись энергии. Потом выкрикнул: «Инсент…», — но вспомнил о моем присутствии и искоса взглянул в мою сторону, как и молодой человек, избегая встречаться со мной взглядом.

С Кролгулом Инсент обошелся — тут подходит только одно слово — надменно. Инсент встал на место экзаменующегося и подал знак экзаменаторам, чтобы к нему подсоединили проводки.

— Я собираюсь пройти этот экзамен, — он спокойно, почти безучастно, сказал о том, что болен; потому что он, конечно, был болен, хотя этот факт

не обязательно было сообщать экзаменаторам. Он еще был лишен эмоций; я сказал бы, опустошен, после предыдущего всплеска эмоций. Никто не вылечивается после Полного Погружения ни через несколько дней, ни даже через много дней. Его запас эмоций был низким; поэтому Инсент казался спокойным; поэтому он и производил впечатление мягкого и учтивого человека.

Он выпрямился на месте экзаменуемого и заговорщически улыбнулся мне:

— Я готов.

Откровенно говоря, все это было выглядело просто скверно.

— Товарищи. *Друзья…* — Кролгул, видно, рассчитывал, что Инсент запнется на этом самом первом ключевом слове, но случилось нечто более ужасное. На висящих за спиной Инсента мониторах мы все увидели, как иглы не то чтобы зарегистрировали ужасающие пики и всплески и высоту эмоций, наоборот, часто их просто было не видно — они рисовали свои графики на горизонтальной координате графика. Так низок был эмоциональный уровень Инсента, что вся его система перешла в режим обратного хода. При слове *«друзья»*, которое он, конечно, произнес с должным интервалом после слова *«товарищи»*,

так что нервы экзаменаторов должны были завибрировать в ожидании, иссяк даже тот минимум эмоций, какой еще оставался в нем. Иглы прямо на наших глазах зашкалили ниже горизонтальной координаты графиков. Инсент говорил ровно, почти приветливо, хотя прекрасно знал все полагающиеся интонации и паузы. Он успешно преодолел то место в тексте, где говорится о вопиющем неравенстве и несправедливости, и так далее, хотя в нем буквально не осталось никакого запаса сил. Я видел, как экзаменаторы ерзали и перешептывались. Кролгул безумно перепугался, все время смотрел на меня: он никогда не видел ничего подобного и даже не знал, что в принципе может существовать такое состояние. Он боялся, что я собираюсь его наказать.

Уж кто-кто, а Кролгул, возможно, один из всех жителей нашей Галактики, никогда, вероятно, не сумеет понять, что такое свободная воля. По крайней мере, сейчас; да и долго еще не сможет.

Инсент все гудел:

— Жертва. Да, жертва… — И вдруг упал, натянув и оборвав проводки, ведущие к приборам.

Я подбежал к нему и привел его в чувство. Инсент не стал спрашивать, где он, это он понял сразу и поднялся, ослабевший, но в сознании.

Смущенно посмотрел на меня и попросил:

— Клорати, лучше бы вы отвели меня назад в гостиницу. Я свалял такого дурака.

А Кролгулу бросил:

— Ладно, с тобой я еще не покончил. Хотел доказать, что могу *пройти* твой тест, а *потом разобраться с тобой,* зная о своей неуязвимости для… — и заплакал мелкими бессильными горькими слезами, но эти слезы были вызваны его слабостью и опустошенностью.

Мы шли к двери, а Кролгул бегал вокруг нас, ахал и восклицал:

— Но… но… надеюсь, вы не считаете нас во всем виноватыми! Я ничего не знал о намерении Инсента, я снимаю с себя абсолютно всякую ответственность!

Инсент был слишком слаб, так что мы не могли сразу покинуть здание. Мы ненадолго присели в вестибюле и наблюдали, как учащиеся готовятся к экзамену по Риторике; они тренировались друг на друге, по очереди выступая в роли резонатора, и проверяли себя на тех местах в тексте, которые, из-за наличия контрольных слов и своей общей тональности, на экзамене окажутся более трудными, чем отступления.

— Что же тогда является нашей целью? Что? Да

как минимум сияющее будущее для всех нас и наших детей! Что нам мешает построить этот рай на земле? Мы все знаем, что ничто не мешает! В нашей земле заключено богатство — минералы. Почвы наши плодородны. Наши моря и атмосфера планеты дают нам пищу. Сердца наши полны любви и желания жить счастливо в счастливом мире, где нет места печали! Что в нашем прошлом порождало горе, делало нас недобрыми? Да только отсутствие воли — взяться и устранить все это. А теперь все изменится, потому что у нас есть воля и есть средства. Вперед, и давайте возьмем в свои руки то, что наше по праву наследования, — счастье. Счастье и любовь.

Инсент слушал все это не просто равнодушно: я с радостью заметил на его лице откровенное презрение.

— Какая жуткая чушь, — бормотал он.

— Рад слышать это от тебя. Надеюсь, и дальше будешь думать так же.

— Ну, я бы выдержал этот тест, если бы не вырубился, верно?

— Да, но у Шаммат есть такие ключевые слова, которых они тут не употребляют.

— Есть и такие, да? Что это за слова? Нет, не говорите мне, а то я вдруг не устою. Я вправду

чувствую себя совсем больным, Клорати. Голова кружится, мне надо прилечь.

Он улегся на скамью лицом вниз, руками прикрыл уши, а я продолжал наблюдать за оживленной сценкой. И представьте себе, Джохор, испытывал при этом смешанные чувства! До чего они все привлекательны, те, кого собрали со всей «Империи» Волиен. Прежде всего, их отбирали в основном за принадлежность к привилегированному сословию: у нищих бедняков редко хватает энергии и желания добиться положения облеченного властью. Этих выбрали за природные способности. И еще потому, что в них природные способности сочетаются с перспективой; множеством перспектив теперь, когда «Империя» распадается. Они молоды по большей части; получили образование, в том смысле, в каком это слово понимается в заштатных уголках Галактики; они полны жизни, полны решимости добиться успеха. Из всех кандидатов, которых я наблюдал, пока Инсент лежал и восстанавливал свое внутреннее и внешнее равновесие, мало кому удалось дойти до конца трудного отрывка, выбранного ими самими для экзамена. Еще меньше человек сдадут сам экзамен. Но все они вернутся в школу Кролгула и снова запишутся

на учебные курсы: эти ребята верят в себя и в будущее, которое обещает им Кролгул.

Шаммат рыщет по «Волиенам» — воспользуемся этим местным разговорным выражением для обозначения планет, принадлежащих «Империи» Волиена, — и отслеживает каждое публичное собрание, выискивая людей с намеком на талант. Некоторые юнцы, возможно, выскочившие пооораторствовать из искреннего сочувствия многим несчастным, из искренней мечты о сияющем будущем, вдруг обнаружат рядом какого-то типа, который их понимает и разделяет их самые затаенные мысли, мечты, надежды. «Какой же ты молодец, — красноречиво говорят сочувствующие глаза этого нового друга. — Твои прекрасные идеи делают тебе честь! Пожалуйста, продолжай…» И тогда этот избранный, теперь уже отобранный Шаммат, понимает, что его усилия поощряемы, его речам аплодируют, сверх всего каждым словом ему дают понять, что у него появились новые товарищи, *друзья,* понимающие то, чего не понимают другие; оказывается, его новый друг считает, что он сделан из более тонкого, более благородного, более *храброго* материала, чем большинство. Ох, как умно Шаммат умеет воспользоваться инстинк-

том развития лучшего, что заложено в каждом человеке, в каждом порождении Галактики! Но хотя щедрый на похвалы и одаренный воображением всепонимающий друг поддерживает этого неофита, но допускается и благоразумная, тщательно продуманная критика. «Это лучше бы сформулировать немного по-другому», — заметит, скажем, Кролгул, если этим другом окажется он, а часто именно он им и оказывается, потому что обладает сверхъестественной энергией. «Можно, я тебе предложу формулировку более выразительную…» И как счастлив будет этот обнадеженный, что ему встретился искренний друг, который может не только поддержать, но и научить. И вот уже заложены основы карьеры, у которой нет будущего при существующих порядках, этот рост относится только к области идей; честолюбцу, когда он видит хаос, безобразия, беспорядки эпохи распада, чудится за всем этим какое-то бесконечно благородное общество, с ним самим во главе. Но Шаммат никогда не говорит ни в одной из своих компетентных критических речей ничего вроде «Ты стремишься править своими товарищами». Только «Ты жаждешь служить народу». Имея Шаммат на своей стороне, эти молодые люди изучают науку карьерного

роста с помощью Риторики, и когда их сочтут созревшими, им предложат курс обучения…

«У тебя это очень хорошо получается», — скажет Кролгул, проявляя себя скромным другом, единомышленником. Он говорит каждым взглядом, улыбкой, касанием руки: «Мы с тобой вместе против тех, других, кто не понимает», — методика эта типична для Шаммат. «Хотел бы ты стать еще лучше? Знаешь ли, мы можем тебя научить. Кто мы? Скажем так, *друзья.* Но тебе мешает один недостаток — не возражаешь, если я скажу, какой? Конечно, это здорово, на тебя просто приятно смотреть, как ты вдохновляешь аудиторию, как умеешь вести других за собой и сам увлекаешься, достигаешь таких высот страсти, что сам опьянен своими мечтами. Но если хочешь уметь сдерживаться, как настоящий профессионал, то этот этап тебе надо оставить позади!» И тут Шаммат подстилает подушку, чтобы смягчить удар, убаюкивает своим пониманием, какое разочарование испытал неофит. Потому что во всех «Волиенах» — на Волиене и в его колониях, — благодаря влиянию Волиена искренность чувств высоко ценится. Такая высокая оценка объясняется лицемерием Империи — ведущим качеством правящего класса этой правящей пла-

неты. (Правда, с нашей точки зрения, правление было довольно коротким, но его вполне хватило, чтобы заразить целую группу планет этим недугом.) Лицемерная мысль выражается такими словами: «Мы, волиенцы, жертвуем собой, чтобы поделиться с вами, нашими детьми, бесконечными преимуществами нашего руководства вашим развитием». Этот лживый постулат порождает целый ряд чудовищно лживых чувств: высоко ценятся плач, переживания, демонстрирование своего плача и «переживаний». Их ценят даже те бунтующие мыслящие молодые люди, которые видят насквозь лицемерие «руководства» и желают только освободиться «навечно» от Волиена. Шаммат знает, как трудно человеку искреннему услышать, что он должен научиться отделять свое желание добиться совершенства мира от умения выражать это желание словами, подсказанными холодным и наблюдательным умом… Нет, ему трудно даже воспринять эту необходимость. «Нет, нет, — бормочет Кролгул, воплощенное сочувствие, — я не прошу тебя меньше сопереживать страданиям других. Как ты можешь подумать такое про меня, когда ты меня уже достаточно хорошо знаешь? Отбрось эту мысль! Никогда! Но чтобы твои речи звучали

эффектно, чтобы содействовать прогрессу нашей Галактики, чтобы уметь выражать бесконечные и законные требования голодных, бедных, страждущих, несвободных, — ты должен научиться пользоваться словами, но не давать словам овладеть тобой».

Ну как же, сталкивался я уже (скривившись мысленно от отвращения) с этой карикатурой на Канопус, с этой неубедительной имитацией нас, — и весьма часто, потому что сам был свидетелем, как Шаммат это делает, хотя ее агенты и не подозревали о моем присутствии.

А ведь именно потому, что Шаммат умеет пользоваться словами, которые по *звучанию* похожи на наши, так много наших людей оказалось среди экзаменующихся в Школе Риторики Кролгула в тот день. Я их заметил. Я поговорил с двумя, кто меня знает, говорил на нашем спокойном языке, который мог им напомнить, который им *напомнит*, когда придет время, что они принадлежат не Шаммат, что их будущее не станет будущим тех, кто рвется к власти в Галактике.

Короче говоря, вот позиция Шаммат: пусть «сама жизнь» вынесет на поверхность свой человеческий материал, пусть «сама жизнь» его разработает при поддержке Шаммат, а затем, когда

эти люди уже вполне привыкнут пользоваться Риторикой, позволяя себе словесные нападки и выслушивая такие же от других, тогда их возьмут в школу Кролгула, где обучат не поддаваться Риторике, чтобы они могли при управлении толпой пользоваться самыми страстными, резкими, эмоциональными формулировками, какие только возможны, но сами оставались для них неуязвимыми.

И никогда, ни в период подготовки «в самой жизни», ни в школе, не говорит Шаммат своим ученикам: «Мы научим вас пользоваться властью над другими, научим грубо манипулировать самыми низменными человеческими инстинктами».

Как легко неподготовленному, простодушному человеку сбиться с пути истинного: когда Инсент наконец заворочался, все еще лежа на скамье рядом со мной, он сказал:

— Клорати, я вот думаю, почему бы мне не записаться в школу Кролгула? Ему необязательно знать, что я не собираюсь на них работать, а хочу узнать только то, что мне понадобится.

— А что тебе понадобится?

— Стать неуязвимым для манипуляции словами. Что же еще?

— Ты что, действительно не понимаешь, какая разница между нашими методами, которыми мы стараемся тебя закалить против Риторики, и методами Шаммат?

Да, вот лежит тут наш Инсент, в унынии развалился, подложил руки под голову, ноги вытянул, черные глаза задумчивы, очень бледный. А тем временем молодой человек со Словина ораторствует:

— В чем, значит, состоит наша цель? В чем? Да всего лишь в том, чтобы…

— У них, похоже, обучение гораздо приятнее, чем у нас, — проворчал Инсент.

— Это ты точно заметил. Нашел нужное слово — *приятное.* Что может быть приятнее, чем власть или обещание получить власть? Когда мы тебе приукрашивали перспективы, а, Инсент?

Он горько усмехнулся:

— Нет, уж в этом-то вас не упрекнешь, Клорати. Но, возможно, я *предпочту* обучаться тому, что мне надо, в школе Кролгула. А не у вас! По крайней мере, у Кролгула мне не придется чувствовать себя презренным червем, когда ничем хорошим это оскорбление не компенсируется.

— Это верно, но ты *станешь* презренным червем, и это не будет тебе ничем компенсировано.

Если ты прослушаешь курс обучения в школе Кролгула, Инсент, из тебя получится первоклассный мелкий тиран, я тебя уверяю, ты научишься стоять на любом пьедестале или кафедре, где угодно, вызывать слезы у толпы или подталкивать людей к убийству, *управляя ими по своей воле,* и не почувствуешь при этом ни тени угрызений совести или раскаяния. О, методы обучения Кролгула очень эффективны, и, конечно, в мои планы входило показать тебе его школу в действии, чтобы ты сам смог сделать кое-какие сравнения, но только когда ты внутренне настолько окрепнешь, что будешь в состоянии провести эти сравнения.

Инсент лежал и глядел на меня своими темными глазами, и пустота в них говорила, что его переутомление хоть и стало меньше, но все еще очень сильное.

— Здесь я встретил кое-кого из наших. Вон одна — как раз вещает сейчас. Я ее знаю, это агент 73.

— Да, но рано или поздно жизнь заставит этих людей задуматься, во что они превратились, и как ты думаешь, легко ли будет постепенно восстановить в них то, что они утратили? Инсент, ты в опасности. Может быть, даже в большей, чем любой из них. С твоим темпераментом, с твоими физическими наклонностями, с твоей

способностью к самозащите…

— Спасибо, — сказал он театрально. — Надо же, как вы меня оснастили!

— Ну, и *кто для тебя это выбирал, а, Инсент?* Нет, не хочу я больше слушать жалобы на тему, что мол, по-твоему, свободная воля — это ошибка. В чем, по-твоему, разница между *ими* и *нами?* Это *твой* выбор.

В наступившем долгом молчании мы услышали, как какой-то юноша разливается соловьем: «Что нам мешает построить этот рай на земле? Мы все знаем, что ничто! В нашей земле заключено богатство — урожаи и минералы…»

— Прекрасно, — заявил наконец Инсент. — А вы тем временем пока будете лучше присматривать, верно?

Я отвел его назад, в гостиницу, и можете себе представить, с каким облегчением мы вступили в эту чудесную, прохладную, белую комнату, лишенную любых возбуждающих факторов.

Вот тут мы и отдохнули. Бок о бок в глубоких креслах с откидывающимися спинками. Я лежал на спине, он — на животе, уставившись на тусклую черноту пола через переплеты стула, и пришли в себя мы одновременно. Здесь было тихо, как в подземной пещере, так тихо, будто

мы плыли в черном космическом пространстве между Галактиками. Узкая комната, высокий потолок которой доходил до самой крыши, и в куполе был источник неяркого света.

Вначале глаз различал только отблески кругов, треугольников, квадратов, ярко-белых на матово-белом фоне, и эти геометрические фигуры темнели, становились серыми, затем более тусклыми на белом фоне, который начинал мягко светиться. Изображения этого порядка оставались неизменными, так что взгляд мог переходить с одного на другое и при этом отдыхал, умиротворенный, успокоенный; но через какое-то время мозг начинал протестовать против монотонности, желать контраста, и как только понимаешь, что это отражает состояние твоего ума, — переход от острой необходимости к бесстрастному состоянию, — так взгляд снова приходит в движение, потому что там, вверху, в самой вершине тусклого свода, ему приходится охватывать уже не многогранники, а многоугольники. Они как будто неподвижно подвешены в воздухе, и непонятно, насколько они массивны и тяжелы, ты все еще считаешь, что твой взгляд притягивает шестиугольник или восьмиугольник. Но нет, они массивные, они плотные на едва

отсвечивающем белом фоне. Сидишь в тишине и покое, нет никакого движения вообще, долгое время, очень долгое… А потом, когда беспокойный взгляд начинает требовать перемен, снова замечаешь смещение, четырехгранники превращаются в восьмигранники, а потом — блеск! — в те волшебные двадцатигранники, которые трансформируются в икосододекаэдры, и кажется, будто высоко над тобой в сужающейся полумгле твоего мозга крутятся сферы, заключающие в себе все светильники, трехмерные и двухмерные, так что двенадцатиугольники поддразнивают звездчатые многоугольники, а десятиугольник может переплавиться в двенадцатигранник, а тот вдруг растворится в пятигранник, который скромно выберет для себя форму куба. Хотя и это ненадолго…

Основательно восстановив силы, я предложил Инсенту перевернуться на спину и посмотреть вверх. Он так и сделал, но тут же застонал: «Снежинки!» — и снова шлепнулся на живот, лицом вниз.

Я продолжал развлекаться игрой математических символов и сменил автоматический механизм управления ручным, чтобы по своему желанию переходить от плоскостных изображе-

ний к многомерным и наоборот, потому что как только я решил, что нечего поддаваться очарованию танца многогранников, как тут же понял, что мог бы вечно созерцать потолок, который стал плоским и на нем выделились ярко освещенные узоры и лабиринты переплетающихся многогранников.

Пока я приходил в себя, Инсент тоже воскресал или хотя бы проявлял признаки готовности воскреснуть. И заявил:

— Я тут все думаю о губернаторе Грайсе.

— Вот этого не надо, — взмолился я. — Зачем тебе это? Ты, я вижу, совсем не имеешь представления о пределах своих возможностей, Инсент!

— Ой, разве? Именно в этом моя ошибка? — Его лицо просветлело от надежды узнать диагноз: поразительно, как этих детей Риторики можно утешить *словом.*

Я промолчал, и он расстроился:

— Ох, Клорати, страшно вспомнить, каким я был несправедливым! В конце концов, Грайс всего лишь выполнял свой долг. А я-то хотел покарать его как конкретного человека, личность.

— Инсент, — начал я, — ты бы лучше занимался порученным тебе заданием… Ты хотя бы его выполнил? Ты хотя бы его изучил? Ведь, судя по

твоим речам, по поведению, не похоже, чтобы ты сделал хоть что-то! *Если* бы сделал, то знал бы, что когда простонародью предлагается отдельная личность, или группа, или несколько групп в качестве образца, их всегда сначала очерняют, осыпают клеветой, а уже потом делают ритуальной жертвой. В конце концов, пойми, это свидетельствует о приличиях людей, о зачатках справедливости, — то обстоятельство, что их — даже в состоянии сильного душевного волнения — трудно заставить убивать других людей, которые, по их мнению, всего лишь выполняют свой долг, пусть даже при этом заблуждаются. Нет, прежде чем их заставить, им еще надо разъяснить, что этот Грайс — Жадина, а вот Клорати — жесток, а этот Инсент…

— Как все это банально и скучно. — Он вдруг перевернулся на спину, прикрыл глаза ладонью, заслоняя их, но тем не менее не спуская взгляда со сложных сплетений узоров над нами.

— Ты хочешь сказать, что слова банальны, — возразил я, — ты слышал их тысячи раз в наших школах. Но они как будто не отразились на поведении, в частности, на твоем очень мало, значит, сама *мысль* не банальна. *Когда* вы, энтузиасты и революционеры, сможете устоять

против Кролгула и не дадите превратить себя в самодовольную накипь лозунгами типа «Грайс — Жадина», только *тогда* и бросайтесь такими словами как *банальный…*

— Я хотел бы извиниться перед ним.

— Что тебе мешает?

— Почему вы возлагаете на нас такое ужасное бремя?

— А почему такое ужасное бремя возложено на всех нас?

— Да, на вас тоже. Я забыл.

— На всех нас.

— Но ведь оно слишком тяжелое. Мы не годимся. Я не гожусь. Ох, нет… — И он закрыл глаза, чтобы не видеть в прохладной тени над головой, как изображение восьмиугольной звезды сместилось из плоского в трехмерное и назад, темно-серые контуры и плоскости на светло-сером фоне потом перешли в легкие тонкие черные, как сажа, линии на фоне полумрака, казавшегося белым только из-за отсутствия поблизости более яркого белого для контраста. Белые узоры на белом фоне, белизна которого была лишена минимальной теплоты; мир строгих и симметричных форм жил в пространствах под потолком, который был сам по себе бесконечен и, казалось,

растворялся в пустоте.

— Не беспокойся, мы годимся, — успокоил его я. — Каждый из нас прошел ровно через такие же ощущения.

— И вы?

— Конечно.

— И Джохор — и все?

Его скептицизм был отголоском моего. Потому что я, конечно, тоже с трудом могу представить себе, что вы, Джохор, когда-то могли быть слабым.

— А потом?

— Научишься, Инсент. А пока…

— А пока вы перестали надеяться на меня? — И его смешок меня успокоил, ибо прозвучал достаточно бодро.

— Да нет, у тебя все получится. А пока…

— Вы не хотите, чтобы я преследовал губернатора Грайса?

— Если ты должен это сделать, значит, именно это ты и должен сделать.

— Гм… Мне кажется из ваших слов, что я чего-то о нем не знаю. Чего же?

— Допустим, я тебе скажу, что кое-кто считает его агентом Сириуса, что ты ответишь на это?

Инсент искренне от души расхохотался: его

смех был неподдельным, грубым, презрительным. Мой оптимизм возрос.

— Очевидно, надо это понимать так, что вы намерены его убрать, может, даже чужими руками, но прежде вам придется его очернить.

— Мыслишь логично, — отозвался я, — поздравляю.

— Ой, только не смейтесь надо мной. Мне в школе все время говорили, что нужно всякое суждение сначала превратить в свою противоположность, а только потом его отбрасывать… Ну и что, Грайс на самом деле агент Сириуса?

— Я сюда приехал, чтобы, кроме всего прочего, выяснить и этот вопрос. Вижу, вижу, как у тебя плечи сникли, — разочаровался. Но ты здесь — не единственная моя забота. И можешь мне поверить, временами одной возни с тобой мне более чем достаточно… Как думаешь, Инсент, ты сможешь тут какое-то время обойтись без меня, если я уеду, займусь расследованием? Джохор ждет моего рапорта. — Он следил за мной довольно спокойно, пока я собирался в дорогу.

— Хочешь, я оставлю потолок включенным?

— Да. Я как на него посмотрю — так вспоминаю Канопус.

— Понятно.

— И вы мне доверяете? Оставляете меня тут одного? Я ведь натворил столько глупостей!

— У меня нет выбора, Инсент, — ответил я.

Клорати, из Ватуна, Джохору

Джохор, если бы вы сейчас приехали на Волиен, интересно, что вас поразило бы больше всего — перемены или их отсутствие? Вы приезжали сюда, когда Волиен был на пике своего развития как империи, сразу после его победы над ВЭ 70 и ВЭ 71, перед тем как начался его упадок. Он был тогда очень богат, самодоволен, горд, благодушен. И гласность здесь тогда была в духе церковных песнопений — самовосхваление, типичное для империй на этом этапе развития. В страну вливались богатства с ВЭ 70, ВЭ 71. Волиенадна и Волиендеста были уже вполне интегрированы в это экономическое единство. Города самого Волиена росли и богатели, наблюдалась вспышка роста населения благодаря повышению общего благосостояния: ведь Волиен так долго был бедным и отсталым, после того как его предельно истощил предыдущий колониальный период под властью Волиенадны. Но, тем не менее, уже тогда в городах наблюдался резкий контраст между невероятным богатством и крайней нищетой,

потому что даже при всем своем благополучии Волиен не был способен или не хотел создать рабочему классу приличных условий существования. Да, миллионы рабочих появились на свет благодаря улучшению условий жизни; но им не было дано возможности жить дольше, чем это требовалось привилегированным классам, которые их эксплуатировали.

Это, вероятно, было самым поразительным разделом вашего отчета, Джохор, и им пользовались на курсах Колониальной Службы, где я преподавал в то время, как иллюстрацией того, что империя может считаться богатой, она может во много раз увеличить свое богатство за один век путем грабежей и обмана, может казаться всей Галактике империей роскоши, и процветания, и развития, тем не менее основная масса ее населения будет по-прежнему жить скудно и бесперспективно, как самые презираемые рабы. А беднейшие классы на Волиене жили хуже рабов.

Ваш отчет вышел как раз в то время, когда я оказался в отпуске на Канопусе и согласился вести курс Сравнительного Империоведения: материалом для моих лекций послужили история Сириуса, чья империя существовала почти столько же, сколько наша; и история Волиена,

чья империя, по сравнению с нами, возникла ситуативно. Ваш отчет произвел сильнейшее впечатление и на моих учеников, и на меня самого. Я сумел прочесть не только один базовый курс лекций, но и несколько факультативных, положив в основу своих лекций всего одну фразу. Например:

«Можно считать законом, что вероятный срок существования империи можно прогнозировать в прямой зависимости от того, насколько ее правители верят в свою собственную пропаганду».

Какие сокровища мысли мы обнаружили в этой фразе, Джохор!

Естественно, самодовольные правители Волиена верили в свой имидж, ими же и созданный. Они считали себя добрыми, по-отечески внимательными руководителями, несущими цивилизацию отсталым популяциям, которых они порабощали и обирали. Собственный имидж ослеплял их и не давал понять, какие истинные чувства созревали под гнетом их столь заботливого управления.

Я помню, какие разные этапы развития Сирианской империи мы брали для иллюстрации. На самой ранней стадии сириане грабили и воровали, убивали и разрушали, и это делалось только во имя планеты-метрополии Сириуса.

Никаких сомнений на этот счет! (В самые первые дни существования Канопуса мы тоже брали что хотели, допускали грубые ошибки и удивлялись, почему все, чего ни коснешься, портится и в итоге разваливается, пока не открыли Закон Необходимости, и тогда смогли сделать то, что следовало.) Но Сириус в ходе своего развития, не поняв, что такое Закон Необходимости, разработал понятие Риторики. Каждую новую планету, каждый привлекательный новый кусочек собственности они проглатывали под аккомпанемент слов, слов, слов, называвших воровство дарением, разрушение — развитием, убийство — культурой оздоровления общества. Стандартный набор слов, идей менялся по мере того, как у властей Сириуса появлялась совесть, и Сирианская империя агонизировала в течение долгих лет, переживая перемены: расширение, затем сжатие, сохраняя стабильность в каком-то смысле; потом снова расширение и сжатие, всегда, всегда оправдывая все свои дела новыми наборами *слов.* В этих наборах слов никогда не было объяснения типа: мол, мы захватываем эту планету потому, что нам нужны ее богатства — минералы или земли, или рабочая сила. Нет, любой захват всегда подавался как акт благодеяния для самой покоренной планеты.

Лживую риторику захватчиков можно поэтому с некоторой точки зрения рассматривать как дань нравственности…

Я помню, как на примере Путтиоры и ее компаньонки, пиратской планеты Шаммат, проиллюстрировал, как можно откровенно изложить мотив захвата, и этот пример показался даже привлекательным по сравнению с формулировками шамматян.

«Народ этой (допустим) Волиенадны, добровольно и с энтузиазмом согласившийся на наше руководство ими при освоении превосходящего опыта нашей цивилизации, подло и предательски восстал против нас, и нашим героям-солдатам пришлось преподнести ему полезный урок».

А вот для контраста стиль Шаммат, который и тогда, и сейчас примерно одинаков:

«Эти грязные крысы волиенаднанцы увидели, что мы грузим на свои космолеты их новый урожай, и попытались его сжечь, убили двоих наших людей. Так что мы преподали наглецам хороший урок, и больше они не рискнут».

Города Волиена, которые вы описывали в своем отчете, были застроены новыми величественными общественными зданиями. Там появились новые цветущие пригороды, новые

виды общественного транспорта, новые мосты, каналы, места развлечений, — эти города излучали самоуверенность и энергию, и все это на том основании, что Волиен в то время считался «крупнейшей империей Галактики», и это ощущение превосходства своей страны разделяли даже беднейшие женщины-работницы, которым суждено было умереть, не прожив и половины своего нормального срока, из-за тяжелой работы и того, что им постоянно приходилось рожать детей. Для жителей была типична громкая, суетливая, грубая жизненная энергия; по большей части население этих городов составляли так называемые волиенцы: в результате смешения коренных жителей с народами Волиенадны, Волиендесты, а также планет ВЭ 70 и ВЭ 71 (Мейкен и Словин) появились те, кто сейчас называет себя «мы, волиенцы».

И что же я увидел, когда вышел из комнаты с высоким потолком, в которой Инсент остался восстанавливать свою психику? На первый взгляд, особых отличий не было. Большие общественные здания гордой «Империи» Волиен все еще стоят, хотя со временем пообветшали. Парки и сады щедро разбросаны повсюду, но, если присмотреться, деревья в основном старые,

и неухоженность проявляется эрозией почвы, грязной водой озер и прудов. В прошлом цветущие пригороды теперь отчасти влились в центральную часть города, потому что Ватун разросся и поглотил новые, меньшие пригороды и жалкую жилую застройку; а жилые дома в центре города больше не принадлежат, как прежде, одному зажиточному семейству, в каждый из них втиснуто по нескольку семей. Фабрики и заводы эпохи величия Волиена пришли в упадок, и многие бездействуют. Общий настрой — не прежняя бездумная и громкая самоуверенность, а скорее озадаченность и даже вечное недовольство неопределенностью положения. И повсюду часто теперь можно увидеть вместо волиенцев, которые не так давно занимали почти все общественно значимые должности, граждан колоний Волиена; причем и на самых крупных постах, и в роли лавочников на центральных улицах и окраинах города: торговля была движущей силой Волиена в пик его расцвета, а теперь все чаще владеют магазинами и организуют торговлю выходцы с Волиенадны и Волиендесты.

По мере того, как «Империя» потеряла уверенность в себе и из-за сопротивления подчиненных планет стало труднее, а кое-где и невозможно

управлять ими, по мере ухудшения условий жизни в колониях, большая часть их населения приехала «домой», на Волиен, чтобы поучаствовать в дележе богатств, которые были у них отняты. На улицах, в парках и скверах Ватуна приезжих встретишь не меньше, чем волиенцев. И, возможно, вы, Джохор, прежде всего обратили бы внимание на это различие. Другие же различия, главные — их описать не так просто.

Проще всего сказать: «Вот империя, приходящая в упадок», мы такое уже наблюдали тысячи раз. Можно сказать: «По мере упадка империи те народы, которые были вытеснены и погрязли в нищете, стремятся вторгнуться в центр», — но и в этом нет ничего нового. Однако каждая рушащаяся империя имеет свой «аромат», свою атмосферу, которую нельзя передать одними разговорами о неясности перспективы.

И в данном случае, конечно, мы наблюдаем Империю на грани развала, потому что сейчас идет процесс захвата ее Сириусом, который сам вот-вот станет жертвой внутреннего взрыва, — и теперь настало время перейти к следующей и, возможно, более важной части моего рапорта.

В результате длительного контакта с нами, в результате того, что мы долго и неторопливо да-

вали образование Амбиен Второй, в Сирианской империи теперь произошел перелом: развивается самокритика и идет осмысление своей роли, своих мотивов, своей *функции.* Сириус буквально созрел, чтобы задать себе коренной вопрос, единственный имеющий смысл вопрос: *для чего мы*? Сирианская империя, в одну из своих стадий сокращения, когда ее территория уменьшилась на девяносто процентов, раскололась на две основные фракции. Одна поддерживала Амбиен Вторую в изгнании и других членов Большой Четверки, которые последовали за ней. (Эта лишенная власти Большая Пятерка провела в изгнании, совсем недалеко, на своей Планете Тринадцать, почти два С-года, что равно пятидесяти В-годам.) Данная фракция требовала обратиться к нам, к Канопусу, с просьбой о получении фундаментального образования, чтобы понять Закон Необходимости. Другая же фракция тем временем приняла решение о том, что следует выяснить возможность обретения Морали (так у них это называется) и преждевременно пришла к убеждению, что уже овладела подлинными ценностями. Эта фракция, за тот (короткий) период, пока была на вершине власти, с энтузиазмом расширяла свою территорию, захватив не только те

планеты, которые Сириус до того колонизировал и бросил, но и те, которые вообще не колонизировали ранее, считая их недостаточно ценными. Но в этом новом духе «Морали», в котором они считали себя носителями благодеяний, даже планеты второго и третьего разряда были захвачены и (хоть и неохотно) оказались членами Сирианской империи.

Поскольку Сириус считал себя носителем *новых* благодеяний, так *по-новому* представляя себя, его жертвы перестали отличать это последнее расширение империи от ее предыдущего расширения, потому что оба они сопровождались потоками самовосхвалений, так что практически разницы не было никакой. Вы уже заметили, конечно, что эта фракция Сириуса является хорошей иллюстрацией того закона, на который вы обратили наше внимание: правящий класс, если он поддался собственной риторике, вряд ли продержится долго. Эта фракция, выступавшая против Большой Пятерки (члены которой находились кто в изгнании, кто в тюрьме, но идеи которой оказывали мощное влияние на народ, несмотря на отсутствие любых каналов связи), не могла ничего противопоставить идеям Большой Пятерки, и из конца в конец империи все

распевали лозунги о Законе Необходимости и о Морали. Однако вскоре почти каждому стало очевидно, что ничего не меняется: империя вовсю расширяется, и планеты становятся жертвами беспощадной эксплуатации, как обычно, под аккомпанемент Риторики. Оппоненты Большой Пятерки, которые без конца совещались, какие бы выбрать *нужные слова,* чтобы ее дискредитировать, вдруг обнаружили, что их соперники дискредитированы самой жизнью, потому что болтовня о Морали ничего не изменила. Члены Большой Пятерки снова собравшиеся вместе в изгнании на своей Планете Тринадцать, уже поняли, что они в тысячный раз обмануты — обмануты своими собственными словесными формулировками. Но теперь, однако, возник новый фактор, а именно — наше влияние на Амбиен Вторую, и его было не уничтожить, потому что наша связь была, по сути дела, не физической. Члены Большой Пятерки, в своей вынужденной изоляции размышляя о ходе событий, пришли к осознанию, что сами виноваты в дискредитации Канопуса: они воспользовались *словами,* искажающими и извращающими то, что символизирует Канопус, пропагандировали Канопус преждевременно и необоснованно; но это обстоятельство не

изменило, просто не могло изменить сути Канопуса и того, что он может дать. И теперь Большая Пятерка твердо усвоила истину, что *когда* Сириус будет готов, Канопус всегда окажется рядом, он всегда готов помочь. И Большая Пятерка, понимая это, прекратила выпуск новых манифестов, прокламаций, тезисов, анализов ситуации, что делалось раньше постоянно, потому что из всех уголков империи к ним постоянно прибывали самые разные секретные посланцы диссидентских групп, среди которых, конечно, были — и сейчас есть во множестве — шпионы оппозиции, желавшей раздобыть письменные материалы, дабы воспользоваться ими в своих целях, и, конечно, желавшей также воспользоваться многотысячелетним опытом Большой Пятерки. Но в обществе всегда есть также историки, архивариусы, регистраторы и мемуаристы разного рода. Так что изоляция Большой Пятерки относительна.

Но ее члены больше не позволяют себе ни единого слова возбуждающего, вдохновляющего, провокационного, *риторического* типа.

Как довольно часто говорят они сами, — болтать заранее значило бы захлопнуть дверь реактора после того, как электроны уже вылетели.

А тем временем вся Сирианская империя охва-

чена азартом слов, фраз и лозунгов, все они в свое время были сказаны Большой Пятеркой, доставлены сюда, когда члены Большой Пятерки находились на этапе увлечения идеализмом и Моралью, теперь же они вышли на новый этап, они отреклись от прежних своих речей; весь Сириус охвачен лихорадкой слов, и империя разрастается отчаянно, лихорадочно, отчасти потому, что в стране нет сдерживающего и умеренного руководства, которое осуществляла Большая Пятерка, а те, кто их сменил, опираются только на личные старания зацепиться при власти, а эти их старания не имеют под собой прочного основания, во-первых, оттого, что рост империй имеет свою инерцию, а во-вторых, оттого, что нынешние правители Сириуса — этот сброд и оборванцы, и безродная галактическая шваль, если такие бывают, — попали в плен своей собственной риторики и больше не видят разницы между истиной и своей же пустой болтовней.

А все словесные формулировки, которыми они пользуются, появились в тот период, когда под влиянием Большой Пятерки шло обличение Морали, и все они — самого высокопарного, жеманного, сентиментально-тошнотворного типа, какой только возможен, все основаны на закреп-

лении Морали. Признаюсь вам, до этой поездки на Волиен я был уверен, что уже наслушался в своей жизни самого худшего, что только бывает, в области словесных миазмов.

Когда вы приезжали сюда, — так недавно, даже в исчислении времени по-волиенски, — вся молодежь разраставшегося высшего и среднего классов имела образование и мечтала найти себе место в управленческой машине империи и находила его. Образование соответствовало ожиданиям, ожидания соответствовали достижениям.

Но за истекшие тридцать лет, со времени последней войны Волиена с группой диссидентов с Сириуса, которые намеревались использовать эту слабеющую империю как плацдарм для своей собственной авантюры, — Волиен тогда победил, но дорогой ценой, ведь та «победа» основательно ослабила Волиен и лишила его возможности восстановиться, — и вот с тех пор перед образованной молодежью встала очень трудная проблема их собственного будущего. Их образование все еще базируется на прошлом опыте: то есть, на убеждении в моральном превосходстве Волиена над малыми народами. Год за годом молодые люди заканчивают учебные заведения,

полностью подготовленные практически, но в основном морально к управлению, администрированию, консультированию, *руководству* другими, и вдруг оказывается, что они не находят себе применения в обществе. Также из-за жестокости той войны, из-за лживой пропаганды с обеих сторон, которую так быстро развенчала «сама жизнь», последующие поколения молодежи оказались не готовы анализировать пропаганду, как отечественную, так и со стороны любого противника. Такое умение, конечно, полезно, но болезненно для умов.

Именно в результате той войны на Волиене появился новый тип или стиль обучения молодежи, который ранее был невозможен. Возникла жесткая и сердитая критика старшего поколения, причем цинично заявлялось: чего же, мол, от них и ожидать. Ехидная насмешка выражалась не только тоном: говорящий позволяет себе характерное пожимание плечами, высокомерно поджимает губы, а затем кивает и опускает веки, как будто не желая утомлять собеседника-единомышленника излишним обменом мыслями, которые, *конечно же,* не менее банальны, чем следовало ожидать. Все эти обмены мнениями происходят в атмосфере этого *конечно. Конечно,*

следовало ожидать этой некомпетентности старшего поколения, их равнодушия к общественному благу, этой продажности, этой коррупции; *конечно,* лживости опытных и циничных пропагандистов. Но не терпеть же это… Потому что за горизонтом, не далее чем за соседней звездой и ее дружескими планетами, находится Сириус! Сириус — новая цивилизация. Сириус — великий и добрый, надежда Галактики. Ибо полная готовность не видеть у себя, на Волиене, ничего, кроме зла, — сочеталась с обязательным желанием видеть на Сириусе одно только хорошее.

А агенты Сириуса, уже расплодившиеся теперь повсюду, отметили этот новый настрой молодого поколения, формирующегося класса государственных служащих (хотя мало кто из них найдет себе такую работу в вырождающейся Империи Волиен), и усиленно слали доносы представителям Сириуса на ближних планетах, а те дальше пересылали их на Сириус (бывший в руках диктаторов, сменивших Пятерку). И там говорилось о том, что вся молодежь Волиена ненавидит вопиющую коррупцию правящего класса, возмущена разграблением их Империи (вспомните, что Сириус снова был охвачен фантазиями о том, что по самой своей природе должен

быть правителем, властителем и рассматривал себя только как носителя добродетелей), что она вся поголовно готова предать свою планету и стать агентами Сириуса. Причем бесплатно, по большей части, без всякого вознаграждения, кроме убеждения, что они хорошо выполнили свой Долг; и чисто из идеализма и любви к Прогрессу и Будущему Гармоничному Развитию не только местных галактических народов, но и народов всей Вселенной… Заранее прошу прощения, если время от времени вам покажется, что я и сам заразился этим стилем.

Та война, состоявшаяся тридцать В-лет назад, была поистине ужасной. Рост техники предлагал новые и страшные виды оружия. Сирианская Риторика и Риторика Волиена, разработанная для противостояния той, обе были просто тошнотворны. У волиенской молодежи бывает такой этап развития, когда она способна раскусить местную Риторику, хотя этот этап обычно длится недолго: пока их не придется начать самим зарабатывать себе на жизнь и приспосабливаться; пока их не примут в члены правящего класса — и таким образом вынудят приспосабливаться; а теперь, когда так мал правящий класс, к которому им хочется принадлежать, — пока они

не вступят в ту или иную из многочисленных политических групп, каждая со своей собственной Риторикой, критиковать которую они уже не смогут себе позволить, чтобы не поплатиться членством в группе, а группа для них — социальная точка опоры, единственная, которая у них есть для общения. Потому что волиенцы, не так уж давно эволюционировавшие из животных группировок, в большинстве своем не могут функционировать вне групп, стай, стад, каждое из которых имеет свои священные словесные формулировки; их можно менять, но только с большим трудом, и ни в коем случае нельзя их оспаривать, раз уж ты принят.

И снова этими юнцами управляет Риторика, хотя они так стремились избавиться от нее. Отбросив Риторику Империи, которую они готовы проницательно анализировать и отвергнуть с презрением и с насмешкой, они становятся пленниками Риторики оппозиционных групп, единственная цель которых — стать, в свою очередь, правителями, ну а те будут управлять страной опять-таки при помощи Риторики. Путем формулировок и манипулирования *словами.*

Сириус, хорошо знакомый с психологией толпы, с манипулированием, со значением идео-

логии, знал, как развратить молодежь именно на этом этапе их жизни, когда они обратили свое глубокое юношеское презрение на Риторику, когда отказывали ей в признании.

На Волиене этих юнцов массово вербовали в агентов Сириуса. Причем задолго до того, как общественное сознание начало понимать, что Сириус — реально существующая физическая угроза, он может физически захватить их и победить; хотя трудно понять, почему волиенцам было так трудно признать эту угрозу, если вспомнить, что они сами не так уж давно захватывали и обкрадывали другие планеты. Однако этих молодых людей вдохновлял не лозунг «Я прокладываю путь для вторжения Сириуса», для них это соображение было бы смехотворно; нет, их воодушевляла мысль «Я поддерживаю благородные и прекрасные идеи Сириуса, которые преобразуют этот дешевый, жалкий, коррумпированный и лживый Волиен в нечто подобное раю. Его идеология уничтожит уже распадающуюся Империю Волиен, и чем скорее, тем лучше, потому что империи — это зло, они отвратительны. Сириус за постоянный рост и развитие галактик. Сириус — это Справедливость! Истина! Свобода!». (И так далее до полного отвращения.)

Пока сотни тысяч «цветов Волиенского юношества» мечтали о добродетелях Сириуса, непреложным фактом оставалось то, что сама Сирианская империя на данном этапе своего развития была тиранией самого жестокого типа, какой только можно себе вообразить. В прошлом, надумав расширить свою территорию, Сириус просто решал, что такая-то планета годится для его целей, посылал туда свои армии, внедрял там свои принципы управления, уничтожал тех, кто сопротивлялся, и регулировал экономические законы в свою пользу. Но под влиянием всей этой «Морали» появилась новая схема захвата. Планета, находящаяся где-то на пути его экспансии, оказывалась следующей в ряду завоеваний. Вначале агенты и шпионы направлялись туда в самом разном обличье и распространяли информацию о преимуществах правления Сириуса. Эта операция представляет собой смесь чистого цинизма и чистейшего запудривания мозгов и порождает маньяков в масштабах всей планеты: ведь необходимо не только знать, что условия, которые ты описываешь, совпадают с классическими чертами тирании — где угодно, в любое время, но еще и верить, что они воплощают собой «Мораль». Местное население поначалу

более или менее «верит» в эти сказки про Сириус. Когда Сириус к ним вторгается, всегда находится группка сторонников, готовых совершать любые преступления против собственного народа во имя «Морали». Из них формируется частично новый механизм управления страной. Некоторые из сторонников Сириуса, если не большинство, со временем теряют иллюзии, видя, какие ужасы творятся вокруг, и этих уничтожают сразу. Другие, сами ослепленные, с готовностью становятся орудиями Сириуса. Богатства колонизированной планеты становятся доступны Сириусу. Этот процесс, конечно, ничуть не похож на хорошо спланированные, продуманные захваты времен Пятерки, те хотя бы как минимум соображали, что такое долгосрочное планирование экономического развития. Но тут — во всем царят неразбериха, беспорядок, неумелость. Жалкие эксплуатируемые жители, которым отказано в любых формах протеста, должны выслушивать песнопения и самовосхваления сириан и порабощенных ими местных властителей. Любой, кто попытается открытым текстом описать происходящее, исчезает в пыточных камерах и тюрьмах или в психушках. И вскоре наблюдается резкое различие между народными массами и неболь-

шим послушным правящим классом, одни живут в откровенной бедности, другие получают все блага. Главным занятием становится — клепать словесные формулировки для искажения прежнего образа этой очень давно существующей страны и описания ее как своего рода утопии; большая часть времени и энергии администрации на это и уходит.

Вот вам правда обо всех колониях Сириуса, находящихся вблизи Волиена. Их можно назвать планетами-тюрьмами. Если бы я растянул настоящий отчет раз в двадцать, — то и тогда не смог бы дать даже приблизительное представление об удушливой, лживой атмосфере на этих изолированных от мира планетах; об их нищете, бедности, эксплуатации всех имеющихся ресурсов ради блага Сириуса.

Тем временем на Волиене тысячи групп энергичных, образованных молодых людей питают надежды обрести светлое будущее под властью Сириуса; и с каждым годом, когда учебные заведения выпускают своих учеников, возникают новые группы, новые общества, новые партии, все с одной мыслью — сделать Волиен «как Сириус», и каждая группа выбирает для себя в качестве вдохновляющего примера одну из

ближних планет. Потому что, конечно, кое-какие сведения доходят с порабощенных Сириусом планет, рассказы об их истинном положении; но эти группы, неспособные отказаться от своей мечты, сначала изменят формулировки и объявят, что такая-то и такая-то планета, к сожалению, «свернула с правильного пути», но зато другая планета (вероятно, только что завоеванная, так что новости об истинном положении дел на ней еще не дошли) теперь для всех будет вдохновляющим примером.

А тем временем стареет поколение волиенцев, которые некогда по своей слабости стали агентами Сириуса. Повсюду в администрации Волиена находятся люди, которые в той или иной степени были агентами Сириуса, но потом, в ходе «самой жизни», поняли, какой кошмар они сами, своими руками, были готовы внести на родину. Некоторые вовремя сбежали в какие-то колонии Сириуса, зная, что там их примут благожелательно, пусть это даст им лишь удобное существование и обеспеченность, полагающиеся для захваченных в плен животных, функция которых — обеспечивать своего рода питание для своих владельцев. Некоторых поймали и посадили в тюрьму. Кое-кого разоблачили — но не

наказали; потому что очень скоро стало известно, как широко распространена такая слабость среди правящих кругов Волиена и как многих придется разоблачать, но тогда масштаб этой слабости станет общеизвестен. Некоторых не разоблачили никогда, и они так и прожили свою жизнь — в страхе возможного разоблачения. Но граждане Волиена только сейчас начинают подозревать, сколь многие из их проверенных правителей были готовы на предательство: что уж говорить, когда даже в их секретных службах, чья первая задача, конечно, заключается в ведении слежки за вечно расширяющейся Сирианской империей, было полным-полно агентов Сириуса; ведь до чего дошло — какое-то время сам глава этих секретных служб работал на Сириус…

Итак — мы подошли к самому интересному, с моей точки зрения, факту. Именно на Волиене наблюдается этот феномен — я считаю, уникальный, потому что не встречал ничего подобного ни в наших архивах, ни в попавших к нам когда-то архивных материалах с Сириуса, — что против Империи Волиен ведут подрывную работу и ослабляют ее тысячи собственных жителей, которые преклоняются перед одной из самых худших тираний, какие только видела Галактика;

они преклоняются перед ней не за ее тиранию, но за ее идеализм, за ее «Мораль». Самое курьезное заключается в том, что сам Волиен — не его колонии, которые он всегда порабощал и притеснял, — представляет собой довольно приятное место для обитания. Крайняя степень нищеты ликвидирована, и сейчас, Джохор, если бы вы приехали, вы бы не увидели на улицах прежнего множества людей с явными признаками голода и болезней. Вы не встретите истощенных и замерзающих детей. Уже нет того, о чем вы писали так скорбно: изнурительного детского труда, ведущего к скорой гибели, да и женщин уже не используют на тяжелых работах. Именно в этот недолгий период времени, не более чем несколько десятилетий по местному летоисчислению, Волиен был, да и сейчас остается страной с вполне приличными, если не идеальными здравоохранением и образованием, здесь хватает пищи для всех, у большинства есть хоть какая-то крыша над головой. И, прежде всего, тут отсутствует то непосредственное угнетение, которое держит колонии Сириуса в мрачном безмолвии, из боязни воспользоваться словами для описания всего, что они реально видят вокруг себя.

Вот именно это приятное, хоть и недавно до-

стигнутое и, конечно, временное состояние страны и есть то, что намерена ниспровергнуть ее идеалистически настроенная молодежь.

И ее идеалистически настроенная бывшая молодежь. Такая, как губернатор Грайс, который взрослел в самый разгар последней войны и был потрясен пропагандой, сначала возможных захватчиков с Сириуса, а потом со стороны своих соотечественников, потому что счел ее циничной и вредной. Тот самый Грайс, который впоследствии, видя, как Волиен обращается со своими колониями, почувствовал, что его обманули и предали. Этот самый Грайс уже после войны встретил своего бывшего однокашника, ставшего агентом Сириуса, и согласился «предоставлять сведения. Но только то, что сам сочту нужным, понятно? И когда сам сочту нужным!» (Это типичная формулировка — вполне характерная для молодого мужчины — члена правящей касты, который привык сам выбирать время и место.) И этот самый Грайс, который наконец понял, что все глубже и глубже запутывается в сетях Сириуса, и изучил истинное положение во всех ближних колониях Сириуса, сам отдался в руки начальства и потребовал для себя наказания. «Делайте со мной что хотите. Я заслужил». Они,

распознав состояние ума, которое поразило как минимум некоторых среди них, подумав, решили, что не стоит отказываться от человека с такими ценными качествами и назначили его вначале мелким служащим в колониальной администрации, а потом и губернатором Волиена. Так возник губернатор Грайс, Грайс Жадюга.

Но его психику надо было поддерживать, иначе и с катушек слететь недолго. И создавались ситуации вроде приездов некоего Торгового Представителя, которого Грайс научился воспринимать как свое отражение в кривом зеркале, потому что его компаньон, поначалу привлекательный и учтивый, вдруг превратился в совершенно другого человека, корчащегося и жалкого, который молил Грайса о сочувствии и понимании.

— Это все, о чем я прошу! — восклицал он в те минуты, когда не находился на службе. Поразительно, как быстро происходит подмена личности внутри ухоженного тела и хорошо скроенных одежд шпиона. — Мне нужно только поговорить с кем-то, кто поймет меня — в каком аду я живу! Но вы меня понимаете.

Это был агент Сириуса, который прошел специальную подготовку с целью развалить Волиен любым способом, каким только сможет. Выбран-

ный как подходящий кадр в элитной школе на своей планете, он был отправлен для обучения на планету-метрополию Сириус, потом прошел инструктаж: как лучше освоиться на Волиене, как пробраться на высокие должности — и так далее и тому подобное, — в общем, все как обычно. Энергичный, умный, амбициозный и, главное, — преданный, он нравился начальству и сам был в восторге от собственных достижений. А тем временем ему понравилась жизнь на Волиене, такая приятная по контрасту с угрюмым фанатизмом законов Сириуса. Каких-то несколько В-лет назад, как он рассказывал Грайсу, пелена «вдруг разом» спала с его глаз. И шпион задумался: что же он делает? Старается навредить этому приветливому, пусть и безмозглому народу, этой приятной, хоть и разрушающейся и плохо организованной стране? Его миссия заключается в том, чтобы внести сюда гнусность — теперь он это понимал — Сирианской империи. У него произошел нервный срыв. Он страдал. Он не мог признаться своим, потому что его тут же уничтожили бы во имя Морали, в результате он исповедался представителю вражеской секретной службы, и на Волиене проявили чуткость к его моральным проблемам, но когда он им

предложил свои таланты, не говоря уж о своей «абсолютной преданности», в роли двойного агента, местное начальство стало тянуть время. Как и многих противостоящих ему агентов на службе Волиена, его оставили в подвешенном состоянии, так что бедняге оставалось только пребывать в сомнениях, «настоящий» ли он двойной агент или нет. А пока что доверенные лица сочли его полезным для моральной поддержки таких людей, как Грайс.

У Грайса был тяжелый период в жизни, пока он размышлял, хватит ли у него сил вынести двойственность своего положения. Да и кто он, собственно говоря, такой? Губернатор, который ненавидит править; богатый уроженец Волиена, который любит свою страну, но не издали, как принято; поклонник Морали, но только абстрактной, чистой и идеальной, потому что ни на одной планете не была еще внедрена Мораль в том понимании, какого заслуживает это слово; ненавистник Морали по-сириански, не говоря уж о том, что творится в колониях Сириуса…

В такие минуты, когда Грайс говорил себе, что для него все это слишком, очередной визит упомянутого выше господина Икс всегда убеждал губернатора, что его положение — рай по срав-

нению с положением Икс. «Привет, это я, твой дружок мистер Икс», — так неизменно представлялся гость, и Грайс лишь изумлялся, как это «они» ухитряются так безошибочно почувствовать тот момент, когда он упал духом.

Теперь Грайс прибыл на Волиен и требует, чтобы его выслушали «на самом высоком уровне». Представители этого «самого высокого уровня», признав, что на самом деле, вероятно, было бы полезно встретиться с Грайсом, занялись проверкой его лояльности: не перешел ли он снова на сторону противника, знают они этих агентов. Кроме того, им было известно, что Грайса видели переодетым на митингах Колдера и его сторонников.

Он посылает одно сообщение за другим, он постоянно околачивается возле Главного Управления. «Это срочно! Вы должны меня выслушать немедленно! Ситуация просто критическая!»

Одним словом, Кролгул все это узнал и теперь размышлял, как бы воспользоваться ситуацией в свою пользу.

Клорати, с Волиена, Джохору

Да, ваши сведения подтвердились. Волиен может ждать вторжения со стороны Сирианской

империи раньше, чем предполагалось, *но какая именно планета нападет?*

Я следую за Грайсом, как раньше шел по следу Инсента на Волиенадне: поведение губернатора так же непредсказуемо. Но о Грайсе рассказывают совсем другое. Пытаясь разгадать его намерения, опрашивая разных людей, я пришел к выводу, что у этого человека расстройство психики, о чем, кстати, уже все догадались.

Поэтому понятно, почему его прежние коллеги, назначившие Грайса губернатором, положение которых теперь так же щекотливо, как и его собственное положение, из-за их связи с Сириусом в прошлом, стараются отделаться от него извинениями. Да, да, соглашаются они, планы Грайса насчет благополучия Волиенадны грандиозны; но почему бы ему пока не съездить в приятный отпуск подальше от провинциальной скуки своей планеты?

Не сумев уговорить выслушать себя никого из сверстников, Грайс теперь обращается к революционным группам следующего поколения, к одной за другой.

Наконец я все-таки догнал его в небольшом городке на севере Волиена. Грайс разослал письма в Партию Благородных, в Партию Истинной Мора-

ли, в Партию Сторонников Сирианской Морали, в Партию Противников Сирианской Морали, Друзьям Олпута (спутник Сириуса СП 93), Врагам Олпута, Друзьям Мотца (спутник Сириуса СП 104). Каждая из этих групп от всей души озабочена повышением благосостояния Волиена и установлением там справедливого демократического правительства, однако все их время уходит на злобные междоусобицы.

Когда я пришел в гостиницу к Грайсу, он решил, что я — последний из этой длинной вереницы молодых революционеров, и продолжал вещать, не прерывая потока речи, начатой несколько часов назад.

Грайс расхаживал взад и вперед по своему номеру; его лицо в обрамлении растрепанных прядей белесых волос было возбуждено; обычно тусклые глаза сияли, он отчаянно жестикулировал; он рисовал (точную) картину страданий волиенаднанцев и описывал (неточно) успехи «специалистов по колониальным революциям, которые прибыли с Сириуса». Подразумевая Инсента.

— Грайс, — время от времени напоминал я ему о своем существовании, — Грайс, спуститесь на землю. Я Клорати. Мы с вами уже встречались, не

помните меня?

Он и помнил, и не помнил. Губернатор подошел ко мне, наклонился, мигая, присмотрелся. Он буквально вибрировал всем телом от того, что его словесный поток был прерван на полуслове. Потом расслабленно рухнул на стул.

Я начал молоть всякую чушь, пока не восстановилась его способность слушать, и тогда я сказал ему следующее:

— Мы, Канопус, могли бы обеспечить подвоз на Волиенадну всего, что необходимо для организации новой системы сельского хозяйства. За очень короткое время эта бедная планета окажется в состоянии обеспечивать себя всем необходимым и даже экспортировать продукты. Это повлечет за собой самые разные, но очень важные последствия. Вы, губернатор Грайс, могли бы заставить власти Волиена содействовать прогрессу, для чего должны поскорее добиться согласия своего начальства.

Он чуть-чуть оживился.

— Их согласия? Шутите! — И снова с наслаждением впал в свою привычную угрюмость. — Эти безнадежно прогнившие, разлагающиеся…

Какое-то время я позволил ему молоть языком, потом сказал:

— Все это хорошо, но хотите ли вы, чтобы эти успехи — которые будут своего рода революцией — приписывались влиянию Сириуса?

При этих словах Грайс оцепенел, трясясь от страха; потом осторожно поднял голову и бросил на меня быстрый взгляд, после чего снова впал в оцепенение.

Он ничего не говорил. Он подыскивал подходящую фразу.

Я надеялся, что от страха Грайс может проговориться, и я узнаю более или менее точно, до какой степени он связан с Сириусом, но губернатор не проговорился.

Наконец он сказал:

— Да, многие бы обрадовались, если бы это получилось… — И звонко рассмеялся, потом из глаз его брызнули слезы. Видимо, конфликт в его душе из-за прежних контактов с Сириусом был даже глубже, чем я предполагал. — Вы представить себе не можете, сколько человек… Я их встречаю каждый день с утра до ночи, с тех пор как приехал сюда. Странно, правда? Мы теперь точно знаем, на что способен Сириус, но все равно — создается такое впечатление, будто люди и знать не хотят. — И снова приступ смеха вместе со слезами. — Ох, знаю я, что вы думаете, я слиш-

ком долго обманывался, но я хотя бы…

Я хотел узнать конкретную причину, почему Сириус смог его завербовать. Шантаж? Это вряд ли. Мне кажется, что правящие круги Волиена, когда выяснился масштаб сотрудничества их людей с Сириусом, а также скольким из них угрожают шантажом, просто нейтрализовали эту угрозу, заявив своим: «Ничего, пусть даже все всплыло, но мы вас поддержим, — и этим их одурачим так, как они себе и представить не могли!» Потому что *они-то* своих людей в подобной ситуации не стали бы поддерживать, ни за что; у них, скорее, любой незадачливый наемник получит нож в спину в темную ночь или дозу яда. А потом будут говорить: *«Несчастный случай»*… Нет-нет, я прекрасно понимаю, что если Сириус, так долго и умело вовлекавший сотни людей с ключевых постов в свои заговоры, вдруг обнаружит, как ловко Волиен расстроил его планы, он неизбежно растеряется, пусть на время. Даже будет восхищаться такой ловкостью. Да, вполне могу себе представить, как Сириус восхищается дерзостью своих оппонентов в этой игре. Воображаю, какие трюки и ловушки, какие сети и западни Сириуса могли тогда раскрыться! А сколько таких ловушек осталось нераскрытыми!

Неизбежно кто-то из агентов признался Волиену во всем, кто-то — частично, а кто-то притворился. Вероятно, какие-то высокопоставленные лица даже были искренне убеждены, что раз они признались в своем юношеском безрассудстве — «Прошу простить, я и сам не понимал, что делаю» — и получили прощение, то всем страхам конец, а позже оказывается, что это был вовсе не конец! Сириус мог сказать: «Да, но вы же не признались им в *том,* верно? И что они о вас подумают теперь, если вы станете объяснять, что мол просто забыли? Вы хотите сказать, что ничего об этом не знали? До чего вы наивны! Вернее, до чего преступно легкомысленны!» Сириус мог и так сказать: «Да, но теперь, когда мы готовимся к вторжению, теперь, когда мы вас окружили со всех сторон, вспомните, что вы же предали *нас,* а ведь именно вы — наши истинные верноподданные, однако предали нас. И в чьи руки? В руки тех, кому вы обязаны только формальной лояльностью? Проявили близорукость, вы говорите? Нет-нет, нас интересует долгая перспектива, в масштабах истории. Мы дадим вам еще один шанс, если вы согласитесь…». Сириус может сказать: «Вы думали, мы про вас забыли? Но Сириус никогда ничего не забывает! Хорошо,

но вы знаете, какое полагается наказание по нашим правилам, верно? И вы почувствуете всю тяжесть этих наказаний, если вы не…»

И каково же место Грайса в этом клубке преданности или предательства, смотря как на это взглянуть?

— Грайс, — сказал я, — если я вам скажу, что Сириус очень скоро завоюет Волиен, что вы станете делать?

— Что я стану делать? Да брошусь с ближайшего небоскреба. — И это было сказано с таким болезненным удовольствием, что мне пришлось выждать какое-то время. — Какая разница для волиенаднанцев? Да и для волиендестанцев, если уж на то пошло, судя по тому, что о них рассказывают? Разве власти с Сириуса будут хуже, чем наши нынешние?

— Свою-то власть вы можете сделать лучше, конечно. Есть ли хоть шанс, что коллеги вас выслушают?

— Они? Да им плевать на колониальные планеты!

И вдруг Грайс выпрямился и посмотрел на меня трагическим взглядом, губы его дрожали.

— И на меня им плевать. Всем. Да, и тем, другим, тоже.

Под «теми, другими» он подразумевал молодежные группы. Они отказались от его услуг.

Обратите внимание, что именно задевает Грайса в первую очередь — то, что молодежным группам на *него наплевать*.

— Да, но кого-то из них все же беспокоит судьба Волиенадны?

— Вот вы им предложите, любому, поехать и поучаствовать в революции, они к вам прислушаются.

— Видимо, вы имеете в виду Инсента? Кролгула?

— Если бы мне разрешили, я бы пошел, не колеблясь, я свою жизнь готов отдать борьбе вместе с ними, с Колдером! Но я им не нужен! Никому. И так всегда было, Клорати! С самого детства. Вечно я никуда не вписывался. Меня никуда не принимали. Я никогда не был…

И он бросился на кровать и заплакал, громко и отчаянно.

Я понял, что на Грайса нам нечего рассчитывать; попросил портье вызвать для него врача, а сам вернулся в Ватун.

Я искренне убежден, что смогу как представитель Канопуса добиться нужного результата при помощи Колдера. Считайте это моим официаль-

ным ходатайством.

Клорати, с Волиенадны, Джохору

Я надеялся, что Колдера будут сопровождать его сподвижники. Но он прислал сообщение, что прибудет один, и указал место встречи — поселок в холодной долине, вдали от столицы. Дома, или, скорее, лачуги тут сложены из серого камня, а во все стороны до самого серого горизонта тянется серая тундра.

Встреча была назначена в клубе шахтеров, но в рабочее время, в будний день. Какая-то женщина подала нам жидкий кислый напиток, какой пьют на Волиенадне, и ушла, сказав, что ей надо готовить обед для детей.

Вот какой разговор у нас произошел.

Мой собеседник был настроен раздраженно и угрюмо, что типично для очень подозрительных людей.

— Колдер, видите ли вы хоть малейший смысл в этой тирании, которая вас угнетает?

Он грохнул огромным кулаком по столу и взорвался:

— Тирания, говорите! Повторите это слово еще раз! Это грязные эксплуататоры, бездушные свиньи, которые… — несколько минут Колдер

продолжал в этом духе, пока не выдохся. — Да вы и сами знаете, каковы они, — добавил он.

— Я задал вам вопрос.

Колдер сидел и хлопал глазами, смущенный; потом, чувствуя, что дальше молчать нельзя, буркнул:

— Вы забыли, что я никогда не бывал на других планетах. Как я могу сравнивать? Но вы-то, очевидно, можете. Вот *вы* мне и скажите: есть ли в ней смысл? С позиции колонизаторов, да: она высасывает все, что мы добываем в поте лица, и оставляет нам… да вы сами видите. — И с победоносным видом, как будто в споре выиграл очко, стал бросать взгляды по сторонам, как бы проверяя реакцию аудитории.

Но я понял, что Колдер уже удовлетворил свое желание поразглагольствовать, пусть на время, и что теперь надо пользоваться моментом, пока он сосредоточил все внимание на мне. Мой собеседник немного наклонился вперед и своими серыми блеклыми глазами всматривался в мое лицо. В голове этого основательного, тяжеловесного, медлительного человека, приученного никому не доверять, медленно ворочались мысли.

— Колдер, — заговорил я, — эта тирания нерен-

табельна для самих тиранов. И такова она уже давно — пожалуй, всю вашу жизнь. Обычно все тирании нерентабельны на своем последнем этапе. — И замолчал — ждал, пока мои слова улягутся в его голове.

— Я что-то не заметил, чтобы на планете-метрополии решили оставить нас в покое!

— Когда представители Волиена впервые появились у вас, они отслеживали все ваши мысли, намерения, тем более поступки. Они проникали повсюду. А сегодня — скажите-ка, где тут ближайший пост полиции Волиена?

Он согласно кивнул:

— Однако их дела идут успешно.

— Но уже недолго осталось…

— Это вы так говорите!

— Ответьте мне на конкретный вопрос. Если скалы — ну, к примеру, вон те, вокруг нас, плоские скалы на холме вдруг станут не серого цвета, а красного, как, по-вашему, власти Волиена это заметят?

В ответ на это Колдер разразился смехом, поглядывая по сторонам, как будто приглашая невидимую аудиторию вместе посмеяться над моей глупостью.

— Откровенно говоря, очень сомневаюсь, что

заметят. Даже уверен, что нет. — И он вытащил трубку и разжег ее, медленно и демонстративно.

— Я могу предложить вам такой продукт питания, благодаря которому вы станете независимыми. Это такое почти растение, оно внешне похоже на один ваш лишайник. Оно растет на скалах. Если разбросать несколько его семян по скалам этой долины, то очень скоро оно покроет все скалы. Его можно есть сырым. Можно готовить, как овощ. Его можно заквашивать по разным рецептам, так что изменятся его качества. Благодаря этому растению вы сможете быть самодостаточными на Волиенадне.

Колдер медленно откинулся на спинку стула, прищурив глаза. В скептической усмешке скривил губы, попыхивая трубкой, испускающей клубы усыпляющего дыма. Перед ним как будто была невидимая аудитория, он даже молчаливо обменивался со слушателями понимающими взглядами. Он был воплощением холодного, все отторгающего подозрения. Презрительно усмехнулся, позвал хозяйку. На его крик из соседней двери тут же появилась женщина; Колдер прищелкнул пальцами, и она, сказав: «Одну минутку», — принесла кувшин и вновь наполнила наши стаканы.

— Продукт питания, — медленно проговорил Колдер. — Если бы это было так просто.

При словах *«продукт питания»* женщина быстро взглянула на нас умными глазами и в один миг все поняла про нас; до этого момента она не обращала на посетителей особого внимания, явно обремененная семейными проблемами. А теперь я увидел ее тень на стене за полуоткрытой дверью. Очень хорошо, подумал я, ну, посмотрим…

— Вот именно — все очень даже просто.

— У нас, на нашей планете, обычно говорят…

— Да, слышал: никогда не доверяйте незнакомцам, дары приносящим.

— Откуда знаете?

— На каждой планете есть эта присказка, в своем варианте. Но всегда ли нужно ею руководствоваться, при любом ли повороте событий она правильна?

— А как же, — он умудренно покачал головой, — для нас вполне годится.

— Колдер, вы достаточно разумный человек. Я ждал этого разговора, обмена мыслями с откровенным, разумным человеком, который не потерпит пустой болтовни. Таким я вас считаю, зная, какую вы тут прожили тяжелую жизнь, — и вы даже не представляете, как ужасно тяжела

и убога здесь жизнь для всех, как велики ваши лишения, Колдер, потому что вам не с чем сравнить условия собственной жизни, — но вы умны, реально смотрите на вещи. У вас не занимаются такими глупостями, какие, скажем, я сам наблюдал на Волиене.

— Ну ладно, понял вас. Кое-кто из наших ездил туда с делегацией. Там все прогнило, сказал бы я.

— Согласен. Но я надеялся откровенно высказать вам кое-какие простые истины, думал, вы прислушаетесь.

Колдер молчал, наклонившись вперед и грузно опершись о стол, глядя в свой стакан, уже почти пустой. Казалось, он всем телом расслабился и готов к восприятию, хотя бы на несколько минут.

— Ваше положение на Волиенадне таково. Вы только добываете минералы. Все продукты питания вам импортируют — в настоящее время ваши хозяева с Волиена. Вы полностью зависите от их произвола. Вы не можете восстать или даже заключить сделку, потому что вас связывает скудость пищевых ресурсов. Так было всегда, за исключением того периода, когда вы сами были пиратской империей и отнимали продукты питания у…

— Вы тут болтаете, будто мы были империей

такой же злобной, как Волиен, но почему я должен вам верить? — закричал он.

— Да бросьте вы, Колдер, при первой возможности любая планета готова превратиться в злобную империю, им только шанс дай. До такого уж этапа развития дошла эта галактика. Если вам интересно, можем обсудить этот вопрос…

— Лучше вернемся к вопросу о тех ваших продуктах питания.

— Это растение вырастает очень быстро. И разрастается во все стороны. Но есть способ контролировать его рост. Вы станете самостоятельными, Колдер.

— Интересно, как это вы так между прочим — распивая стаканчик-другой, — бросаете, что, мол, есть такое растение, которое коренным образом изменит нашу жизнь… вот так запросто. Интересно, почему же мы до сих пор ничего о нем не слышали?

— От кого вы могли услышать?

Характерная ухмылка застыла на его лице, но он глубоко задумался, потом бросил:

— А вот Кролгул не говорил об этом растении ни слова.

— Он о нем не слышал. Лапы Шаммат пока еще не дотянулись до этого растения. Кстати, оно

называется «рокнош» (горная закуска).

— Шаммат! Канопус! Да вы сами, небось, шпион Сириуса! Угадал?

— Ну, даже если и так? Вы только поэкспериментируйте, и сами поймете, насколько для вас полезно это растение.

— Ты смотри, сколько у нас тут развелось шпионов Сириуса. Говорят, каждый второй — их шпион.

— И говорят с полным основанием, Колдер. Империи Волиен пришел конец. Ее вот-вот захватит Сириус.

— Тогда будем сражаться! — заорал он, и я не удивился, потому что он на это запрограммирован. — Мы будем сражаться с ними на песках, мы будем сражаться с ними на скалах, мы будем сражаться с ними на улицах городов, мы будем сражаться с ними в тундре…

— Да, да, да, — сказал я. — Хотя какая вам разница, кто вами управляет, Волиен или Сириус… Тот ли, другой ли, без этого растения, которое я вам предлагаю, вы беспомощны. Зато при любом правлении вы этим растением себя прокормите. Сможете торговать.

— Почему ни вы — ни кто-нибудь другой — не предлагал нам этого растения до сих пор?

— Потому что только недавно на вашей планете появились такие климатические условия, которые позволят ему тут разрастись.

— Не нравится мне это, — медленно, тоскливо проговорил Колдер, явно мучаясь. За ним стояла вся долгая, смутная, трудная история его планеты. Он оглядывался на свою жизнь, вечную борьбу, и вспоминал, как я понимаю, постоянную нужду, лишения, голод, жестокий закон Волиена, — жертвами всего этого были предыдущие поколения.

— Вам есть что терять, Колдер?

— Откуда мне знать, что мы потеряем, если согласимся на ваше предложение?

В этот миг из соседней комнаты женщина внесла кувшин с напитком, долила наши стаканы и бесшумно встала рядом с нашим столом, уставившись через открытую дверь на мокрый темный склон холма, где лил дождь.

— Я просто голову сломала, где детям еды достать, — заметила она. — В магазинах практически ничего нет. Пайки снова урезали. А последняя доставка продуктов с Волиена была вполовину меньше.

— Да, да, — не вникая в ее слова, ответил Колдер добрым, отеческим тоном, которым тут принято

говорить с женщинами; на этой планете женщины знают отведенное им место — их работа еще более тяжелая, чем у мужчин.

— Полагаю, товарищ Колдер, вы не в курсе, когда будет следующая доставка продуктов с Волиена?

— Знаю только, что опять запоздает. Моя жена уже ворчала по этому поводу.

— Странно, с чего бы ей ворчать? — И женщина не спеша вышла. Чтобы тут же занять свое место за дверью, а я наблюдал, как Колдер терзается, охваченный подозрениями на мой счет.

— Очень скоро вас захватит Сириус, — объяснил я ему. — Захватит-захватит, будете вы сражаться или нет. Но почти сразу сириане уйдут, потому что их империя достигла пика своего развития и готова развалиться.

— Откуда вы все это знаете? Ах да, вы же говорили — вы канопианец. Как будто Канопус — решение всех проблем!

— Если говорить о вас — так именно решение… Можно, я доскажу? Сириус победит Волиен, и победа будет безжалостной и, как я уже говорил, *бессмысленной,* потому что сам Сириус раздирают споры, конфликты, нерешительность правителей. В истории Сириуса было время, когда

захват планет был *продуктивным, осмысленным:* объясняю для вас, Колдер, — велся организованно, с определенной целью в перспективе, в соответствии с планом. Но захват Волиена пойдет не по плану. Потому что, во-первых, тогда другая группа возьмет власть в свои руки — как на самой планете-метрополии Сириусе, так и на всех планетах Сирианской империи. Сейчас нет продуманного плана. Захват Волиена произойдет почти случайно, из-за временного господства некоей точки зрения в нынешней — временной — группировке, это блок нескольких планет. И вас захватит не армия планеты-метрополии Сириуса, а смешанная армия, и ее отдельные подразделения будут ссориться между собой и никогда не придут к соглашению ни по одному вопросу, не будут выполнять приказов.

— Ох, наша бедная Волиенадна, — тоскливо выдохнул Колдер. Слезы стояли в его глазах: как принято считать среди «настоящих волиенцев», слезы есть признак высшей духовности и даже высшей способности мыслить. Уж они при этом постараются, чтобы в нужной ситуации вы заметили у них эти признаки, и поэтому Колдер слегка повернул голову, чтобы мне были видны блеснувшие у него на глазах слезы. — И долго все

это будет продолжаться?

— Совсем недолго, — объяснил я, — потому что у армий, которые вас захватят, вряд ли будет с собой достаточно своих припасов. Не говоря уж о продуктах питания для вас. Когда они заметят, что вы умираете с голоду, они обратятся в Главный штаб Сириуса, на Волиен, требуя поставок, но им пришлют совсем немного, и тогда никто…

— Откуда вы все это знаете? И так спокойно рассуждаете обо всем этом, как будто обладаете ясновидением!

— А тут и не надо быть провидцем! Достаточно знать, какие расы и виды участвуют в борьбе. И кто конкретно. И вот представьте себе эти армии, Колдер, которые захватят вашу маленькую планету, — а она очень маленькая, совсем незначительная, — представьте их бессмысленную панику, когда они сообразят, что Сирианская империя рушится и они могут оказаться в безвыходном положении, забытыми на планете, которая — уж простите меня — далеко не самая привлекательная в Галактике.

— О наша несчастная планета, обреченная на нищету, на тяготы, на…

— Да бросьте вы эту чушь, Колдер. Вовсе она не обречена. Задолго до всего этого у вас появятся

свои источники питания. Вы сможете подкупить продуктами эти толпы солдатни, пусть уезжают, потому что, уж поверьте моему слову, пищи нигде не будет в достатке, даже на Волиене, если учесть, какой воцаряется бардак повсюду, стоит появиться Сириусу. В сущности, если вы сумеете по-умному спланировать, то сможете благодаря своим запасам рокноша не только купить себе независимость от Сириуса, но и стать самостоятельными по-настоящему. Сами будете управлять своей планетой, использовать свои ископаемые, будете экспортировать что хотите и куда хотите.

— Вы только упустили одну мелочь, — торжествующе бросил мне Колдер. — Вот какую: с чего вы взяли, будто нам это сойдет с рук? Что ли, Волиен разрешит? А? Ну-ка, скажите мне! — И он умолк, посмеиваясь, покачивая головой, словно удивляясь моей глупости и бросая взгляды на свою невидимую аудиторию, перед которой привык всю свою жизнь разыгрывать сцены.

— А разве я вас с самого начала не спросил, заметят ли они тут что-нибудь? Если вы половину скал планеты засеете пушистым растением тускло-красного цвета, они так ничего и не поймут.

— Ну, это вы так говорите!

— Я подозревал, что вы — рабы привычки, и решил уговорить губернатора Грайса, чтобы он получил официальное разрешение на внедрение этого продукта питания. Вам сочувствуют многие сотрудники Колониальной администрации Волиена, многие понимают ваше положение. Губернатор Грайс как раз тот человек, который мог бы добиться официального разрешения, но…

— Ну, я вижу, вы окончательно съехали с катушек.

— Этот путь был бы *почти* самым простым — почти, потому что самый простой и легкий — согласиться со мной и сделать все самим. Но, по-моему, Грайс сейчас не в форме.

— И еще вот что: не для того я тут сижу и вас слушаю, чтобы меня обзывали рабом.

И Колдер поднялся, ощущая на себе сотни пар глаз, для которых и предназначалась его манера поведения, вечная поза скромного героя. Не глядя на меня, он выкрикнул:

— Платит джентльмен с Сириуса! — Когда женщина вошла, он ей подмигнул, как ребенок, которому удалось перехитрить простодушного соперника, скорчил мне гримасу, говорящую, что я безнадежный псих, шлепнул хозяйку по большим ягодицам, как бы восстанавливая свое

душевное равновесие, и вышел.

Женщина стояла и смотрела на меня. Типичная местная женщина — надежная, как скала и камень, сплошное воплощение силы и способности выстоять. Потом медленно подошла, встала возле опустевшего стула Колдера.

Дальше я привожу полную запись моего разговора с этой женщиной с Волиенадны.

— А правда существует такое чудесное растение?

— Да. У меня с собой есть его споры.

— А после того как посадишь, как за ним ухаживать?

— За ним не надо ухаживать. Оно само разрастется по скале. Вот сборник кулинарных рецептов, что из него можно приготовить.

— Спасибо.

Клорати, с Волиена, Джохору

Первое, что я услышал по возвращении, — что Грайса похитили жители Мотца. Никакого выкупа не потребовали. Возникают вопросы: почему именно Грайса? Знают ли на Мотце, что Грайс в юности был агентом Сириуса? Если да, какое это для них имеет значение? Должно ли это похищение испугать всех других бывших или

«бездействующих» агентов Сириуса на Волиене? Иными словами, было ли это похищение инспирировано одной из фракций Сириуса? Знают ли об этом похищении на другой ближней к Сириусу планете, на Олпуте?

Я слышал, что между Олпутом и Мотцем возникли серьезные разногласия относительно вторжения на Волиен.

Мотц представляет точку зрения, существовавшую еще до правления Амбиен, а именно — что захват Сириусом по определению выгоден тому, кого захватили. Сила всегда права. Сириус хорош, всем другим планетам не хватает его сверхъестественной мудрости.

Фракция на Олпуте, которая стоит у власти в настоящее время, ведет бесконечные дебаты о Морали.

В ожидании дальнейших новостей о Грайсе я нанес визит Инсенту. На пути к нему меня перехватил наш друг, управляющий гостиницей, и сказал, что из внутреннего помещения, где Инсент ждет выздоровления, доносятся такие странные звуки, что, похоже, Инсент, как он выразился, «снова съехал с катушек». Так и оказалось. Инсент лежал на спине в кресле с откидной спинкой и, то хихикая, то испуская

вопли восторга, а временами вздыхая или крича в экстазе, созерцал орнаменты на потолке комнаты, которые он привел в быстрое движение. Вращающиеся ромбоэдры, сцепляющиеся четырехгранники вертелись в танце с вибрирующими октоидами, в то время как освещение было включено на полную мощность, звук он тоже врубил на максимальную громкость.

Я отключил аппаратуру и подождал, пока Инсент прекратит корчиться и испускать крики и стоны вроде: «Блеск! Атас! Накал! В самую точку! Шикарно! Я просто *съезжаю!»*

Парень лежал на спине, уставясь в теперь пустое пространство под куполом потолка.

— Ладно, ладно, — вымолвил он наконец, — не надо мне ничего говорить.

— Ну и что нам делать с тобой, Инсент, а?

— Дело в том, что я на самом деле чувствую в душе: я вылечусь. Я правда верю в это, Клорати.

— Ну и хорошо. Хочешь остаться тут? Только я, возможно, пробуду в отъезде довольно долго, потому что у нас уйма хлопот с бедным Грайсом. Или хочешь поехать со мной?

— О *нет,* вряд ли рискну доверять себе, если окажусь вне дома. Здесь так чудесно. Я уже правда почувствовал, что снова прихожу в себя. Нет, я

буду аккуратен с математическими фигурами.

Ну я его там и оставил.

Наш агент на Мотце (АМ 5) пользуется доверием у тех, кто похитил Грайса; смешно сказать, но наш АМ 5 был учредителем революционной группы, которая теперь управляет Мотцем, потому что в тот период склонялся к сентиментальности. Сейчас-то он давно опомнился, но зато за истекшее время ему удалось занять, с нашей точки зрения, выгодное служебное положение. Сейчас жду его рапорта.

Рапорт агента АМ 5

Привет! К вашим услугам, как сказал бы Кролгул, — так этот тип и говорит, поскольку он тут, мутит воду. Представьте, ему это не очень-то удается, потому что тут все четко и определенно, а то, что Отцу Лжи хотелось бы замутить, уже и так взбаламучено, ну так он это дело усугубит. Рассказываю, как тут обстоят дела. На пустую планету, не заселенную высокоразвитыми животными, сбежал с родной планеты народ, вытесненный пришельцами, которые сами были изгнаны со *своей* планеты — кем?.. Но отчет о том вторжении уже давно отправлен в архив. За время, прошедшее с их прибытия, пустыни

и болота Мотца превратились в плодородные земли. Народ это умный, трудолюбивый, полный энергии и крайне целеустремленный. Но какова же их конечная цель? Прежде всего — вернуться на родную планету. Потому что Мотц, который они создали, *сделали*, для них все-таки не дом: так уж устроено их мышление. Сносят ли они гору, осушают ли болото, эти люди неизменно распевают: «Однажды мы вернемся домой». Однако захватчики, конечно, не намерены уходить с их родной планеты, их можно только выгнать силой. Долгое время Мотц был недостаточно силен; недавно ситуация изменилась. И хоть они постоянно болтают — довольно мелодраматично — о войне, но ничего не предпринимают в этом отношении. Честно говоря, они стали мотцанцами, жителями Мотца; они на самом деле вовсе не рвутся «домой». Но признаться в этом не могут, по крайней мере, всенародно. Речи и церемонии разного рода дают им оправдание для мечтаний — недолгих — о «нашем доме». Они решили, что Галактика забыла о том, как жестоко их обидели, о том, что их дело правое, и похитили Грайса, чтобы привлечь внимание общественности к своему делу, рассчитывая, что Волиен предпримет какие-то шаги, чтобы вернуть своего, что ни

говори, а все-таки чиновника высокого ранга. Но Волиен, как вы знаете, ограничился всего лишь обычными протестами; и это потому, что прошлое Грайса как агента Сириуса (ситуация, прямо скажем, двусмысленная) осложняет их положение: никак не могут решить, что следует делать. Для мотцанцев же его прошлое (или и настоящее?) как агента служит гарантией достоинства, Морали.

Кролгул рассказал им, что на Волиенадне Грайс был «кровожадным тираном», и местные власти, неспособные совместить эти два представления о нем, после долгих и мучительных раздумий пришли к выводу, что его поведение как тирана в роли губернатора было результатом необходимости скрывать свою (по природе) добродетельную натуру, дабы замаскировать связь с Сириусом. Потому что эти местные революционеры, которые называют себя Воплощением Сирианской Морали, полагают, что «повсеместно и в перспективе, если взглянуть на суть дела», Сириус воплощает в себе понятие Добра, а если нечто, противоположное Сириусу, проявляет себя как-нибудь прилично, то объяснения могут быть следующие: а) это ни в коем случае не надолго; б) проявляемые этим существом (или явлени-

ем) признаки приличия вовсе не таковы, «если рассмотреть их с объективной точки зрения». И все это — несмотря на то, что именно под эгидой Сириуса у этих людей отняли в свое время их планету те победители, которые сначала сами лишились собственного дома; я уж не говорю о том, что повсюду, куда ни глянь — я имею в виду окраинные колонии Сириуса, — повсюду одна неразбериха, некомпетентность, ложь и такие особенно грубые разновидности тирании, которые проистекают из противоречий и конфликтов в самом источнике тирании: на планете-метрополии Сириус.

Представители этого народа, жителей Мотца, за один раз могут усвоить только одну точку зрения, что объясняется историей народа: как я уже говорил, они целенаправленно сосредоточены на одной мысли, а именно — на «возвращении домой». Если они натыкаются на какой-то факт, который не вписывается в их систему взглядов, они пытаются его перевернуть с ног на голову, а если и тогда он не впишется, они его просто отбрасывают. Кролгул неосторожно обронил, что пользовался абсолютной свободой на Волиене, — что там ему позволили основать свою Школу Риторики, и хотя сейчас он постоянно им

рассказывает, какая на Волиене царит тирания, они сделали вывод, что если *есть* такая школа, значит, он, Кролгул, не иначе как состоит на службе у Волиена.

— Нет, нет, — кричит Грайс, — это не так! На Волиене в настоящий исторический момент достигнут режим сравнительной демократии, там разрешены любые точки зрения, что, конечно, объясняется исключительно противоречиями и отклонениями истории, а также ее скачкообразным развитием… — (Спешу уведомить вас, что это всего лишь цитата.) — Короче говоря, Волиен сам по себе приятнейшее место, какое только можно себе представить для проживания большинства своих граждан. — Такую смелость позволил себе Грайс, видя, что Воплощения все больше волнуются и испытывают неловкость по мере того, как их умственные процессы заклинивает под напором его речей.

Но все это бесполезно. Потому что на Мотце, как на остальных окружающих планетах, царит военная лихорадка. Конечно, эта военная лихорадка отождествляется с Моралью, и было бы слишком требовать от этих бедных фанатиков, чтобы они вторглись в «приятнейшее место, какое можно себе только представить», с целью

навязать там Сирианскую Мораль, даже по требованию «неопровержимого исторического долга» (эту фразу тут часто повторяют в «настоящий исторический момент»).

Нет, этого всего слишком много для несчастных Воплощений; и они просто отложили в долгий ящик проблему Грайса. Они поместили его под замок в социологическом крыле своей главной библиотеки; там, к счастью, оказался всего один вход, так что нет проблемы с охраной. И там Грайса оставили в одиночестве, и ему остается только сидеть и читать.

Это я описал вам их душевное состояние.

Теперь опишу душевное состояние Грайса. *Его* с детства обучили тому, что зрелую личность характеризуют непредубежденность, способность воспринимать несколько точек зрения одновременно и умение совмещать «противоречия». Эта позиция ему ничего не стоила, только доставила неудобства, потому что до сих пор Грайс не знал, что он животное, недавно (с точки зрения исторического развития) эволюционировавшее из существования в большом или малом стаде, имеющем свои законы, а именно: в стаде обязательно следует выполнять все, что ведет к выживанию твоего стада, а отдельные особи

могут рассчитывать на получение всего, что им требуется; за пределами же стада — враги, они *плохие*, их надо по возможности игнорировать, им надо угрожать, а если они вторглись, то при необходимости уничтожать. Умам волиенцев, в настоящий недолгий период, когда их высшим устремлением является спокойное и бесстрастное изучение возможностей, вдруг потребовалось усвоить что-то, что угрожает их развитию последние миллионы лет. Нет, ни за что; этим Воплощениям легко дается страстный фанатизм; а вот «увидеть точку зрения собеседника» — это уже следующий этап развития, высший, который надо, если уж достигнешь, с трудом сохранять… А тут мы видим Грайса, и он ежедневно общается с людьми, которых должен в силу полученного воспитания рассматривать как сравнительно туповатых и даже жалких; но всеми фибрами своей души он желает *быть вместе.* Воплощения любят друг друга, холят друг друга, присматривают за слабыми, поощряют сильных, отслеживают каждую мысль и побуждение друг друга. Потому что единственные мысли, которые им дозволены, относятся к тому, как их коварно лишили прав, как они восстановят свои законные права «на своей собственной планете» и как они тем не менее

превратят этот Мотц в рай, «просто так, пусть вся Галактика знает нас». Воплощения — это те люди, которые отказались понимать все богатство, все разнообразие, все возможности развития, какие есть в Галактике. Грайс наблюдает за ними, всем сердцем жаждет быть с ними, хотя в его страдающей душе иногда вспыхивает проблеск протеста. «Нет, это не так, — он все собирается сказать им, когда "назреет возможность". — Нет, вы не правы. Как вы можете так говорить? Я был на той планете; там все не так, как вы описываете… взгляните же в лицо *фактам…*»

Клорати, с планеты Словин, Джохору

Боюсь, об Инсенте не могу доложить ничего хорошего. Я оставил ему учебные материалы наших ревизий, но он, терзаясь угрызениями совести за то, что злоупотреблял «игрой в математические символы», слегка переусердствовал. Его душевный и умственный механизмы должным образом не усвоили оставленную ему информацию, переполнились, и у него возникла потребность навязчиво поучать. Он оставил мне записку и отбыл на Словин на моем собственном космолете.

Его доводы таковы: Словин, слишком долго подчинявшийся Волиену и только что сбросивший

свои цепи (прошу прощения за пафос!), должен быть легко предсказуем и легко диагностируем. Часть материала, который я ему оставил для изучения, относится к Северо-Западным Окраинам Шикасты. Если вы помните, эта зона Шикасты в течение почти двух тысяч лет (в их летоисчислении) была жертвой одной из самых жестоких и длительных тираний, когда-либо существовавших даже на той несчастной планете, — тирании христианской религии, которая не терпела никакой оппозиции и удерживала в своих руках власть страшными методами: убивая, сжигая на кострах, пытая противников, если не получалось добиться своего более простым и эффективным воздействием на умы и «промыванием мозгов». В начале двадцатого Ш-столетия эта религия ослабила свою хватку, в основном в результате — благодаря новым технологиям — открытия Шикасты для массового межпланетного туризма. Тираны Северо-Западных Окраин не могли дальше сохранять у своих граждан веру, будто христианство — единственная религия. И к недавно еще порабощенным народам постепенно просочилась истина, что Северо-Западные Окраины по сути своей — отсталая провинция, по сравнению с другими регионами Шикасты,

цивилизация которых была более древней и более развитой.

Потом последовал такой период, когда народы этого региона (географически он невелик) получили возможность наслаждаться свободой мысли, размышлений; свободой исследовать возможности, которой они были лишены много сотен Ш-лет. Но поскольку они были так воспитаны различными сектами своей религии, что им требовалось иметь над собой власть, «священников», вероисповедание, догмы, указы, они снова стали искать для себя все это, в таких же формах, но под другим названием, а именно — в «политике». Появились новые «религии», но без «Бога», которые были идентичны во всех отношениях сектам прошлого, ориентированным на «Бога». У каждой имелся свой священник, с которым невозможно было не согласиться, приказам которого предписывалось подчиняться, и все обязаны были постоянно декламировать и цитировать; а малейшее отступление от «линии» заслуживало жестокого наказания; от изгнания из общества и потери работы и вплоть до смерти; точно такой же догмой в недавнем прошлом являлось Священное Писание. Каждая новая светская религия утверждалась, используя методики «промывания

мозгов» и воздействия на умы, заимствованные от великих образцов для подражания, священников, которые неуклонно совершенствовали свои методы целые две тысячи Ш-лет; причем все эти их хитроумные приемы оттачивались, по мере того как возрастали психологические мудрствования.

Короче говоря, свобода невозможна для народа, приученного к необходимости тирании.

И с этим посланием наш бедный Инсент был вынужден ехать на Словин.

В течение нескольких В-веков планета Словин была закрытым местом, жители которого вели однообразную жизнь; планета была бедна, у нее отнимали все богатства, ею управляла Колониальная Служба Волиена, а порядок на ней поддерживала полиция Волиена, используя тюрьмы и палачей. И вдруг Словин «сбросил ярмо». Меньшинство, на которое опирался Волиен в своих интересах, спаслось бегством или было уничтожено, кое-кто превратился в патриотов. Весь Словин бурлит сейчас от новых партий, основанных группами военных, его освободивших. Каждая из них имеет — а как же иначе — своего лидера, армию и вероучение, которое группа защищает от всех других групп, сплошь

и рядом дело доходит до кровопролития. Одна партия стоит за объединенный Словин, другая — за федерацию регионов Словина и так далее. В воздухе носится Риторика Свободы, потому что народ осознает — он свободен.

Группы, армии, секты, партии, фракции: в Словине их полно, как и на любой другой «освобожденной» планете.

Инсент направился прямо в столицу, начал искать самую большую и влиятельную партию, но обнаружилось, что каждый житель планеты называет разную. В результате Инсент выступил с заявлением, что он-де, «беспристрастный, незаинтересованный доброжелатель из отдаленной планетной системы», намерен обратиться к освобожденному народу Словина в такой-то и такой-то день на центральной площади столицы, и его обращение должен услышать каждый житель планеты.

Так вот, уже сама стилистика его обращения должна была привлечь внимание, потому что эпитеты вроде *незаинтересованный* и *беспристрастный* тут уже не в ходу: их автоматически связывают с качествами, обесцененными коррупцией и безобразиями, творившимися под властью Волиена, и, наконец, эти слова затерты

от частого употребления в бурный, фанатичный, кипящий страстями период «освобождения». *«Незаинтересованный»:* что бы это значило?» — спрашивали друг друга словинцы. И, выяснив значение этого и подобных слов, только посмеивались: какой вздор, какая идеалистическая чепуха! Но это говорилось с чувством легкой зависти. С ощущением какой-то потери.

Эти высокие, хрупкие, серебристые создания всегда вызывали у иностранцев сильнейшее желание их защитить, глубочайшее сочувствие из-за их кажущейся уязвимости; и наш Инсент на этой планете был почти вне себя от эмоций, наблюдая, как словинцы приближаются друг к другу неуверенно и нерешительно в эти новые времена, прощупывая своих соотечественников и расспрашивая их. Словинцы напоминали Инсенту тех изысканных сверкающих насекомых, которые живут одну ночь, а потом теряют крылышки и умирают, и он *знал*, что должен спасти их от самих себя, если только сумеет заставить их его выслушать. «О бедные, бедные словинцы», — бормотал Инсент, мысленно репетируя обращение, оттачивая каждую фразу, отыскивая прежде всего *подходящие* слова, которые как по волшебству позволят жителям сбросить на-

следие векового гнета Волиена и своей унылой однообразной жизни.

Сами же словинцы не отдавали себе отчета, что их в этом поразительном обращении привлекли именно его «непохожесть» и «отличие». Что значит слово *«непредвзятость»? А великодушие?* Или же: *обособленный, почтенный, рыцарственный?* Там и сям, или где-то еще, возможно, даже когда-то на самом Словине, попадались такие люди, в обиходе которых были эти слова, но умели ли они правильно ими пользоваться?

В тот великий день Инсент, вне себя от экзальтации и стоящей перед ним задачи, стоял на пьедестале на центральной площади столицы, в окружении многих тысяч перешептывающихся, серебристых, тонких, изящных словинцев, которые собрались не монолитной массой, но компаниями и группками, все вооруженные, все приверженцы разных партий, все смотрели вверх своими блестящими многогранными глазами, надеясь услышать какую-то истину, которая раз и навсегда просветит их. Это объяснялось тем, что они бессознательно тянулись к объединению, потому что так долго были консолидированы с Волиеном. А в последние несколько дней произошло весьма благоприятное для Инсента событие:

начались сражения по всему Словину между группами партизан и армиями, и теперь все жители планеты боялись, что разразится гражданская война.

Вообразите себе эту сцену, Джохор! Огромная, но бесконечно разделенная толпа, вся жаждущая вдохновляющих, самоотверженных, возвышающих слов, потому что люди поняли уже из самого текста обращения Инсента: есть такая звезда, о существовании которой они до сих пор ничего не знали, но чью верховную власть они прекрасно были готовы признать. Хотя, конечно, убили бы любого выходца из своей среды, кто осмелился бы вслух предположить такое.

Инсент начал с того, что попросил разрешения словинцев рассказать им печальную и поучительную историю. Они разрешили бы ему что угодно, и любое его слово показалось бы им точно тем, чего они жаждали, так необъятно многого они ждали от него. Инсент рассказал аудитории историю Шикасты, ее Северо-Западных Окраин, как однажды исчезла их самая худшая, самая старейшая и длительная тирания и как все ее народы стали бороться, чтобы снова закабалить себя. И как им это удалось. Он хорошо рассказал эту историю, заставив этих несчастных дрожать

и вздрагивать от осознания того, как легко пасть жертвой желания подчиниться, когда ты научен только подчиняться.

— Перед вами, народ Словина… — сказал Инсент после долгой паузы, которую он сумел выдержать, — потому что был совсем не такой, как местные жители, и его удивительные слова, казалось, дошли сюда с какого-то далекого и необычного солнца.

— Перед вами, народ Словина, — проговорил или пропел Инсент, раскинув руки, как бы обнимая их будущее, их все еще нереализованные потенциальные возможности, — перед вами, народ Словина, встала самая большая опасность, какую только можно себе вообразить, но вы, кажется, этого не осознаете. Вам угрожает опасность подчиниться новому тирану, потому что ваш ум мыслит по законам тирании. Но существует и другая возможность: дорога к светлому будущему, такого рода, какого вы никогда и представить не могли. И вы можете остаться истинно свободными людьми, если откажетесь подчиниться новым лидерам или тиранам, священникам, догмам. Вы сохраните в своих взглядах непредубежденность и станете свободными, если исследуете возможности, проанализируете, как вас в прошлом

обрабатывали, научитесь наблюдать за собой так, как наблюдали бы со стороны за другими породами существ на ближайшей планете — как вы все наблюдаете и критикуете, например, Мейкен. — (Тут раздался вопль неприязни, потому что в этой зоне Галактики действует общий закон: степень ненависти и недоверия между планетами обратно пропорциональна расстоянию между ними.) — Да, таково может быть ваше будущее! Вы можете сказать себе: «Мы больше никогда не подчинимся лидеру, потому что нам не нужны лидеры; мы понимаем, что нас просто на это натаскали, — якобы они у нас обязательно должны быть». Давным-давно, в вашем животном и полуживотном прошлом вы собирались в группы и банды, в стаи, и тирания основана на этих генетических наклонностях — держать вас в группах, бандах и стаях; но теперь вы можете себя освободить, потому что вы себя поняли…

И столпившиеся там отдельные группы растворились в океане чувств, толпа слилась в единую душу, каждый обнимал и обхватывал соседа с легким шелестом сухой, как бумага, плоти, так что Инсента, казалось, охватила буря шуршания от этих поцелуев. А потом в едином порыве они все столпились вокруг него и подняли его

на воздух, крича: «Наш лидер, ты пришел нас спасти!», и «Инсент навсегда!», и «Оставайся с нами, о великий, выскажи нам свои Благородные Мысли, чтобы мы могли их записать, и изучать, и цитировать их вечно!», «О Инсент Великий…»

Инсент вырывался, крича и протестуя: «Нет, нет, нет! Вы не поняли, не в этом дело. О словинцы, прошу вас, не надо, о Боже… Что же мне сказать, чтобы заставить вас?..»

Эти мольбы и банальности были, конечно, не слышны в вихре энтузиазма. Наконец Инсенту удалось выползти из-под толпы словинцев, дерущихся друг с другом, даже убивших кое-кого, чтобы оказать ему почести. Он, рыдая, побежал к космолету и вернулся на Волиен, где укрылся в безопасности белой комнаты с высоким потолком.

К счастью, представитель Шаммат был занят чем-то другим, его не оказалось на Словине.

Я отобрал у Инсента все учебные материалы. Ему не пришлось объяснять мне, что они для него слишком взрывоопасны, особенно при его нынешнем ослабленном состоянии.

АМ 5, с планеты Мотц, Клорати

Ну что же, как ни грустно, но вынужден вам доложить: Грайс перековался. Он потребовал, чтобы его «раз и навсегда» сделали одним из них.

— Еще чего, — протестовали те, кто почестнее, в принятой ими агрессивной манере, которую они все время норовят усовершенствовать, — вы ведь волиенец.

— Как вы можете такое говорить? — кричал в ответ он. — Вы опровергаете лучшее, что в вас есть. Сирианская Мораль — вот что должно превзойти все и всех повсюду! Вы сами так говорите. И как же тогда вы исключаете меня, говоря: «Вы волиенец? И это в то время, когда собрались нести Сирианскую Мораль на все планеты Волиена? Вы нелогичны!»

На этом аппарат мышления Воплощений заклинивает: в их восприятии *логично* — значит правильно. Но, с другой стороны, Грайс не где-то далеко, а наглядно рядом с ними — такой же как они: и физически, и ментально. Он может носить их форменную одежду — он уже попросил выдать ему комплект. Он может попытаться использовать их обороты речи. Но, как заметил мне один из них (вспомните, меня самого тут считают

Воплощением):

— Ты только взгляни на него! *И этот — один из нас?*

Клорати, с Волиена, Джохору

Направляю вам выдержки из очень длинного рапорта, представленного агентом АМ 5.

Прошел один В-год с тех пор, как Грайс был похищен мотцанцами, и теперь они начали жалеть о своем поступке. Все их попытки спровоцировать Волиен на то, чтобы дать огласку их делу, неизменно проваливаются. Когда они намекают на пытки, становится еще хуже — совсем никакой реакции. Для мотцанцев превыше всего верность своим, потому что каждый на Мотце — «из наших». Мотцанцы уже перестали удивляться, как такое может быть: власти на Волиене как будто забыли об одном из своих официальных лиц. Грайс все еще «пленник»: его тюрьма — библиотека, но он торчит тут, потому что ему так хочется. Это книжное собрание было похищено мотцанцами из провинциального городка на Волиене когда-то давно, причем все с той же целью — добиться огласки. Тогда им это удалось. Возмутительно! Весь Волиен только и говорил об украденной библиотеке, а потом о ней забыли.

Как же может быть, удивляются мотцанцы, что волиенцы беспокоились о книгах больше, чем о чиновнике? Интересно отметить, что в этой библиотеке хранятся результаты обследования, проведенного учеными империи Волиен на материале волиенцев как биологического вида. В дни, когда имперское развитие Волиена достигло своего пика, шел процесс широкомасштабного изучения подчиненных планет, и исследователи завели полезную привычку рассматривать виды и расы народов как виды и разновидности животных, изучать их так же — или почти так же — бесстрастно, как мы изучаем виды и гены. В какой-то момент ученых осенило, что хотя они вели наблюдения бесстрастно, но еще не сделали попытки применить этот же метод исследования к своему собственному образу жизни, а рассматривали его всегда изнутри, весьма субъективно. Они тогда подвергли себя исследованию согласно собственной методике, пытаясь — хотя это всегда довольно трудно — увидеть себя чужими глазами. В этой провинциальной библиотеке содержится уйма результатов их исследований.

Грайс проводит время за чтением. Полученное им ранее образование было в основном направлено на подготовку его к руководству, конкретно

ему внушили убеждение в превосходстве, которым должен обладать любой представитель правящих кругов Империи. Грайс и не предполагал, что было собрано столько разнообразных сведений о его собственном виде. Вы спросите, как так получилось, что волиенцы, обладая такой ценной информацией, не поспешили воспользоваться ею в практических целях, не обучили свою молодежь — такие вопросы возникают у Грайса. Вероятно, когда историки начнут работать над изучением этой конкретной эпохи — кануном захвата «Империи» Волиен Сириусом, — сей факт покажется им самым примечательным: почему волиенцы, обладая столь обширным материалом о механизме управления собой как личностями, группами, конгломератами, так и не воспользовались им? Полагаю, все дело в их природной склонности к летаргии. Имея такой сложный, многокомпонентный ум…

Грайс совершенно подавлен и разбит. С тех пор как он решил всей душой верноподданнически предаться простодушию и однонаправленности ума мотцанцев, на него с каждым днем обрушивается лавина фактов, мешающих ему принять эту их однонаправленность. В голове у него рождаются все новые идеи, соображения, осмыс-

ления возможностей; он охвачен лихорадкой, для остужения которой с любовью думает о своих новых товарищах, таких строгих, суровых, таких преданных. И Грайса необычайно успокаивает и восхищает наличие у них одной извилины.

Итак, передаю слово нашему агенту.

Рапорт агента АМ 5 (в сокращении)

Ох эти бедные Воплощения! Они не могут решиться на противостояние Грайсу! Иногда у них возникает мысль, что его надо бы забросить назад, на Волиен, дабы избавиться от него. Воплощения жаждут устранить его, но Грайс, кажется, высказывая свое восхищение ими, нечаянно сформулировал какую-то фразу, которая для них священна и делает его неприкасаемым, — теперь у него статус гостя. Но это еще не окончательно, потому что в итоге Грайс все же может оказаться для них полезным в качестве заложника. Я поощряю эти их редкие минуты работы мысли, сомнений, пытаясь по мере своих слабых сил (каждому из нас порой присуще тщеславие) подтолкнуть процесс эволюционирования этих однобоко мыслящих героев.

Но Грайс их порицает.

— Вы нелогичны, — говорит он строго, он

теперь приобрел их манеру выражаться, по крайней мере, я слышу это частенько. — Я или гость, или заложник. Я не могу быть и тем и другим.

— Вы правы, — соглашаются Воплощения, но продолжают воспринимать его двояко.

В качестве гостя Грайс захотел осмотреть планету Мотц, и мне поручили возить его.

Мы отправились воздушным путем, ездили туда-сюда, облетели вокруг этой планетки, и губернатор Грайс — потому что для меня он губернатор, чиновник, а не Грайс Воришка, — впал в экстаз, протрезвел, не веря своим глазам и восхищаясь всем, что мы видели.

Пролетая над крутыми скалистыми горами, глядя вниз, мы видели, что на каждом маленьком уступе, в каждой крошечной долине разбито и засеяно поле. Сама гора черная и голая, но на ней имеются сотни карманов с землей, каждый грамм которой эти изгнанники с изобильной планеты принесли в корзинах и сделали плодородной. На земле нас встречали группы сильных, мускулистых, но вместе с тем скромных людей, которые с гордостью вели гостей, чтобы показать поля, сады, огороды, топая вверх и вниз по невозможно крутым откосам и гребням; и когда они гордо стояли рядом с крошечным клочком блестящей

зелени, они при этом улыбались с такой страстью и покровительственной гордостью, что нам и без объяснений становилось понятно: «Раньше тут ничего не было».

И так было повсюду. Вы летите над равниной, по которой разбросаны клочки цветущих полей зерновых, и вам говорят: «Тут раньше было болото; мы его осушили».

Под вами пустыня, окаймленная поясом темной зелени. «Сейчас это пустыня, но скоро тут будет лес».

Я не помню более пустынной планеты, чем эта, вернее, какой она была от природы; я никогда и нигде не видел таких успехов в освоении.

И все это они сделали своими силами, благодаря преданности, упорству, самоограничению, самодисциплине. Они абсолютно убеждены (и не без оснований) в том, что могут сделать все, что задумают. Они не боятся лишений, потому что могут прожить на горсточку зерна в день, и презирают тех, кому этого недостаточно. Они одеты так просто, что кажется, будто все население планеты носит форму. Какие они молодцы! И какие жалкие, потому что презирают абсолютно всех остальных.

— Вот это да! — кричал Грайс, когда мы спуска-

лись в очередной поселок, окруженный пустыней или щебнем. — Ты только представь, что бы мы могли сделать на Волиенадне, если бы постарались.

— Ерунда, — каждый раз говорил я, — ничего подобного вы бы не сделали. Ты же не потащишь людей на аркане. Все должно быть добровольно. — Напоминаю, что, поскольку Грайс считает, будто я тут Воплощение, я должен высказываться в этом духе. Но, в конце концов, я ведь сказал правду.

— Как вспомню бедную Волиенадну… О бедная, несчастная страна! Мы должны были сделать что-то в этом роде.

— Ну и какова эта ваша планета?

— Сплошная тундра, повсюду щебень и вечная мерзлота.

— Вероятно, вы никогда не слышали о растении под названием рокнош? Насколько мне известно, оно пышно разрастается именно в таких условиях.

Грайс пришел в бурное волнение, явно заинтересовался.

— Ой, кажется, слышал. Какой-то тип о нем говорил, но он был просто… — Грайс хотел сказать «просто шпион с Сириуса», но вовремя осекся. Его

лицо в такие минуты становится невыразительным, каким-то стертым, а потом его искажает спазм, как будто организм стремится достичь равновесия, собраться.

— Шпион с Сириуса, — все-таки тихонечко пробормотал он, насколько я расслышал, — но я был таким молодым, откуда мне было знать…

Я иногда пытаюсь говорить с ним о Сирианской империи, какая она на самом деле. С Грайсом бесполезно толковать о дальней перспективе, о долгих тысячелетиях таких империй, ибо в представлении этого человека слово «империя» означает несколько В-лет господства Волиена. Но я пытаюсь рассказывать о каких-то переменах в истории Волиена, о его нынешнем распаде. Я напоминаю Грайсу о предстоящем завоевании Волиена. Он хмурится, вздыхает, гримасничает…

Представьте, он нашел, как разрешить свои эмоциональные проблемы. Странно! Но — вы согласитесь, я уверен, Клорати, — с психологической точки зрения весьма изобретательно…

Грайс решил подать в суд на Волиен за невыполнение обязательств по обещаниям и гарантиям, предоставляемым каждому гражданину Волиена согласно его Конституции.

И вот перед Грайсом встали новые проблемы:

он только приблизительно помнит соответствующую статью; на Мотце не нашлось экземпляра Конституции Волиена; ему надо вернуться обратно, чтобы раздуть это дело; он не может вспомнить никакого прецедента.

Кролгул услышал о плане Грайса от озадаченного мотцанца и тут же его посетил. Он вошел в библиотеку, трижды резко стукнув в дверь, молча постоял в проеме двери, с суровым лицом, пока не убедился, что Грайс его видит, потом без улыбки прошагал по всей комнате. Серая униформа (вариант униформы Мотца), хмурая важность лица, солдатская походка… Грайс невольно поднялся на ноги, словно обвиняемый, но не успел заговорить, как Кролгул выбросил вперед руку и пролаял:

— К вашим услугам! — И продолжал: — Я слышал о ваших намерениях. Пришел вас поздравить! Великолепно! По масштабу, по смелости, по риску. Поистине революционная творческая мысль.

После нескольких часов общения с Кролгулом Грайс был готов на все, в том числе и пойти на риск — заставить мотцанцев пошевелить извилинами.

Представьте себе, Клорати! Двадцать Воплоще-

ний, и я в том числе, все после тяжелого рабочего дня, с трудом собрались, чтобы посвятить вечер разбору этой обременившей нас просьбы Грайса; все уселись полукругом в казарме в центре пустыни, которую предстоит окультуривать. На полке стоит кувшин с водой, лежит несколько порций овощей, горит лампа. Грайс сидит перед нами — непонятно, в качестве гостя или же пленника.

— Вы говорите, что собираетесь публично критиковать свой собственный народ?

— Не мой народ. Государство Волиен.

— Какая разница? Как можно разделять государство Волиен и его жителей волиенцев?

— Если нельзя разделять, как же в таком случае государство может обещать и гарантировать своему народу известные права?

— Как вас понимать? Вы что, намерены публично критиковать абстракцию?

— Как государство может быть абстракцией, если оно гарантирует и обещает, если оно выступает в роли отца родного? И, кроме того, я не критикую его, я вызываю его на суд.

— Неужели вы собираетесь судить Конституцию?

— Нет, тех, кто представляет государство Волиен в настоящее время.

Наступило угрюмое молчание, полное враждебных взглядов и нетерпения.

— И чего вы этим добьетесь?

— Добьюсь? Я разоблачу Волиен как мошенника, какой он и есть.

— Волиен?

— Я имею в виду нашу смешную Конституцию. Ложь, все ложь!

— Но когда мы принесем нашу Мораль в Волиен, тогда у их народа будут истинная справедливость, настоящая законность и реальная свобода.

— Да, но до этого еще надо дожить, так ведь? И в любом случае… — Губернатору Грайсу просто не верится, что может исполниться его мечта, то, о чем мечтал он столько лет: истинное пришествие революции, истинное пришествие Сириуса в его страну. — И, кроме того, — торжествующе заявил он, — если я разоблачу их в суде, чего они давно заслуживают, тогда ваша задача станет намного легче, согласны? Лицемерная маска фальшивой справедливости будет сорвана с лица тирании и…

— Мы не понимаем, как вы, официальный представитель этой тирании, да и просто гражданин, сумеете призвать государство к суду. Что, конечно, звучит для нас как критика. А как вы

можете *критиковать* тиранию?

— Ах видите ли, у нас демократия, верно? Конечно, только из-за исторических аномалий и так далее, — бормотал Грайс.

Вот так и тянулось это заседание, почти всю ночь. Время от времени я вмешивался, чем-нибудь напоминая этим воинам о реальности, или, как вы и ваши руководители в Школе Колониальной Службы это называете, «самой жизни». Например, я вставлял:

— Но, позвольте вам напомнить, у вас, в сущности, даже нет под рукой текста Конституции…

Под конец было решено послать команду из двух человек на Волиен, переодев их в волиенцев, чтобы достать экземпляр Конституции для Грайса.

— И раз уж вы поедете, — заорал он им вслед, — заодно прихватите для меня второй том книги Писа «Законы управления поведением групп». Когда вы освобождали эту библиотеку, этот том был на руках, а мне он нужен, дабы правильно составить иск.

Грайс все это записал для них на листочке. Мотцанцы не любители чтения. Или, скорее, они читают только истории о своей родной планете, о том, как их оттуда изгнали, о своей борьбе с

природой и за окультуривание Мотца, о своей борьбе по охране Мотца от рук дружественных колоний Сириуса. Они читают книги о практическом обучении, техническую литературу и — с недавних пор — книги, описывающие Волиен и его «Империю», но исключительно с точки зрения Сириуса. Никогда не читают они таких книг, которые могли бы натолкнуть на предположение, что как их самих, так и их историю, их страсти, их преданность можно рассматривать с какой-то другой точки зрения. У мотцанцев даже не возникает искушения читать такую литературу: они тщательно запрограммированы на восприятие мыслей других людей как ереси. «Ладно, всё, достаточно», — я цитирую их неизменный ответ, если перед этими людьми вдруг предстанет какая-то книга, в которой может оказаться критика в их адрес, хотя бы косвенная. И еще: «Что у нас есть, то нам и надо».

Чтобы подать иск на Волиен, потребовались усилия Грайса, мои, Кролгула и еще одного мотцанца (его представил губернатору Кролгул, он как почувствовал, что этот новый знакомец может оказаться полезным для Грайса — с точки зрения самого Кролгула, разумеется). Сей молодой человек по имени Стил есть настоящее

порождение, продукт тех трудностей, которые ему пришлось преодолеть в своей жизни. Он родился в одном из новых поселков, построенных для осушения болотистого устья. Там вечно было холодно, уныло, промозгло. Мать его умерла, рожая третьего ребенка. Отец работал так же много, как и все мотцанцы. Дети росли без присмотра. Стил помогал растить двух младших, ходил в школу и зарабатывал деньги, еще будучи совсем ребенком. Потом в результате несчастного случая погиб отец. Вся история Стила такова; он рано повзрослел и стал физически и духовно взрослой личностью, был способен выполнить любую работу и справиться с любым обстоятельством. Этот образчик добродетели все свое время проводил с Грайсом, который еще больше впал в самоуничижение и ощущение собственной неполноценности. Стил же, естественно, пришел в восторг от Грайса, жизнь которого казалась ему патологическим баловством и воплощением эгоизма. Грайс соглашался с любой критикой в свой адрес и кричал:

— Я отплачу им за это, вот увидишь! — имея в виду, разумеется, «весь Волиен».

«Предъявление обвинения» уже составило несколько томов, и как будто не было причины

его вообще заканчивать; но Кролгул торопил. Повсюду циркулировали слухи! В основном о неизбежном вторжении Сириуса. Армия Мотца формально была мобилизована. Поскольку все их солдаты — они же фермеры и шахтеры, в основном рабочие, Мотц не может справиться с ситуацией. Протесты пошли на «сам Сириус». Где, конечно, сплошь одни перепалки. Дебаты. Несогласия. Перемена политики. Нет ответа от «самого Сириуса», так что Мотц свою армию законсервировал, но, как у них говорят, все могут собраться снова в один день (и это правда, ибо самодисциплина их солдат такова). Кролгул заявил Грайсу:

— Если ты не сделаешь этого сейчас, то не сделаешь уже никогда. Не станет Волиена, на кого подашь иск?

— Ой, Кролгул, — удивился Грайс, — а ты не преувеличиваешь?

— Тебе нужна или тебе не нужна Сирианская Мораль?

— На Волиенадне я ни разу не слышал, чтобы ты говорил о ней. Почему это?

— Ты тогда еще не созрел, чтобы услышать истину.

— Ты ведь не для меня вещал. А Колдер и его

компания?

— Откуда ты знаешь, о чем я с ними обычно говорил? Ты же не всегда подслушивал и подглядывал в замочную скважину, Грайс!

До такого уровня вульгарности Кролгул опустился при споре с Грайсом, что губернатору стало неловко, но ему достаточно было взглянуть на Кролгула, чтобы избавиться от своих сомнений: такой честный солдат в форме! Такой героический профиль! Такой одинокий и самодостаточный мужчина! Все, чем хочет быть Грайс, кажется воплощенным в Кролгуле, когда смотришь на него. А если его сомнения в Кролгуле становятся слишком сильными, на этот случай рядом есть Стил, который или только что пришел после целого дня тяжелой физической работы, или вот-вот отправится на эту работу, и это при том, что весь его дневной рацион состоит из толченых рыбьих голов и какой-то болотной жижы.

Конечно, рядом еще есть я, но Грайс просто не может найти со мной общий язык. Иногда ему становится легче от того, что я, мотцанец, могу оказаться способен на обычное неуважение, даже дерзость; его радует, что мотцанец может критиковать Мотц. А порой он, похоже, подозревает неладное.

— А вы часом не шпион? — как-то рявкнул он.

— А как же, шпион, — ответил я. — Как умно и проницательно с вашей стороны, что вы меня опознали. Хотя свояк своякa видит издалека… Не так ли, губернатор Грайс?

Клорати Джохору, с Волиена

После того как я отправил вам свой последний рапорт, я успел сделать следующее: а) съездил к Ормарину на Волиендесту, он уже вышел из больницы, выздоровел и готовится к будущему, благоразумно и спокойно изучая историю нескольких наших планет; б) облетел вокруг всей Волиендесты и убедился, что большие пространства на ее территории приобрели красноватый оттенок; в) объехал весь Волиен из конца в конец.

Я получил сообщение от Инсента; он пишет, что чувствует себя достаточно хорошо и рискнет прервать уединение; хочет проверить себя. Он тоже путешествует по Волиену. Я его встретил дважды.

Первый раз — в небольшом городке, где были волнения, беспорядки: иммигранты, бежавшие из ВЭ 70 и ВЭ 71, сцепились с местными. Как вы уже наверняка слышали, эти две планеты отказа-

лись подчиняться властям Волиена, и, согласно логике примитивных умов, этих несчастных иммигрантов, бывших долгое время счастливыми и лояльными гражданами Волиена, толпа вдруг провозгласила сирианами и, следовательно, предателями.

Я приехал туда с нашими агентами 33, 34, 37 и 38, вызвал их с места работы, с Волиендесты, чтобы по возможности смягчить крайние экстремистские проявления бесчинствующей толпы. Конечно, мы хорошенько замаскировались. И Инсент меня не узнал, он сидел и наблюдал сверху, с насыпи, а внизу толпились бунтари. Само его присутствие уже можно было счесть подстрекательством. Инсент выглядел хмуро, на бледном лице — трагическое выражение, но главное — он был всего-навсего зевака, не участник, — достаточно было бы несчастного случая, чтобы он стал жертвой. Я поручил агенту 33 незаметно понаблюдать за ним. Потом отправил Инсенту сообщение, предлагая присоединиться к нам, заняться настоящим, ответственным делом. Но ответа не получил. В следующий раз я встретил Инсента вчера, уже в Ватуне. И снова в гуще событий: дома горели целыми улицами, и небольшая толпа волиенцев, в основном мо-

лодых, крушила все на своем пути с криками: «Долой…»; «В костер…» — а дальше шло перечисление имен местных владельцев магазинов, в основном иммигрантов с Волиенадны. Инсент выскочил из центра толпы, забрался на мостик через улицу, по обе стороны которой горели дома. Дым, мечутся языки пламени, толпа бурлит вне себя от ярости, — и тут наш герой кричит — вернее, вопит, чтобы его расслышали все:

— Вы должны понять… нет, слушайте меня… вы предаете все, что делает вас настоящими, ответственными личностями, нет, вы должны послушать… вы в данный момент подчиняетесь своему животному началу… знаете ли вы, что…

Под мостиком первые ряды мятежников на миг остановились и подняли головы, разинув рты от удивления, в замешательстве, — в основном из-за этой задержки был сбит их эмоциональный настрой. Дым и тени от языков пламени скрывали лица людей в толпе. На минуту наступила относительная тишина, в которой стал слышен рев пламени и донеслись крики из задних рядов:

— Долой… свергнем его…

И опять голос Инсента:

— У вас у каждого в голове есть два ума, точнее, один — животный инстинкт, и когда он берет

верх, вы ведете себя как животные, как сейчас, вы стадо…

Толпа саркастически заржала.

— Мы не просили тебя проводить тут урок биологии, — проорал из гущи мятежников наш агент 37, переключая их гнев.

Когда все обернулись посмотреть, кто это тут вещает от их лица, да еще словами, совершенно им не свойственными, вперед выбежал наш агент 38, схватил Инсента, которому грозила опасность быть разорванным на куски толпой.

— Послушайте, — кричал Инсент, — послушайте меня… Вами всеми управляет ваш примитивный мозг, вы не понимаете? Вы регрессировали на миллион лет назад…

Но наш находчивый агент 38 уже оттянул незадачливого оратора от мостика и подтолкнул к тому месту, где стоял я. Мы схватили его за руки и уволокли прочь с глаз толпы, потащили по той улице, где мятежников еще не было.

— Но я же *прав,* — все повторял Инсент, пока мы бежали.

Мы оставили его в небольшом пустом баре, велев никуда не выходить, пока мы не придем, и тут же вышли на улицу — надеясь, что еще что-то можно будет сделать. Дела обстояли очень плохо.

Продолжались беспорядки, грабежи, драки, и когда я вернулся в бар, его уже закрыли, и Инсента не было ни следа.

Но, полагаю, не стоит за него беспокоиться! У меня такое ощущение, что Инсент на самом деле выздоравливает и больше не будет рупором вещаний Кролгула.

АМ 5 — Клорати

На Мотце полная боевая готовность. Грайс едет в Волиен: Воплощения наконец-то потеряли к нему интерес. Они заявили: «Губернатор Грайс, просто уезжайте. Да, да, да, все, что хотите, только уезжайте». По просьбе Грайса с ним отправляют Стила.

Клорати Джохору, из Ватуна

Грайс прибыл в Ватун, и ему вдруг пришло в голову, что это не тот Ватун, из которого он уезжал. Повсюду беспорядки и восстания, поджоги и грабежи!

— Но волиенцы не такие, — протестует он, — мы вовсе не такие. Мы благожелательны и добры, мы *разумные* люди.

Но все же ему придется примириться с еще

одним невозможным обстоятельством, которое подрывает его душевное равновесие. Теперь, когда о Волиене уже сказано все самое плохое, что только возможно, — и что там безработица, например; и что иммигранты с других планет не получают статуса граждан, и что уровень жизни падает из-за утраты Империи, — когда все это уже сказано, тем не менее оказывается, что большинство беднейшего населения на Волиене живет лучше, чем самые состоятельные граждане на Мотце. Как пристыдил губернатора Стил, уныло сопровождающий Грайса согласно полученному заданию «не спускать с него глаз»:

— Это, что ли, вы называете бедностью? Вы что, хотите сказать, что эти люди бунтуют потому, что они бедны? Ну уж нет, вы мне сначала объясните, пожалуйста! Я согласен взять эту вашу бедность и отвезти к себе в поселок. Нам на год хватит тех богатств, которые у вас здесь, прямо на моих глазах, растрачивают хотя бы на одной этой улице.

Грайс ухитрился и это обстоятельство, как и многое другое, вставить в свое великое «Обвинение».

Грайс никак не мог найти юриста, который согласился бы представить его дело, так что он отправился к государственному защитнику, лицу,

специально назначаемому, чтобы обеспечить выслушивание законной жалобы. Этот джентльмен пролистал много сотен страниц «Обвинения» с недоумением, понятным Грайсу, который хорошо знал людей своего класса. Прежде чем защитник выставил его за дверь с изысканной любезностью, весьма знакомой Грайсу по собственному адвокатскому опыту, Грайс обратился к нему:

— Ты меня не узнаешь, Спаскок? Мы ходили в один детский садик, номер пятьдесят три.

Чиновник признал, что и впрямь ходил в детстве в этот садик, однако Грайса не узнает.

— А Виру помнишь?

— Конечно, Виру помню. Она очень много значила в моей жизни. Родители мои слишком часто уезжали в командировки на Волиенадну, и я рос практически вне семьи.

— Ты не встречал Виру с тех пор? — возбужденно продолжал Грайс. (Инсент подробно пересказал мне этот разговор, который происходил в его присутствии: они с Грайсом стали большими друзьями, что неудивительно.)

Спаскоку стало неловко, и он не мог этого скрыть, а Грайс продолжил:

— Я это почему спрашиваю, видишь ли, сам-то я встречал Виру значительно позже, и на *мою*

жизнь она оказала решающее влияние.

Вира, очаровательная и отзывчивая девушка, ездила в отпуск на Волиенадну. Увидев, как страдает местное население под властью Волиена, она впервые поняла, что удобная жизнь, существующая на Волиене, не только недоступна его колониям, но *обязана* своим существованием исключительно этим колониям. Вира мгновенно переменила убеждения и поверила в Сирианскую Мораль. И за короткое время превратилась в их агента, причем довольно сомнительным, типичным для того времени путем: несколько взволнованных посещений посольства Сириуса, несколько случайных встреч на официальных приемах, приглашение посетить Сирианскую империю — в данном случае это была поездка на Олпут, который произвел на Виру самое благоприятное впечатление, — этим все и закончилось. Довольно скоро она узнала, какая ужасная тирания царит на Сириусе, и в буквальном смысле слова забыла о том времени, когда им восхищалась. Но за это время девушка, по сути дела, послужила орудием вербовки двух своих бывших друзей детства, теперь уже взрослых, заразив их своим восхищением Сириусом. Одним из них был Грайс, а другим — Спаскок.

— По-моему, люди в нашем положении должны держаться вместе, — сказал Грайс Спаскоку.

Тот с натянутой улыбкой пообещал вникнуть в «Обвинение» и дать знать Грайсу. И, когда Грайс и Инсент уже были в дверях, спросил:

— А кто это с тобой?

— Он приехал издалека, очень издалека, причем по-настоящему, — ответил Грайс, зная, как его слова подействуют на Спаскока. Тот немедленно вернулся к своему столу и начал читать «Обвинение».

— Ой нет, — комментировал он текст вслух, тяжело вздыхая, — нет, нет… это вообще-то не *по делу*… а это и вовсе безумие… а это из рук вон…

А потом зазвонил телефон, звонили самые разные его коллеги, занимавшие и высокие посты, и не очень, — а некоторые — ну самые высокие, — и Спаскок по содержанию каждого из этих очень интересных разговоров, как будто совсем на другие темы, безошибочно догадался, почему он просто обязан дать ход этому иску Грайса.

— Да, читаю как раз сейчас, — захлебываясь, отвечал он всем по очереди, причем каждый из собеседников при этом бросал что-то вроде: «Грайс, ну ты его знаешь, это наш коллега, притащил мне экземпляр своего "Обвинения"». — Да,

может, все это правда, я ведь не спорю, текст очень захватывающий, я уверен, но… да, хорошо. Ладно. Понял тебя. — И снова вздыхал.

— Но, конечно, — ныл Спаскок после двадцатого звонка, сидя в одиночестве в своем офисе, — мы не можем же *все* быть?.. — И, конечно, не *все* они были, но каждый задавал себе вопрос, а вдруг когда-нибудь что-то такое сделал или сказал?.. А те, кто были, те не знали, до какой степени Сириус их считает агентами «спящими» или хотя бы дремлющими; или же на самом деле они активно участвуют в подрыве Волиена каждый в доступной ему сфере; или, скажем, близко общаются с каким-то тайным инструктором Сириуса.

Итак, делу Грайса будет дан ход. Грайса лихорадит от радости. Именно его радость возмущает его товарища и союзника. Конечно, по всей справедливости Волиен «должен быть раз и навсегда разоблачен и приведен к барьеру истории», по мнению Инсента, — в целом состояние его здоровья стало намного лучше, хотя некоторые фразы все еще легко сбивают парня с толку; но любая чужая радость, по любому поводу, вызывает у него подозрения, так уж он устроен. Единственная понятная ему радость — это его личный мазохизм при размышлениях о собственных недостатках.

В сущности, неодобрение им Грайса — своего рода зависть. Есть свидетели, что Инсент бормотал, когда Грайс, корчась от радости, вносил в свое «Обвинение» очередной факт, обличающий лицемерие Волиена: «Грайс, да ведь я сам часто поступал намного хуже!»

В своем послании АМ 5 с Мотца просит разрешения перевестись сюда: в нем «прорезался», по его собственному выражению, интерес к наблюдению за фарсом.

> *Ох, Клорати,* — пишет он, — *как трудно терпеть этих восхитительных мотцанцев! Они делают только то, что неизбежно даст какой угодно, но вещественный результат. Все, что они говорят, основано исключительно на «самой жизни». А теперь, когда уехал губернатор Грайс, вместе с ним исчезли те знаменитые «несоответствия», слушая которые я привык получать такое удовольствие. Из них осталось только одно, — а именно: эти мотцанцы, хотят они того или нет, но они те же сириане. Их спасает полнейшее отсутствие воображения, их ход мысли таков: «Мы хорошие. Мы*

сириане. Значит, Сириус хорош». Они готовятся к вторжению Сириуса с таким же воодушевлением, с каким обрабатывают какой-нибудь участок пустыни, превращая его в поселение. После общения с Грайсом они теперь уверены, что Волиен не обойдется без их руководящих указаний. Когда я позволил себе предположить, в своем эксцентричном стиле, который я тут достаточно отточил, чтобы не поддаваться их торжественным манерам (и который, естественно, вполне закономерно вызывает их недоверие), а вдруг на Волиене не все такие, как Грайс, у них остекленели глаза: они мыслят совершенно одинаково, поскольку все «закалены в огне» (простите мой пафос) своих общих трудностей, так что представить себе не могут такую планету, на которой жители все разные. Клорати, спасите меня, позвольте переехать на Волиен!

На что я ответил следующим посланием:

Я допускаю, что Вы сами не отдаете себе отчета, но сам этот Ваш «эксцен-

тричный стиль», нарочитая полускрытая насмешка, «наслаждение» и есть точно такое же потакание, уступка в душе своей потенциальной склонности к анархии, которая послужила причиной того, что целое поколение волиенцев из высших кругов стали (в той или иной степени) агентами Сириуса. Вы не чувствуете сходства в тональности, в «нюансах». Помню, я сам читал лекции, которые Вы посещали, как раз об этом периоде на Волиене, поскольку он хорошо иллюстрирует законы появления внутренней неудовлетворенности, измены. Вы помните ту лекцию, которая называлась «Потому что если достигнут успех, никто не смеет назвать это предательством»? Очевидно, не *помните. Не для того вы направлены агентом Канопуса в этот (скажу честно) не самый привлекательный уголок Галактики, чтобы развивать свой вкус к изучению исторической аномалии. Которая, кстати, почти всегда является результатом* самомнения, — *и не случайно, что именно тот класс общества Волиена, который по своему воспитанию*

считал себя естественными правителями страны, был обучен этой глубокой и всеобъемлющей легкости мышления — гордости тех, кто считает себя лучше других. Из гордости проистекает удовольствие, которое дает наблюдение за аномалиями, всегда сопровождающими столкновение планет. Ладно, я считаю, что до определенной степени этот эксцентричный стиль можно допустить, он даже необходим, если есть желание избежать депрессии и упадка духа, которые неизбежно возникают, как подумаешь, с каким расточительством Галактика, или, как говорят волиенцы, природа свое возьмет. Но стоит хоть на один шаг выйти за пределы этого некоторого допущения, и начинается презрение к окружающим, и вскоре уже станешь раздуваться от радости — вот, мол, какой я умный. Агент АМ 5 из КАНОПУСА! *Будьте добры выполнять свою работу в соответствии с полученным заданием и уймите свое веселье при исполнении служебных обязанностей! Между прочим, согласно расписанию, Вам предстоит явиться на*

Волиен вместе с армиями завоевателей-мотцанцев, но не воображайте, что при этом Вам представится много возможностей повеселиться.

В ответ на этот выговор или, скорее, напоминание мне пришло сдержанное признание, что выговор был своевременным.

По делу Грайса прошло предварительное слушание. Спаскок, в последнем приступе профессионального негодования, формально признал, что этот иск следовало бы отклонить. Разговор происходил в небольшом зале вне помещения суда общей юрисдикции. Присутствовали Спаскок, трое экспертов-консультантов, Грайс, Инсент, несколько судейских чиновников. Все эксперты-консультанты не скрывали своей неловкости.

— На чем вы основываете свое «Обвинение»? — спросил главный эксперт.

— На первой статье нашей Волиенской Конституции, — сказал Грайс. Он стоял, выпрямившись, с горящими глазами, и явно чувствовал себя Воплощением Суда Истории над Волиеном.

— Прошу зачитать эту статью.

— «Волиен гарантирует защиту всех граждан и материальное обеспечение их в соответствии

с современным уровнем разработки своих природных ресурсов и с развитием и ростом знаний о природе законов Волиена и законов динамики развития общества Волиена».

Грайс вслушивался в эти слова, как будто каждое из них было обвинением, с которым все должны согласиться, и с торжеством ждал.

Трое экспертов-консультантов старались не встречаться взглядами друг с другом.

Спаскок сказал:

— По моему мнению, сплошной бред.

— Почему, Спаски? — потребовал ответа Грайс. — Прости, я хотел сказать, господин защитник. Или Волиен отдает себе отчет в том, что он — она, империя, — оно, государство, заявляет, или не отдает. Какой смысл в Конституции, если считать смешным сам вопрос, следует ли ее вообще чтить?

У Инсента был совершенно несчастный вид.

— Ну да, все мы это знаем, но…

— Что именно ты знаешь? Эта конкретная статья, ключевая статья всей Конституции, поставлена первой потому, что когда основной закон пересматривали, оказалось, что прежнее законодательство вообще никак не учитывало современный уровень развития социологии и

психологии. И тогда законы были аномалией, а уж теперь — тем более.

— Одну минуточку, — вмешался главный эксперт. — Кто такой *Волиен* в этом контексте? Конкретно кто или что есть оно — которое «гарантирует»?

— Очевидно, правительство.

— Это не так просто, согласен? — заговорил Спаскок. — Правительства приходят и уходят. Тогда означает ли в данном случае «Волиен» неких постоянных официальных лиц?

— Конечно, нет. И так ясно, что такое Волиен, — сказал Грайс. — Это дух преемственности… — И, поскольку Спаскок и главный эксперт были готовы оспорить эту довольно неубедительную концепцию, он добавил: — Если «Волиен» может «гарантировать», должно же быть что-то постоянное, чтобы обеспечивать эту гарантию, даже если это что-то не так легко обозначить.

— Довольно логично, — согласился Спаскок, — но, с моей точки зрения, полный вздор. Прежде всего, если бы «Волиен» должен был постоянно реформировать свои структуры в соответствии с развитием науки, ему пришлось бы создать некий орган, специально для управления этими разработками и для воплощения их в указанные

структуры.

— По-моему, ты как раз доказываешь мой постулат, — заявил Грайс.

— Но, — продолжал Спаскок, — тогда закон должен согласовываться с результатами современных исследований. А это не так просто.

— Исключительно просто, — возразил Грайс. — Стоит захотеть.

— Кому? — спросил главный эксперт. Обычно он держался весьма профессионально: осмотрительно, невозмутимо, не углубляясь в мелочи. Но сегодня он был неспокоен и сердит — и все знали причину. Давление сверху.

— Посмотрите на вопрос с такой точки зрения. — Инсент явно прилагал усилия, чтобы поддержать Грайса, хотя было очевидно, что это *были* именно усилия. — Если сочли необходимым поставить эту статью первой, — потому что наше знание о себе переросло наши правовые и социальные структуры, значит, не могло быть никакого соглашения.

— *Наше?* — холодно спросил Спаскок у Инсента, явного чужестранца, как всем известно, прибывшего «очень издалека».

— Я отождествляю себя с Волиеном, — пробормотал Инсент.

— С *чем?* — вопросил главный эксперт, пытаясь иронизировать.

И тут наступило долгое унылое молчание. Профессионалам трудно переступить через свой профессионализм. В обычное время не допустили бы, чтобы подобный иск дошел даже до этой стадии рассмотрения.

— Я не понимаю, как вы можете отрицать, — сказал Грайс, с привычным ему формальным презрением, — что перед нами Конституция, которая дает определенные обещания?

— Этого мы не отрицаем, — возразил Спаскок.

— И что эти обещания не выполнены.

— Это уже другой вопрос.

— Я предлагаю это доказать.

— У меня есть предложение. Мы должны создать Специальный Комитет…

— Ну, это, конечно, шутка, — вставил Грайс.

— …чтобы дать определение точному значению следующих слов: «Волиен» (в настоящем контексте «он»), а также «гарантирует», «обеспечивает» и словосочетанию «в соответствии с».

— Согласны, — хором произнесли все трое экспертов-консультантов.

— Отлично, — согласился Грайс, — формально вы в своем праве. Но я при этом требую права

быть выслушанным судом присяжных.

— Ты что, Грайси, — обалдел защитник, — тебе это надо?

— Да, господин защитник, надо.

Понимая, что потерпели поражение, рассерженные эксперты-консультанты и Спаскок буквально оцепенели, а судебные чиновники вышли на улицу и вернулись, ведя за собой первых попавшихся двенадцать человек.

Настроение народных масс на Волиене очень переменчиво. Одновременно с волнением, вызванным слухами о неизбежном вторжении, растет возбуждение и душевный подъем. Все взволнованы, все суетятся, спрашивают друг друга о новостях, необходимых им для подпитки. Обычно достойное и формальное поведение судейских чиновников сменилось чуть ли не халатностью, с оттенком презрения.

— Эй вы, сюда, сюда, нам нужны присяжные, тут иск подал настоящий чудак… Не поверите, что у них состряпано на этот раз… Приходите, поржете от души, уж это точно…

В таком духе народ зазывали в суд на роль присяжных. В ложе присяжных столпилось семеро солдат и пять гражданских лиц, они улыбались и были явно празднично настроены, что, вопреки

всякой логике, объяснялось близостью войны. Главный эксперт неодобрительно посмотрел на собравшихся, их лица тут же посерьезнели, и они внимательно выслушали вопрос:

— Вы согласны или нет, что Грайс, губернатор Волиенадны, имеет право подать в суд на Волиен за пренебрежение теми своими обязанностями по отношению к своим гражданам, которые указаны в Конституции?

Едва сдерживая улыбки, присяжные обменялись взглядами.

— Согласны, чего там, — сказали они. — Валяй! Во дает! Да мы бы тоже не возражали немного тут…

— О, прекрасно, — кивнул Спаскок, — очень хорошо. Тогда давайте назначим Специальный Комитет и начнем работать.

После этого Инсент подошел к Грайсу и сказал, что «по объективным причинам этот суд стал галактической аномалией». Это весьма заинтересовало Грайса. Он сам признавался, что когда он слышит слова вроде «галактический», ему кажется, что «его голову наполняет прохладный воздух». Но в данном случае его мнение об Инсенте сработало против намерений того.

— Вы, люди «издалека», не можете понять на-

ших местных условий.

— Но ведь я живу тут, верно?

— Это не имеет значения; тут надо родиться.

— Ну вы сами не ахти какая реклама того, что тут следует родиться. Посмотрите только, какие у вас тут проблемы.

— Да, но с помощью этого суда, помаленьку, потихоньку…

— Грайс, поверь мне, этот суд — просто нецелесообразен.

— Как можно так говорить, когда положение отчаянное! Да уж, в этом весь ты! Бессердечный, холодный!

— Неужели сам не понимаешь, что…

— Постой, скажи мне честно, выполняет ли Волиен то, что обещано в Конституции?

— Нет, конечно, нет. Но, если брать в масштабах Галактики, то можно утверждать, что счастлива та планета, на которой вообще не нужны никакие конституции…

— Ты еще можешь *шутить!*

— Я вовсе не шутил — разве плохая мысль?

— А тем временем справедливость… — От слова *«справедливость»,* да еще после слова *«галактический»,* Грайс окончательно размяк. Слезы побежали по его лицу, он повернулся лицом к

Инсенту, демонстрируя их собеседнику.

— И, кстати говоря, неправильно считать, что местные проблемы может понять только тот, кто вырос в этой атмосфере. Наоборот. Вот, например, я. Да и ты тоже.

Теперь вы уже понимаете, что Инсент быстро выздоравливает.

Но он снова путешествует по Волиену и объясняет всем, кто готов слушать, про животный мозг и высший разум. «Видите ли, — убежденно втолковывает он, — когда вы оказываетесь в стаде или толпе, тогда вами управляют инстинкты, свойственные этому окружению. Когда вы на улице в толпе, вас тянет издавать ритмические многократные крики. Вам хочется жечь, ломать и разрушать, вы вынуждены убивать. Но когда вы сидите себе спокойно в одиночестве, как передо мной сейчас, тогда вами управляет высший мозг и ваше состояние соответствует высшим импульсам, вы меня поняли?»

И слушатели могут только согласиться с Инсентом искренне, от всей души, когда они «сидят себе спокойно»; но те же самые люди, когда они бегают, объединившись в стада, при виде Инсента, осуждающего их с тротуара или с фонарного столба, куда он взобрался, чтобы его лучше слышали,

просто проклинают оратора или совершенно игнорируют. Есть свидетели его разговора с одним таким волиенцем.

— Ты не понимаешь, — и тот с пристыженным лицом смущенно оправдывался:

— Действительно, не понимаю, что на меня нашло!

— Видишь ли, ты не должен никогда, никогда позволять себе вливаться в толпу, иначе не сумеешь себе помочь!

— Но что же тут плохого? Мы же всегда в группе — в той или другой, правда? Ну, почти всегда.

В таких вот непростых диспутах Инсент проводит дни, а тем временем Кролгул слоняется поблизости и ждет момента, чтобы набросить на него свою сеть. Но Инсент, едва завидев Кролгула или услышав, что он поблизости, тотчас убегает.

Привожу запись беседы, которая произошла между Инсентом и мной.

— Инсент, рано или поздно тебе придется встретиться с Кролгулом.

— Не могу. Боюсь.

— Но ты теперь стал сильнее. Ты можешь ему противостоять.

— Я боюсь его ключевых слов.

Я тоже боюсь за Инсента, и, увидев это, он за-

кричал:

— Почему вы меня поставили в такое положение, в зависимость от ключевых слов?

— Ты пошел на это добровольно, Инсент.

— Неужели? Наверное, я тогда спятил. Что же вы меня не остановили?

— Я, как твой наставник, поощрял тебя.

— Но для меня это слишком большая нагрузка.

— Другие наши агенты добровольно захотели прийти тебе на помощь, и я уже тут, и мы вместе работаем в «Империи» Волиен, и уже по этой причине ты стал сильнее. Вместо одного «канала», у тебя рядом несколько.

— Ну, — пробормотал он, — я предполагаю, что недолго эти ребята продержатся, тоже попадутся.

Джохор, я бы искренне хотел, чтобы вы видели нашего Инсента в минуты его мелодраматического позирования. Мы знаем скромного, задумчивого индивида, который, даже в одежде Волиена, сохранял — на Канопусе — эти свои качества. Но вообразите, как он решительно принимает позу полулежа, подперев голову длинной худой рукой, черная грива волос рассыпается по худым плечам, и он смотрит на меня огромными черными глазищами (он сам выбирал; боюсь, вы-

бор продиктован тщеславием). На самом же деле парень смотрит в себя, как бы с удовлетворением созерцая свою душевную рану или потрясение. И как он потом возводит глаза кверху, отводит в сторону, и в его взгляде — гордость и бесконечная скорбь.

— До сих пор все эти ребята держатся вполне достойно. Ни один пока не сломался. И за это отчасти спасибо тебе, за устойчивость. Но тебе, Инсент, действительно надо понять: пора приходить в себя. Просто нерационально сейчас, когда в народе Волиена идет брожение, объяснять им механизм психологии толпы так, как это делаешь ты, — рассудочно, без тени эмоций.

— Но я не могу этого вынести, не могу! — вскричал он. — Видеть, как они позволяют себе просто… превращаться в животных… — И заплакал, закрыв лицо руками.

— Инсент. *Приди в себя!*

— Если я не вылечусь окончательно, тогда вы снова меня подвергнете Полному Погружению?

— Я об этом пока не думал.

— А если надумаете, куда вы меня погрузите?

Вы понимаете, что мне было неловко это слушать.

— Не уверен, что хоть кого-нибудь дважды

подвергали Полному Погружению.

— Ой, не надо меня успокаивать, это вовсе не обязательно! Не каждый так слаб, как я! — И сказал он это с удовлетворением, и руки раскинул, как бы готовый выслушать обвинение и признать свою вину.

— Только сильная личность может вынести Полное Погружение.

— Ой, правда? А я вынес, верно ведь? Ну, скажите мне, какие другие подарки у вас для меня припасены за пазухой?

— Инсент, мне кажется, что ты ретроспективно получаешь удовольствие от своего Полного Погружения, хотя во время самого процесса я не заметил в тебе особой радости.

Мои слова его немного отрезвили, и парень важно произнес:

— Нет, нет, нет, Клорати. Ничуть. Я помню, что болезненные ощущения в этих широтах могут впоследствии вызывать приятные ассоциации, — вы меня предупреждали. Но у меня такого как раз не было. Вы не понимаете, я хочу, чтобы вы меня испугали — а вы не хотите?

— Вот ты говоришь, что не можешь оставаться самим собой, не можешь прийти в равновесие, а я тебе повторяю, что это очень важно и для

Волиена, и для наших сотрудников, которые тут находятся. До какой степени тебя нужно испугать, чтобы ты обрел здравый смысл и пришел в себя?

— Разве я так говорил? Ну хорошо, пусть будет так! Я ничего не могу поделать. Тогда испугайте меня, как хотите, Клорати. Мне, очевидно, именно это требуется.

— Отлично, — сказал я. И Инсент внутренне собрался, сцепил руки, в глазах появилось типичное для него выражение готовности слушать, как будто одних ушей недостаточно. — Это произошло на другой планете, там неожиданно развитие техники достигло такого уровня, что началась опустошительная война, были разрушены большие территории, жители были в отчаянии. Воспользовавшись их отчаянием, власть захватили те, кто считал себя особо одаренным и умеющим манипулировать людьми, а также те, чьим самым первым и главным талантом было умение выбирать слова — Риторика. С самого начала первый лидер из этих тиранов заявил: «Мы выступаем за организованный террор», и этому заявлению аплодировали, им восхищались его последователи и многие за пределами этого конкретного…

— Я, кажется, припоминаю что-то похожее… —

мрачно заметил Инсент.

— Да, я описываю ту же планету, какую описывал тебе в «суде» на Волиенадне. Это произошло спустя некоторое время после той революции, которая вскоре породила убийц по принуждению, а потом тирана. Риторики, которые, по крайней мере, могли распознать опасность для себя, изучили результаты первой революции, чьими эксцессами и жестокостью они так сильно восхищались, и договорились убивать не друг друга, а только население, которое они собирались принудительно «освободить», если кто откажется быть освобожденным. Если помнишь, в период первой революции крики типа «Мы переродимся только через кровь!» подействовали на примитивные центры в мозгу каждого из жестоких людей, а в период второй — восхищение масс вызвал лозунг «Энергию и массовость Террора следует поощрять!» Потому что эти риторики знали, что они смогут сохранить власть в своих руках, если обеспечат толпе образ врага, настоящего или воображаемого, чтобы отвлечь внимание народных масс от постоянных страданий. Порабощенные умирали миллионами: от голода, от болезней, и прежде всего — от тотального Террора, теперь организованного как система слежки, которая

охватывала империю размерами в одну шестую часть планеты. И конечно, риторики убивали друг друга, как будто никогда не заключали между собой пакта о ненападениии. Они считали, что контролируют события, а на самом деле стали марионетками в руках тех сил, которые сами выпустили на волю. И пришел новый тиран, чего и следует ожидать, когда в обществе царит хаос. И люди по-прежнему умирали или становились жертвами убийц. Но у обитателей той планеты, по крайней мере, сохранилась плодовитость, так что шло восполнение потерь населения из-за болезней, катастроф и из-за их собственной индустрии убийств. — Я внимательно наблюдал за Инсентом, но не видел никакой реакции. Он все так же внимательно слушал и не шевельнулся с самого начала, только напряжение слегка снизилось. — И вот что, вероятно, следовало бы отметить: эта страна вовсе не старалась скрывать происходящие в ней массовые убийства, пытки, самые жестокие методы контроля за населением, какие когда-либо бывали на свете. И тем не менее народы других, вполне благополучных регионов этой планеты, даже те, в которых жизнь была хорошо организована и приятна, восхищались вышеописанной тиранией. Потому что всегда и

всюду есть такие личности, которые реагируют только на сильные и шумные проявления страстей… — Тут Инсент вроде бы смутился и сделал такой жест, как будто хотел сказать «довольно!» —…Этим личностям требуется стимуляция сильными словами и сильными мыслями. Очень многие, во всех регионах той планеты, втайне увлекались идеей Террора, пыток и организованной жестокости, наслаждались мыслью о господстве в стране, население которой живет постоянно в условиях, близких к рабству; их чувственный аппарат возбуждали мысли о лагерях-тюрьмах, где люди умирают миллионами.

Инсент не сводил с меня своих выразительных глаз, но смотрел на меня как-то странно — чуть ли не с насмешкой.

— Инсент, — спросил я, — что смешного ты нашел в этой ужасной истории?

— Не нашел пока, но, возможно, отыскал бы при желании, — сказал Инсент и плюхнулся на спину, раскинув в стороны руки и ноги, приняв позу капитуляции. — Ну, говорите дальше.

— Собственно, я уже рассказал все, что хотел. И главное, о чем я хотел сказать, — не об убийстве миллионов и миллионов, хоть по небрежности, хоть намеренно; не о введении механизма

террора; не о порабощении населения. Я хотел обратить твое внимание на другое: всю свою деятельность они описывали открытым текстом, с целью порабощения, манипулирования, сокрытия или раздражения, только у них тираны назывались благодетелями, мясники — санитарами общества, садисты — святыми, кампании по стиранию с лица земли целых наций были названы акциями, благотворными для самих этих наций, война именовалась у них миром, а медленная деградация общества, сползание на уровень варварства — прогрессом. Слова, слова, одни слова… И когда умные люди говорили им о положении дел в стране, в ответ им с энтузиазмом кричали: «Какие вы говорите удивительно интересные *слова!»,* — и вся эта деятельность продолжалась по-прежнему.

— Я вас слушаю, слушаю.

Я не стал продолжать, а вместо этого начал рассматривать своего ученика, как вы, Джохор, я замечал, тоже иногда меня рассматриваете.

— Клорати, если вы предпишете мне Полное Погружение в эту историю, какую роль вы мне отведете?

— И ты еще спрашиваешь! Ты стал бы одним из инструментов Террора. Ты бы убил бесчисленное

количество приличных людей, теми методами, которые сам бы изобрел, ты бы постоянно изобретал способы мучить, порабощать путем искусного использования пропаганды и доведения до кондиции, угрожая несчастным смертью, пытками и тюрьмой. Тебя вскоре тоже убили бы, согласно закону, что подобное притягивает подобное, но я бы организовал для тебя сразу возвращение и новый пост внутри этого механизма жестокости, где ты продолжал бы делать все то же самое, при этом говоря о дружбе, социальной ответственности, мире и так далее и тому подобное.

Снова наступило долгое молчание. Потом Инсент медленно поднялся.

— Никогда и ничто меня не завораживало больше, чем эта история, — наконец объявил он, с удовольствием анализируя свои собственные душевные процессы, что, казалось, ему никогда не приедалось. — Я совершенно точно знаю, что если бы я прошел Полное Погружение в эту историю, я бы сейчас валялся тут у вас в ногах, плача и крича, желая одного — поскорее это позабыть. С радостью могу сказать, что то, другое ужасное Погружение уже забыл! Я бы умолял вас стереть все мысли, воспоминания из моей головы. Я бы возносил протесты в Космос, обвиняя его в же-

стокости. Но, знаете ли, я могу слушать сколько угодно, однако в реальности не способен себе все это представить. В сущности, все это звучит довольно… нет, не привлекательно, не то слово… но любопытно… Видите ли, Клорати, я не *верю этому.* Нет, нет, я не хочу сказать, что этого не было или что подобное не происходит и сейчас. Я хочу сказать другое: я не могу заставить себя *представить* это как истину. Все это смахивает на сказку, этакую старинную, древнюю историю о том, что случилось где-то далеко и очень давно.

— Я не обижаюсь, Инсент! Конечно, это признак того, что твое состояние улучшается. Скажи мне, что ты чувствуешь при таких словах, как *«кровь», «террор»* и прочие?

— Ничего, только одно ощущение возникает: «Ой, не надо *больше».*

— Вот и хорошо. Ну а такая фраза: «Дерево свободы должно освежаться время от времени кровью патриотов и тиранов. Она его естественное удобрение».

Инсент пожал плечами и отрицательно покачал головой.

— «Мы обещаем вам вычистить из нашей среды каждого подлого предателя и всю человеческую накипь и омерзительные фразы из завезенной

извне философии. Мы выбросим весь этот наносный хлам в навозную кучу истории».

При слове *«история»* Инсент дрогнул, но потихоньку улыбнулся.

— «Черви и личинки, которые проползли в наше здоровое новое общество, будут изгнаны из общества и разоблачены перед барьером истории в том качестве, кто они есть, — трущобные остатки мусора прошлого».

Инсент встряхнул головой. Он был явно доволен собой.

— Думаете, я выздоровел, Клорати?

— Конечно, еще недавно ты бы перед этими словами не устоял, даже, скажем, до встречи с Грайсом.

— Верно! Грайс для меня оказался откровением. Могу вам признаться. Я смотрел на него и думал: «Хорошо, что меня Бог миловал…»

— Для тебя опасность еще существует, Инсент.

— Я так хочу снова приносить пользу. Мне просто физически плохо, как вспомню, что позволял Кролгулу вертеть собой как угодно. Ох, Клорати, как я мог на это пойти? — Тут он вскочил с трагической улыбкой и выбежал за дверь.

Ну, догадываетесь, что я сейчас расскажу? Вот именно. Инсент не устоял, поддался Кролгулу,

причем практически сразу, а тот так и ждал его в засаде.

Инсент бежал по улицам, улыбаясь от восторга. Он увидел, что в его сторону движется толпа, а в ней разглядел своих знакомых. Эта толпа была не похожа на другие, кричащие, вопящие, все разрушающие на своем пути: тут люди шли спокойно, выполняя решение, принятое ранее в доме общественных собраний, — сохранять дисциплину и ответственность. Те, кто двигался во главе колонны, дружескими криками приветствовали его.

— Вы куда? — закричал он в ответ.

— Идем потребовать всеобщей мобилизации для защиты Волиена от Сириуса! — крикнули ему. И еще: — Эти предатели там, наверху, дадут нас завоевать, пальцем не пошевельнут, чтобы хоть что-то сделать. Они там все — шпионы Сириуса.

И теперь Инсент уже шагал рядом с ними во главе колонны в сторону, противоположную той, которую выбрал поначалу. Вслух он прокомментировал:

— Очень толковая мысль. Хотя вас в любом случае завоюют, — добавил он, как бы про себя, и увидел, что руководители переглянулись и отодвинулись от него подальше. — Но это не имеет значения, — говорил он весело, все еще

под впечатлением нашего недавнего урока. — Их вторжение продлится недолго. Как оно может быть долгим? Сириус взял на себя непосильную задачу. — Увидев по лицам товарищей, что они рассердились и не согласны с ним, Инсент удивился:

— Непонятно, как можно сердиться, когда перед вами *факты.*

— Факты, вот как? — сказал один из руководителей, — по-моему, так это все смахивает на предательство.

— Предательство? — выдохнул Инсент. Теперь он бежал вдоль колонны, вещая: — У каждой империи есть свой срок, и часто, незадолго до того как рухнуть, их правители вдруг лихорадочно начинают вести захватнические войны, словно бы внезапно спятив…

— Нам не нужны пораженческие разговоры! — заорал один из лидеров и оттолкнул Инсента. И тут же из толпы, маршировавшей за ними, послышалось сердитое рычание, потом крики:

— Предатель!

Другой лидер заявил:

— Такую накипь, как ты, мы искореним — выведем всю эту гниль. Ты один из них, судя по твоей речи.

— Да вовсе нет! — Инсент все еще бежал рядом с ними, даже держал за руку кого-то из своих знакомых. И в этот момент вдруг осознал, кого.

— Кролгул! — воскликнул он.

И именно в этих обстоятельствах бедному Инсенту пришлось пройти тестирование.

— Какая крайняя политическая наивность! — воскликнул Кролгул.

— Это про меня, что ли?

— *Ревизионист,* — прошипел Кролгул.

— Ой, только без глупостей, — сказал Инсент, но на него этот упрек произвел впечатление. — Разве вы не понимаете, что это ничего не значит?

Кролгул втащил его прямо в середину небольшой группки лидеров, возглавлявших колонну, и Инсента окружили угрожающие лица.

— Говоришь, ничего не значит? Ты оскорбляешь мысли Священного Руководителя, верно?

— Нет, нет, конечно, нет, я не…

— *Реакционер,* — было следующее ключевое слово, посильнее первого, и Инсента эти слова очень ослабили.

Но он все еще трепыхался.

— Разве я такой? Что значит это слово? Реакци… Да про какие реакции идет речь? Реакции на что? — требовал он ответа, а окружающие руга-

лись и ворчали, как стадо зверей. Их независимое поведение, их самодисциплина, их решимость не быть толпой — все это растворилось, и всему виной был Инсент, тот самый, которым с улыбкой манипулировал Кролгул, воплощавший собой тип достойнейшего ответственного революционера. Глаза Кролгула горели решимостью разрушить все на тропе исторической неизбежности, или как ее там называют, лицо его оживлялось торжествующей жестокостью.

— Буржуй! — прошипел Кролгул, и Инсент почти сдался. Но он был еще самим собой. Хотя и не совсем.

— Фашист! — неожиданно выкрикнул Кролгул. И это был конец. Инсент был потрясен до глубины души. В один миг он стал одним из них, крича и вопя: «Смерть… Долой… Кровь…»

И так далее.

Но не стоит особенно беспокоиться за него. Мне подсказывает *чутье,* что Инсент далеко ушел от того жалкого состояния, в котором пребывал ранее; теперь он — не то большое пустое пространство, поступающую через которое энергию отсасывает Шаммат для своих целей. Нет сомнения, Инсент стал цельной и сильной личностью. И он на самом деле оказывает смягчающее вли-

яние на комитет фанатиков, окружающих его. Когда он говорит: «Но, конечно, это ничего не *значит*», реагируя на какой-то очередной вдохновляющий продукт словотворчества, то смысл обсуждаемого выражения проверяется, и фанатики, правда, только на время, но проявляют склонность *подумать*.

И Кролгул вне себя от разочарования. Наши другие агенты простаивают. Инсент *не* принадлежит Кролгулу, хотя тот использовал свои самые сильные ключевые слова, и ему больше нечего предложить.

Следующее событие, оживившее общество, — иск Грайса против Волиена, я обязательно пойду в суд послушать.

Грайс против Волиена

Если бы Спаскок выступал в роли государственного защитника, он попытался бы провести слушания по этому иску в малом зале, расположенном на периферии Дворца Правосудия; но как вероятный агент Сириуса (бессонными ночами он стонет: «Агент я или нет?»), под нажимом *своего* начальства (каждый из которых тоже стонет: «Шпион ли я!? Или же я не шпион?») он настоял на проведении слушаний в главном судебном

зале Волиена.

Это большое помещение, слабо освещенное, — чтобы внушать присутствующим должное почтение, если не благоговение. Все стены украшены изображениями на разные темы. «Членам нашего священного тела» — то есть каждому — Волиенадне, и Волиендесте, и планетам ВЭ 70 (Мейкен) и ВЭ 71 (Словин) — отведена своя стена. Волиенадна, например, представлена снежными бурями и льдом, а также счастливыми шахтерами во главе с Колдером. Над всем помещением выгибается сводчатый потолок, разрисованный сценами благодеяний Волиена, персонифицированного в облике Донора, Кормильца, Советника, а вокруг него — «члены» в признательных позах. Но Мейкен и Словин, только что сбросившие «ярмо» Волиена, прислали делегации, чтобы те закрасили соответствующие этим планетам стены, однако сделано это было в спешке, и теперь зал производит безобразное впечатление какой-то незаконченности. Они также забрызгали краской улыбающиеся лица «волиенов» на потолке.

Вот в каком интерьере начались сегодня судебные прения.

Присяжные Грайса сидели по одну сторону от судьи, в ложе на высокой платформе. В целом

их настроение было даже более непристойным, азартным, чем то, какое охватывает часто граждан в предкризисные периоды, одеты они были кто во что и в целом производили впечатление веселого цинизма. Когда их опрашивали одного за другим, стало ясно, что далеко не всех волнует это дело. Примечательно, что одна здравомыслящая и привлекательная молодая женщина делала попытки отнестись к делу ответственно. Возле них вертелся Инсент, пытаясь настойчивыми взглядами и улыбками создать у них впечатление серьезности иска. Он присутствовал в официальном статусе *адъютанта* Грайса. Возле *него* терся Кролгул, который, когда несчастный Спаскок обратил внимание на его присутствие и выразил свой протест, просто облачился в мантию судебного чиновника таким образом, чтобы высмеять поведение защитника, и тут же обратился к несчастному с единственным, почти ласковым вопросом: «Шпион?»

Грайс, вместе со Стилом, разместился на платформе прокурора.

На скамьях для публики собралось около сотни горожан.

В роли судьи выступал Спаскок, который небрежно объявил заседание суда открытым,

предварительно с хмурым сарказмом осмотрев перепачканный потолок и две стены с грубо закрашенными прежними «членами» Волиена.

— Одну минуточку, — потребовал Грайс, — а где же ответчик? — Действительно, на той стороне зала, где полагалось сидеть ответчику, была пустая платформа и несколько пустых кресел.

— Поскольку оказалось невозможным решить, *кто* или *что* такое Волиен… — протянул Спаскок и позволил себе улыбнуться, когда Кролгул указал на потолок, на котором лица «волиенов» все до одного были заляпаны белой краской.

— Волиен — это тот, кто давал обещания своим гражданам, в своей Конституции, — сказал Грайс.

— Это так! Это верно! — послышалось со скамей публики, и энергия этих возгласов заставила каждого присутствующего внутренне собраться. Что касается присяжных, они хмуро обводили глазами аудиторию; ибо явно были настроены «посмеяться».

Донеслось ворчание одного-двух голосов:

— Ну, если дело пойдет всерьез, это будет одна скука. Я смоюсь. — И все в таком роде.

Все однако остались, похоже, под влиянием молодой женщины, статус которой среди при-

сяжных был тут же легализован — ее выбрали председателем жюри присяжных.

— Ну ладно, вперед, Грайс! — провозгласил Спаскок. — Каков первый пункт «Обвинения»? Давай, изложи свои претензии!

— Я обвиняю Волиен в том, что я не получил — а я на настоящем суде представляю всех граждан Волиена — существенных знаний, касающихся нашей главной человеческой сущности, каковые сведения могли бы дать нам возможность избежать определенных ловушек, куда мы вполне реально можем попасть и…

(При сем прилагаю для вас экземпляр «Обвинения».)

Грайс все это прочитал вслух — согласитесь, документ нельзя назвать незначительным, — твердым сильным голосом, поднимая глаза при ключевых словах, чтобы взглянуть на присяжных, которые молчали, придавленные перспективой серьезного, а не развлекательного зрелища.

Женщина, которую звали Аритамея, как только ее избрали председателем жюри присяжных, приняла материнский покровительственный вид и теперь едва сдерживала раздражение.

Наконец Спаскок спросил:

— И все это — твое первое обвинение, так? Отлично, где же твои свидетели?

Грайс тут же сделал знак Инсенту, который, в свою очередь, сделал знак в сторону закулисья, и служитель суда вкатил столик на колесиках, нагруженный огромным количеством книг — там было не меньше ста пятидесяти томов.

— Вот мои свидетели.

Наступило долгое мрачное молчание. Спаскок смотрел со своего трона вниз на кучу книг, присяжные разглядывали «свидетелей» скептически, а со скамей публики донеслись громкие вздохи.

— Вы предполагаете, что мы должны прочитать все эти книги? — спросил Спаскок со слабым сарказмом, обязательным в такие минуты, когда вершилось правосудие.

— Вовсе нет, я сам подведу итоги.

Стоны раздались в зале — от одного края до другого.

— Прошу соблюдать порядок, — сделал замечание Спаскок.

— В нескольких словах, — успокоил собравшихся Грайс. — Это вполне реально. Тема не трудна для понимания и не затемнена… Я могу продолжать? Отлично. Человек как животное, недавно эволюционировавшее из стадного образа жизни,

из групп в пределах стада, стаи, отрядов и кланов, не может теперь существовать без них, и легко заметить, что он стремится найти для себя группу и вступить в нее, неважно, какая это группа, потому что он…

— И она, — подсказала Аритамея.

— …И она должны быть в группе. Когда молодое животное — прошу прощения, особь — покидает семейную группу, он или она ищет другую. Но особи не сказали, что же такое она ищет. Ее должны были проинформировать: «Ты будешь метаться в поисках группы, потому что без нее тебе будет некомфортно, потому что ты не можешь отречься от миллионов В-лет эволюции. Ты ищешь вслепую, и ты должен знать, что, оказавшись в группе, будешь вынужден вертеться вместе со всей группой, чтобы группа была цельным единством, примерно как рыба не может отказаться подчиняться движениям своей стаи или птица — подчиниться схеме, отработанной ее стаей». Эта особь совершенно не вооружена, не имеет защиты и может быть проглочена целиком каким-то набором идей, которые никак не связаны с реальными данными о движущих силах общества. Эта особь…

Аритамея спросила, пояснив сначала, что доби-

вается всего лишь точности в выражениях:

— Одну минутку, дорогой, но не хотите ли вы сказать, что молодые люди любят общество своих сверстников?

— Да, если желаете выразить эту мысль такими словами, — сказал Грайс, показывая всем своим видом, что, по его мнению, она не дотягивает до ожидаемого уровня.

— Но ведь это общеизвестно, верно ведь, милый? — заявила женщина и достала вязанье.

— Хоть *все* это и знают, однако *никто,* тем не менее, не сделал следующего шага вперед, — твердо ответил ей Грайс и поднял брови при виде сверкающих спиц, направив настойчивый взгляд на судью. Спаскок наклонился вперед, в свою очередь поднял брови и заметил:

— Прошу меня простить, но заниматься посторонними делами во время судебных слушаний запрещено.

— Запрещено так запрещено. — И она спокойно убрала большие мотки шерсти, спицы и все прочее в свой ридикюль, а весь зал, замерев, наблюдал за этим процессом. — Хотя лично мне вязанье помогает сохранять спокойствие.

— Но не нам, — съязвил Спаскок. — Вы не возражаете, если я вам сообщу, что мы рассматриваем

серьезное дело?

— Я думаю, что раз вы судья, то можете говорить все, что вам угодно, — ответила Аритамея. — Но я хотела бы знать вот что: я имею в виду, говоря вашим языком, я желаю кое-каких разъяснений. И я уверена, что выскажу общую мысль… — Тут женщина огляделась и заметила, что как минимум четверо из присяжных заснули, а остальные клюют носом. — Проснитесь, — приказала она.

— Да. Проснитесь, — повторил Спаскок, и присяжные пробудились.

Инсент подошел к ним вплотную:

— Вы понимаете, какое это важное дело? Этот конкретный пункт? Вы *понимаете,* как он *жизненно важен?*

Заговорила председатель жюри присяжных:

— Когда я уходила из дома, помнится, мама мне говорила: «Смотри, не попади в дурную компанию». Именно этому, видимо, и посвящены все эти ваши тома? Прошу прощения, я совсем не хочу вас обидеть, — обратилась она к Грайсу.

— Ну, самая суть именно эта, но вопрос в другом: говорили ли вам, что вы являетесь стадным животным и, больше того, нравится вам это или нет, вы должны соглашаться со всеми идеями вашего стада?

— Разве для этого надо столько слов? — изумилась женщина. — Дело в том, что я встречалась со всякими мальчиками и девочками, особенно с мальчиками, конечно, — тут она улыбнулась, ответом ей были терпеливые улыбки всех присяжных, — но я долго не соглашалась с их идеями. Они не представляли ничего значительного.

— Мадам, какая вы счастливая, — мрачно заметил Спаскок, и его тон заставил всех в зале направить взгляды туда, где он сидел, в изоляции на своем троне.

Наступило долгое молчание, в котором послышалось — было то шипение или выдох? — одно слово: *«шпионы»*... Но когда мы все посмотрели на Кролгула, чревовещателя, он стоял, с сардоническим видом прислонившись к стене, складки его черной судебной мантии обвисли, как мокрые крылья. *Шпионы*... это слово если кто не бормотал, то думал, и в воздухе стояло шипение.

Шпионы — тема каждой второй статьи, каждой радиопередачи, каждого плаката и популярной песни. Вдруг население (не только Волиена, но и двух «членов», у него еще оставшихся) стало смотреть на администрацию Волиена и удивляться, что это за психическая эпидемия, которая склонила к этому преступлению, как иногда ка-

залось, весь правящий класс.

Аритамея, тактично *не* глядя на судью, заметила:

— Я уверена, что многие в этой стране удивляются, почему они стали заниматься тем, чем стали…

— Вот именно, — резко подхватил Грайс, привлекая к себе взгляды всех. — Вот именно. *Почему?* Но если бы нам и другим, таким как мы, сказали бы, еще когда мы были школьниками, если бы ввели в курс нашего образования это понятие, что наша необходимость влиться в какую-то группу сделает нас беспомощными против идей этой группы…

— Беспомощными, вы считаете? — вопросил еще один присяжный, мускулистый молодой человек, одетый в разновидность красно-зеленого спортивного костюма и смешную беретку. — Беспомощными? Кого-то — да, а кого-то и нет.

— Это вопрос характера человека, — сказала молодая женщина. — Люди, в основном добропорядочные, обладающие здравым смыслом, твердо противостоят дурным убеждениям.

И оба — Грайс и Спаскок — одновременно тяжело вздохнули, так отчаянно, так печально, что все снова обернулись к ним.

Подчиняясь рефлексу, Спаскок торопливо вытащил трубку и разжег ее. И Грайс тоже. Добрые граждане Волиена не знали, что их общественные эксперты (обычно Кролгул) советовали очень многим курить трубку как атрибут добропорядочности и душевного равновесия, поэтому большинство присутствующих в суде сильно удивились. Особенно после того как не только судья и главный обвинитель, но и другие вытащили свои трубки. Среди публики на скамьях, среди судебных чиновников в их мрачных одеяниях и даже среди присяжных — повсюду взволнованно задрожали губы, сомкнувшиеся вокруг черенка трубки, и облака сладкого влажного дыма поплыли в воздухе. Спаскок и Грайс оба наклонились вперед, рассматривая этих неизвестных своих единомышленников. На их лицах отчетливо читалось: «Не говорите мне, что вы еще один…»

— Если вам можно курить трубку, тогда я буду вязать. — И председатель жюри присяжных снова вытащила свой узел.

— Нет, нет, конечно, нет! Вы совершенно правы. Курение абсолютно запрещено! — И вмиг трубки во всем помещении исчезли, торопливо погашенные.

И в этот момент Стил, сидевший возле Грайса,

как положено — выпрямившись, сложив руки, управляя каждым дюймом своего тела, — с выражением сначала скепсиса, потом шока на лице, заметил:

— Если представители государства на Волиене такие недисциплинированные, чего тогда ожидать от простых людей?

— А вы-то кто, дорогой? — спросила Аритамея, которая не отложила своего вязания, только опустила его на колени.

— Это главный свидетель по второму пункту «Обвинения», — пояснил Спаскок.

— Да это я знаю, но кто он такой?

— Я с Мотца.

— А где это? Да, мы о таком слышали, но неплохо бы узнать…

В воздухе отчетливо раздалось: «Шпион Сириуса», но Кролгул, конечно, корректно улыбался.

— Вы с Сириуса, милый? — добродушно спросила женщина, как будто и не было вокруг разговоров о линчевании, от одного края Волиена до другого.

— Да, с гордостью могу назвать себя сирианином.

— Он такой же сирианин, как любой с Волиенадны — волиенец, — разъяснил Грайс.

— Или как любой с Мейкена и Словина, — страстно высказался Инсент, в его намерения не входило вызвать сардонический смех, но по залу суда как будто пронесся ураган смеха. Все разглядывали испорченные стены и потолок.

Стил сказал:

— Я не в состоянии понять, что такого смешного в успешных патриотических и революционных восстаниях колоний, поверженных в прах.

— Нет, нет, вы совершенно правы, милый, — успокаивала его Аритамея. — Не обращайте на нас внимания.

— Послушай, Спаскок, ты собираешься должным образом вести заседание суда или нет? — рассердился Грайс.

— Если ты это называешь судом, — в раздумье произнес Спаскок. — Хорошо. Ладно, поехали.

— Я уже изложил свой вопрос.

— Нет, насколько я заметила, — заговорила Аритамея, и с ней тут же согласился хор ее помощников. — Напомни-ка еще разок, ладно? Я как будто не уловила сути.

— Еще как уловили! — рявкнул Грайс. — Суть вполне очевидна, разве нет? Мы теперь знаем много о механизмах, которые нами управляют, которые заставляют нас плясать, как марионеток.

Некоторые из самых мощных механизмов можно грубо описать как управляющие функционированием групп. — И тут он указал на стопки красных, зеленых, синих, желтых книг на тележке возле его невысокого постамента. — Что касается этих механизмов, то тут нет расхождения во мнениях. Мы знаем, для определенной группы, какова процентная доля тех, кто не сможет согласиться и разойдется во взглядах с мнением большинства членов группы; мы знаем процентную долю тех, кто будет выполнять указания лидеров группы, даже пусть они будут жестокими или грубыми; мы знаем, что такие группы строятся по такому-то шаблону; мы знаем, что они разделяются и подразделяются определенным образом. Мы знаем, что они развиваются, как живые существа.

— Как империи, например. — Инсент не мог удержаться, чтобы не вставить словечко, помочь, и Кролгул снова втихаря запустил в атмосферу слово *«шпион»,* чтобы оно дошло до сведения каждого присутствующего.

— Сам-то *ты* кто? — спросила Аритамея. — Нет, я хочу узнать, откуда ты.

— Да он, конечно, шпион Сириуса, — прокомментировал один из присяжных. — Все они такие. Эти шпионы повсюду.

— Ну и дела! Давай дальше! — громко выкрикнул кто-то из публики.

— Ладно, ладно, в этом суть моего вопроса, — продолжал Грайс, пытаясь снова обрести свой запал. — Если нами управляют механизмы, как оно и есть, на самом деле, значит, пусть нам как следует заранее объясняют все про них. В школе. В том возрасте, когда человек обучается, как тело функционирует или как государство управляется. Нас надо научить понимать эти механизмы так, чтобы они нами не управляли.

— Одну минутку, милый, — прервала его Аритамея. — Я знаю, что у тебя добрые намерения; я действительно поняла, к чему ты клонишь. Но не говори мне, что ты веришь, что если скажешь какой-то молодой особе, которая всей душой готова сорваться с места ради независимости, и, конечно, все знает намного лучше, чем ее старшие…

— Или *его* старшие, будем справедливы, — вставил цветной присяжный рядом с ней.

— Его или ее старшие… Ты не можешь сказать такому человеку, мол, сохрани трезвую холодную голову и следи за механизмами. Именно на это они как раз и неспособны.

— Верно, она права, — послышалось со скамей публики.

— Я прикажу очистить зал, — пригрозил Спаскок. Наступило молчание.

Спаскок поинтересовался:

— Значит, ты изложил свой вопрос, Грайс?

— Я с ней не согласен. Она недоброжелательна. Она пессимистична. Волиен не может вот так отказаться от своей ответственности! Кроме того, Волиен обещал в Конституции, что…

— А вы читали у Татца и Палузы о механизме толпы? — спросил Кролгул.

— Нет, а о чем там говорится?

— Они совершенно не согласны с Квинком и Суоллером, — объяснил Кролгул. — Например, по вопросу о процентах возможного сопротивления авторитету.

— Ну, — запальчиво сказал Грайс, — я нахожусь в неблагоприятном положении, правда? Я был в плену на Мотце, и я был не в состоянии даже узнать, какая есть соответствующая литература по этому вопросу. Но мне кажется, что этого свидетельства достаточно… — он вновь указал на свои тома.

— Я только хочу сказать, — расшаркался Кролгул, — что консенсус не стопроцентный.

— Послушайте, судья, — вмешалась Аритамея, — вы собираетесь вести это заседание или

нет? Этот тип, который сейчас вовсю толкает речь, насколько я понимаю, всего лишь пристав.

— Да, да, конечно, — сказал Спаскок. И бросил Грайсу: — Будьте так добры, сформулируйте ваш запрос в точных словах.

— Хорошо. Я хочу, чтобы этот суд полностью осудил Волиен за то, что он не сумел обучить свою молодежь правилам, которые вывели его собственные психологи и антропологи в результате своих исследований; за то, что он не сумел вооружить свою молодежь сведениями, которые дали бы ей возможность — молодежи — сопротивляться затягиванию в любую систему идей, кому какая подвернется под руку. Я хочу, чтобы этот суд заявил, ясно и громко, что как минимум три поколения молодежи Волиена, тут мне пора сказать, что и я вхожу в число жертв… — Шиканье, одобрительные восклицания, свист. — …оказались беззащитными из-за того, что их вовремя не снабдили знанием, которое легко доступно любому специалисту, знанием о законах функционирования групп. Что Волиен допустил — нет, что он потворствовал — созданию ситуации, в которой его специалисты приобретали все больше и больше опыта в области психологии группы как первичной ячейки общества, но в которой

эту информацию никогда не использовали для влияния на действующие институты общества, остающегося до сих пор архаичной государственной машиной, громоздкой, если не смертельной, смешно сказать, до чего несоответствующей требованиям общества. У нас левая рука не знает, что творит правая. С одной стороны, собирается научная статистика, накапливается техническая информация, делаются открытия. С другой стороны — полнейшая косность и неповоротливость нашей культуры. Я хочу, чтобы Волиену вынесли обвинительный приговор.

Наступило долгое молчание. Все присутствующие на самом деле были под сильным впечатлением. Но беда в том, что в голове каждого билась одна мысль: действительно, похоже, Сириус собирается вторгнуться — мы, конечно, не позволим им так просто — у нас другое на уме…

Спаскок обернулся к присяжным:

— Не желаете ли пойти посовещаться?

Аритамея посоветовалась с помощниками, — с теми, которые бодрствовали.

— Нет, судья.

— Ну, тогда скажите — вы согласны признать Волиен виновным или нет?

Она снова проконсультировалась — не дольше,

чем мне потребовалось времени, чтобы написать эту фразу.

— Обвинение довольно справедливо, судья. Волиен и впрямь виновен. Конечно, я принимаю на веру слова губернатора Грайса, что во всех этих книгах написано то, что он сказал.

— Татц и Палуза, — пробормотал Кролгул.

— Ой, хоть вы-то не совались бы в это дело, — возмутилась женщина. — Мне вовсе не нравится ваш вид. Волиен виновен. Это, безусловно, так. Они и впрямь должны были нам все это заранее объяснить. Я сама теперь почитаю кое-что из литературы, теперь, когда мое внимание обратили на эти вопросы. Да. Волиен виновен.

Спаскок подал голос:

— Настоящим объявляю Волиен виновным по пункту Первому «Обвинения». Однако это решение войдет в силу только тогда, когда Специальный Комитет определит, что такое «Волиен», если он вообще сможет это определить. Лишь тогда, когда Волиен будет определен как юридическое лицо, которому может быть вынесен приговор, приговор суда вступит в силу в законном порядке. А теперь объявляется перерыв до завтра. Завтра будет рассмотрен пункт Второй Обвинения.

И Спаскок вышел из зала крупными шагами, очевидно, измученный до предела. Грайс и угрюмый Стил вышли вместе… Было слышно, как Стил говорит: «Если вам разрешается так критиковать свое государство, так какая же у вас тут тирания? Объясните, пожалуйста». Инсент, которого чуть-чуть не перехватил Кролгул, пошел со мной. Как бы то ни было, к данному моменту стало очевидно, что деятельность Кролгула на этой планете благополучно завершена: общее разрушение и деморализация для него — человека Шаммат — еда и питье. Инсент вышел из испытания закаленным, и это хорошее предзнаменование для будущего состояния Волиена во время оккупации его Сириусом и последующего упадка Сириуса: я предлагаю оставить Инсента на Волиене, если у него дела и дальше пойдут в том же духе. Если он не ухитрится вновь не расшатать себе нервы, я думаю, он окажет на местных жителей благотворное влияние.

Только что закончился второй день судебных слушаний. Когда мы собрались сегодня утром, не явилось около половины присяжных; суд не обеспечил им того развлечения, на которое они рассчитывали. Но появилось много волиенцев другого рода, надеявшихся занять их места или

хоть какое место в суде: накануне прошел слух, что в суде была сделана попытка серьезной критики государственного устройства Волиена. Когда новые присяжные уселись в своей ложе, все заметили сильный контраст между ними и теми весельчаками, которые остались с предыдущего дня. Среди всех них восседала председатель жюри присяжных, вполне непринужденно державшаяся и готовая к слушанию.

Когда Спаскок в сопровождении помощников появился на своем месте, Аритамея встала:

— Простите, судья.

— Что такое?

— Я всю ночь не спала, — объяснила она не без мелодраматического эффекта.

— Рискну заявить вам, мадам, что это же можно сказать о многих из нас, — попытался улыбнуться Спаскок, бледный и взволнованный.

Зал безмолвствовал. В утренних новостях сообщалось, что космолеты Сириуса готовы нанести удар.

— Нет, судья, вы меня неправильно поняли. Я говорю о другом. Я так же нервничаю, как и все… Но я хочу сказать об этом механизме поведения толпы, о котором говорили вчера.

— Не волнуйтесь, мадам, — прервал ее Инсент.

Он изящно порхал рядом, эффектно демонстрируя свою беспредельную готовность ей услужить. — Нет-нет, председатель жюри присяжных, вчера вы приняли абсолютно логичное решение. И оно может дать в перспективе замечательные результаты для Волиена.

Она оглядела юношу с головы до ног.

— А для кого же еще? Мне вполне достаточно того, что результаты будут полезны для Волиена, — заявила Аритамея.

Ответом ей был шквал криков, шиканий, разгул всеобщих эмоций. Снаружи, на улице, тоже толпился народ, все спрашивали друг друга первым делом: «Вы уроженец Волиена?». И в итоге оказалось, что практически никто не родился тут, тогда вопрос начали ставить по-другому: «Вы волиенец?», потом же, поскольку это определение — *«волиенец»* — можно было отнести слишком ко многим, стали просто бить всех, чей внешний вид не понравился толпе.

— И я больше ничего не хочу добавить по этому вопросу — насчет толпы, — продолжала Аритамея. — По правде говоря, не понимаю, что это нашло на нас всех. Я всегда считала, что мы, волиенцы, — люди справедливые и разумные. — Так была убедительна эта сильная и компетентная

личность, что толпа успокоилась и как будто устыдилась. — Нет, судья, дело в другом. Я читала всю ночь про системы устройства групп, и к утру поняла, что вчера я поступила немного авторитарно по отношению к группе — мы, присяжные, как раз и составляем *группу*, правда? Ну вот, и сейчас мне кажется, что я вчера злоупотребила своим авторитетом. И хочу всех предостеречь: отныне тут у нас не будет никаких глупостей насчет принятия мгновенного решения. Мы воспользуемся предоставляемым нам временем, прежде чем вынести заключение…

— Снова нами распоряжаетесь, а? — брякнул один шутник, — вчера он тоже присутствовал среди присяжных, в ярком наряде с большой пуговицей на груди, с надписью «Ну что, власти Волиена, доигрались?».

— Ну, даже если и так, то сегодня я в своем праве. Закон разрешает любому из группы присяжных, не только председателю жюри, потребовать время на закрытое совещание.

И тут присяжные зашевелились в своей ложе, а те, кто остался с предыдущего дня, начали вставать и продвигаться к выходу, бормоча: «Простите»; «Это уж слишком»; «Вообще-то мы собирались тут посмеяться», — и ушли.

— Найти других присяжных, — распорядился Спаскок, и вмиг из толпы, переполнявшей скамьи зала, выделились ответственные люди серьезного вида.

В результате в ложе присяжных теперь оказались совсем новые люди, не те, что вчера, за исключением председателя жюри присяжных.

— Можно начинать? — осведомился Спаскок, голос его дрожал от сдержанного сарказма.

— Да, судья, полагаю, теперь все в порядке, — ответила Аритамея.

— Хорошо. Тогда, с вашего позволения, начнем.

Грайс встал. Он был таким же угрюмым, важным и бледным, как Спаскок. Они оба, совершенно одинаковые, были наглядной иллюстрацией того типа людей, какой возникает на последнем этапе развития империй.

На фоне Грайса замечательный, несравненный Стил казался живым воплощением темы сегодняшних дебатов.

Грайс начал:

— Я хочу вызвать для дачи показаний своего главного свидетеля.

— Одну минуточку, Грайс: каково ваше обвинение?

— Мы все его знаем, судья, — вмешалась Аритамея. — Оно написано на этих программках, которые нам раздали. Второй пункт «Обвинения» заключается в том, что мы позволяем себе слишком многое.

— Не позволите ли вы мне вести сегодняшнее заседание суда? — буквально закричал Спаскок.

— Прошу прощения.

— Мадам высказалась по делу, — заметил Грайс.

Опять столкнулись двое этих худых, нервных, замученных, дрожащих людей. Оба явно были готовы накинуться друг на друга, и в то же время каждый был готов охранять интересы оппонента и заботиться о противнике, как о себе.

— Да, пожалуй, — сказал Спаскок, — но подобный подход неуместен, и я просто не могу…

— А ты сделай уступку. Для прочтения этого Второго пункта «Обвинения» потребуется полдня.

— Просто в голове не укладывается: все кому не лень советуют мне, судье, как вести дело в моем собственном зале суда. Но если вы настаиваете…

— Ничего я не настаиваю, просто прислушайся к здравому смыслу…

С улицы донеслись топот ног и крики толпы.

— Ну, я допускаю, но вообще-то это совершен-

но…

— Я знаю, незаконно, но… — Грайс сделал знак Стилу, тот двинулся к свидетельскому месту и встал там в ожидании. Опять наступило долгое молчание. Волиен по сути дела не понимал, что на них вот-вот нападет Мотц: «Сириус» — этим словом они обозначали любую грозящую им опасность.

Но каков был контраст между этим существом и ими, между этим мотцанцем и любым тогдашним жителем Волиена.

Вот он стоит, невероятно сильный человек, клубок мышц и сдерживаемой энергии, не делающий ни единого лишнего движения, — к такой экономии движений приучают себя люди, живущие на пределе. Стил не крупнее любого волиенца. Он ничуть не умнее их. Генетически он ничуть не более одарен. Но, глядя на него, волиенцы позволили себе долгий вздох и переглянулись, демонстрируя пренебрежение.

«Шпион» — это слово зашелестело в атмосфере зала, запущенное, как всегда, Кролгулом. Однако оно долго не продержится тут; его как будто отвергала сама атмосфера зала.

— Я не шпион, — произнес Стил неторопливо, но решительно. — Меня пригласили на этот суд,

чтобы помочь.

— Так все шпионы говорят, — намекнул Кролгул, и тут Инсент его одернул:

— Прекрати, агент Шаммат!

Он не хотел произносить этого слова, но раз уж произнес, то надо быть последовательным. Инсент обернулся к Кролгулу, который, со своими впалыми щеками, развалился, позируя, на своем месте и смеялся.

— Фашист, — сказал Кролгул. Инсент не дрогнул.

Председатель жюри присяжных сказала, явно теряя терпение:

— Судья, давайте продолжим слушание дела. Я уверена в добрых намерениях этого джентльмена, но меня с детства раздражают подобные перепалки.

— Она абсолютно права, — согласился Спаскок. — Давайте продолжим.

— Я хочу, чтобы ты, Стил, рассказал историю своей жизни, — попросил Грайс.

Стил так и сделал. Ложная скромность не в привычках мотцанцев, и его рассказ, который ничего не приукрашивал и ничего не умалял, произвел впечатление. Когда казалось, что он чего-то недоговаривает, вмешивался Грайс:

— Помнишь, Стил, ты мне рассказывал, что жил один в то время, не имея родных, и зарабатывал себе на жизнь, выкапывая эти растения и…

— Нет, это было во второй раз, когда я оказался один. В первый раз я нашел работу у торговца рыбой, — снимал кожу с рыб.

— Что он делал с этой кожей?

— С кожей? А *вы* что с ней делаете?

— Мы — ничего, — сказал Грайс.

— Нам ни к чему эти отходы, — послышалось со скамей публики.

— Отходы? — И Стил снял с себя толстый, сложной конструкции пояс, утыканный ножами, иглами, карманчиками, всевозможными приспособлениями. — Из рыбьей кожи, — пояснил он.

— Здорово. Так как ты жил, оставшись сиротой?

— Какое-то время зарабатывал на жизнь воровством, потому что надо было что-то есть, а потом отправился на торфяные пустоши, выкапывал там съедобные растения, продавал их в поселках. Я так прожил три М-года.

— И тебе было тогда десять лет?

— Да.

— И ты содержал своих брата и сестру, и все вы жили в пещере возле поселка, где двое младших

детей могли работать — чистить рыбу?

— Да.

— А потом, как только брат и сестра немного подросли, вы трое уехали в незаселенный регион Мотца и заложили там свой поселок, осушали болота и копали канавы, а потом пришли другие и присоединились к вам?

— Да.

— Не будете ли добры сказать суду, что вы вообще умеете делать?

Стил минуту подумал, а потом завел перечисление, которое длилось несколько минут. Он начал: «Я знаю все процессы цикла обработки рыбы — как ее поймать, очистить, засолить — и могу изготовить любые рыбопродукты, умею осушать скудные твердые глинистые почвы и очищать их, я могу сажать и выращивать деревья, еще я могу…» Закончил он словами: «Я умею осуществлять руководство поселком и управляться со всей техникой, нужной для этого. Кое-какие устройства мы позаимствовали у вас».

В зале стояла тишина.

Спаскок поинтересовался:

— Я правильно понял твой тезис, Грайс? Что Волиен, твоя родина, не предоставила тебе такого достаточно всестороннего образования, каким

овладел Стил?

— Вот именно.

— Мне кажется, судья, он хочет нам сказать, что жизненные лишения сделали Стила тем, что мы видим перед собой, — и чем восхищаемся, — заметила Аритамея.

При ее словах со скамей публики донеслись слабые аплодисменты, и Спаскок возмущенно закричал:

— Тут вам не народный театр!

— Я никогда не встречала подобного человека, — продолжала Аритамея. — Уверена, никто из нас не встречал. Но вы действительно жалуетесь, губернатор Грайс, на то, что Волиен не вынудил вас жить полуголодным, не обращался с вами так жестоко, и все в этом роде?

— Не совсем так, — сказал Грайс, хотя его тезис и был недалек от высказанной женщиной мысли. — Я знаю только одно. Я гожусь только для одного, если и гожусь, — для управления колонией. При условии, что мне дадут достаточно подчиненных, которым можно поручить грязную работу. О, я не разбираюсь ни в какой технике, нужной для администрирования. И всю свою жизнь я был мягким, потакавшим своим прихотям, слабым человеком. Я не могу вынести ни

малейшей неудачи, ни жизненных трудностей. Я не мог бы выжить ни дня без удобств и комфорта, к которым привык за свою жизнь. По сравнению с этим вот Стилом, по сравнению с мотцанцем, я ничто.

И тут мы все стали присматриваться к Грайсу, а заодно присмотрелись и к Спаскоку. Конечно, восхищаться тут нечем. А мотцанец стоял молча, сложив руки, глядя перед собой: совсем как солдат, стоящий по стойке «вольно», — вот кого он напоминал своим широким здоровым лицом, своей толстой мускулистой шеей, своими сильными руками, своими торчащими из-под короткой туники голыми ногами (такова мода Мотца).

Аритамея продолжала:

— Я хочу задать вопрос свидетелю, можно?

— Пожалуйста, если он согласен, — разрешил Спаскок.

Стил кивнул.

— Какова у вас детская смертность на Мотце?

Стилу впервые стало неловко.

— Вообще-то сперва была очень высокая. Но мы говорим о прошлом. Вы вспомните, мы разработали и освоили чужую нам планету, создали ее буквально с пустого места, и только недавно…

— Но из ваших сверстников умерли многие?

— Да.

— И далеко не все из выживших могут рассказать такую историю, как вы. Верно?

— Верно.

— Народ на вашей планете — все ли люди там такие сильные и умелые, как вы?

— Да, я бы сказал, что мы все такие, — заявил Стил неожиданно: мы не ждали, что он при своей честности признается в этом. Но, именно убежденные в его честности, мы поняли, что это правда. — Да, у нас любой способен всякую работу освоить, какая подвернулась. Мы не боимся трудностей. Мы готовы есть все что угодно.

— И все вы встаете на заре и работаете весь день? Кормитесь два раза в сутки, пьете очень мало спиртного, ночью спите не дольше трех-четырех часов?

Стил кивнул:

— Да, это так.

В этот момент серьезный мужчина с обеспокоенным лицом, который сидел на месте вчерашнего разочарованного гуляки рядом с Аритамеей, сказал:

— Мне кажется, пункт Второй «Обвинения» просто абсурден.

— Вовсе нет, — возразил Грайс, — Вопрос совершенно очевиден. Общеизвестно, что население, которое изнежено, размягчено, которое обросло жирком, становится никуда не годным и дегенерирует. Таков закон природы. Мы наблюдаем это все время на примере растений, животных — и на людях, хотя, кажется, теперь у нас на Волиене принято считать, что на людей этот закон не распространяется, и…

— Я могу задать вопрос? — перебил его мужчина.

— Можно, он задаст вопрос, председатель жюри присяжных? — спросил Спаскок у Аритамеи.

— Я не знала, что ему требуется мое разрешение.

— Это сарказм, — покровительственно разъяснил ей Инсент, вертящийся рядом с группой присяжных. — Не обращайте внимания.

— Но мы не можем не обращать внимания на судью, дорогой, даже если его манеры оставляют желать лучшего.

— Благодарю вас, — поклонился Аритамее Спаскок.

— Так я все-таки задам вопрос. Вы утверждаете, во Втором пункте «Обвинения», которое мы рассматриваем сегодня, что империи подобны

животным организмам: они имеют кривую развития и в итоге распадаются. И якобы во всех империях это наблюдается. Пока они развиваются, их народы сильны, восхищаются простыми добродетелями и талантами, учат детей дисциплине и выполнению своего долга. На участке возрастания кривой возникают люди типа этого Стила — здоровые морально и физически, для которых главные человеческие ценности — сила духа, решительность и чувство ответственности. Но когда начинается стадия упадка, люди становятся… похожими на нас, волиенцев. Мы ленивы и даже этим гордимся. Мы учим наших детей, что они от рождения имеют какие-то права, не зарабатывая их. Мы потакаем своим прихотям, тратим много времени на еду, питье и сон. Мы одеваемся, как захотим. Многие из нас употребляют алкоголь и принимают наркотики.

— Говори за себя! — раздались выкрики из публики.

— Разве я говорю не от лица большинства населения нашей страны, в которой живу всю свою жизнь? — вопросил мужчина. — Сами посудите, если это органический процесс, если империя как группа, как личность, как животное имеет периоды роста, цветения, а затем распада, то как

ожидать, чтобы Волиен, который *есть* живой организм, изменил свои собственные законы? Вы этого не объяснили. Как? В какой момент «Волиен», причем еще неизвестно, что понимать под этим словом (говорят, суд еще не решил этого вопроса), такой вот, когда он может сказать: «Не допущу своего разложения и изнеженности, буду противодействовать всем известным мне действующим законам»?

И снова в зале воцарилось молчание.

— Ну-ка, Грайс, что скажешь? Вопрос кажется вполне разумным, — заявил Спаскок.

— Почему мы должны допускать, что этого нельзя сделать? Это опять ваш пессимизм. Вот что типично для нас — пессимизм и нигилизм.

— Согласен, — вдруг подал голос Стил. — Позвольте мне сказать как свидетелю. У нас, если мы сказали, что намерены что-то сделать, мы всегда так и сделаем. Это вопрос воли.

— Да, но ваше развитие сейчас находится на участке возрастания кривой, милый, — утешила его Аритамея. — А мы пребываем в стадии упадка. Судья, следует ли нам обвинить или оправдать Волиен в том, что он застопорил какие-то неизбежные силы или закон развития? Потому что по этому вопросу я согласна с коллегой, который

только что выступал.

— Грайс, отвечайте! — потребовал Спаскок.

— Как же так вышло, что на моей памяти Волиен — в лице государственного органа, учителя, суда, президента — ни разу не объявил своим жителям: «Мы были энергичны, внутренне дисциплинированы и верны долгу. Ну а теперь мы изнежены и ни на что нет годимся»?

— Вы меня поражаете, губернатор Грайс, — сказал Кролгул. — Как же так вышло, что вы ни разу не упомянули, что пока у Волиена были все эти благородные качества, Волиен также вел захватнические войны и грабил, и убивал, и брал в плен, захватывал любую мелкую планету, которая ему понравится?

— Это не входит в тему моего сегодняшнего выступления, — парировал Грайс, явно страдая.

— А вы, милый, — обратилась к Стилу Аритамея, — вы, мотцанцы, захватываете чужое добро, воруете, берете в плен, убиваете?

Тот, помолчав, ответил:

— Нет, нет, я уверен — нет.

Но он знал, что флот Мотца уже ждет, разместился по всей периферии Волиена. Ему было крайне неловко, этому славному Стилу. Пострадал весь его эмоциональный и мыслительный

аппарат. Ему пришло в голову впервые в жизни, что Сирианскую Мораль нельзя выразить одним словом, ей требуется дать четкое определение.

Дальше заговорил Кролгул:

— Когда Сириус планирует вторжение, оно начинается с вторжения флота Мотца. — Он бросил это замечание походя, даже со смешком. Эта мысль была слишком новой, слишком сырой, чтобы ее сразу переварить, и все с сомнением посмотрели на этого судебного чиновника, который даже смеялся с видом мрачным и угрожающим.

— Все-таки продолжим, — снова произнес Спаскок. — Правильно ли я тебя понял, Грайс? Ты хочешь, чтобы мы вынесли вердикт, что «Волиен» должен нам объяснять, что наши комфортабельные условия жизни, которые мы принимаем как должное всю свою жизнь, что наша цивилизация, все, чем мы гордимся, наша праздная жизнь, наша легкость существования, наше изобилие, все это на самом деле — просто наше разложение, и оно неизбежно приведет к тому, что нас захватят более сильные и более энергичные народы?

Он смотрел прямо на Грайса и сердито, угрюмо, самокритично улыбался.

А Грайс смотрел на него с таким же выражением лица.

— Ну а сам ты что думаешь об этом, Спаскок?

— Ну да… не хватало еще высказаться от себя лично, — поспешно и тихо проговорил Спаскок, а потом громко: — Хорошо, присяжные, теперь слово за вами. Прошу вас удалиться и продумать свой вердикт.

Присяжные переглянулись и тихонько зашептались.

В суде установилась беспокойная, почти раздраженная атмосфера, свидетельствующая о том, что люди чувствуют: дело идет своим ходом. И когда председатель жюри присяжных объявила: «Мы уходим, чтобы обдумать свой вердикт», — раздался даже стон.

Спаскок повторил:

— Я уже говорил, тут вам не театр!

— Чем не театр?! — заорал кто-то с общественных скамей. И тут со смехом все поднялись и, толкаясь, вышли; бесцеремонность публики, сиплые голоса, насмешливое настроение составляли полный контраст с трезвым поведением удаляющихся присяжных.

Те, кто пришел на суд с улицы, трижды испытали смену настроений. Сперва они рассчитывали посмеяться над неуклюжим и смешным отправлением правосудия, ибо пришли, потому что

были возмущены и разочарованы тем, что происходит вокруг них на Волиене. Затем, обнаружив, что тут дело в чем-то другом и что присяжные после первого дня заседания готовы отнестись к обвинениям серьезно, они стали внимательнее. И, наконец, как удалось услышать из их жалоб на выходе: «Но здесь в любом случае не за что ухватиться», — люди снова стали ехидными и были готовы высмеивать кого и что угодно, связанное с властью. По крайней мере, все вышли вместе как один, и с этого момента общественные скамьи были пусты.

Спаскок недоверчиво, ошарашенно и недоуменно смотрел на Грайса, который листал горы бумаг, как бы в поисках какой-то спрятанной в них истины, ускользнувшей от его внимания.

— Грайс, — прошипел Спаскок, — неужели ты хочешь продолжать это… этот…

— Фарс, — услужливо подсказал Кролгул.

— Конечно, хочу, — ответил Грайс.

— Ты что, не понимаешь, что навлекаешь дурную славу на судебные порядки Волиена?

— Нет, нет, нет! — закричал Инсент. — Наоборот, он задает вопросы, которые давно пора задать! — Теперь парень торчал рядом с Грайсом, его большие пылкие черные глаза предлагали

Грайсу полную поддержку.

— Но ведь не тут же, — простонал Спаскок.

— В моих словах все *логично,* — заявил Грайс. — Назови мне хоть один мой постулат, который нелогичен.

Тут Инсент все-таки взглянул на меня с сомнением — вспомнил, как часто я ему говорил, что если в разговоре мелькает это слово, пора насторожиться. Я неодобрительно покачал головой, и Инсент опустился на ближайший стул, обхватив голову руками.

Кролгул улыбался мне. Интересно, что в такие минуты этот наш старинный враг как будто считает себя чуть ли не нашим союзником.

— Вот тут я прочел, что пункт Третий «Обвинения» — это полное, основательное осуждение всей системы образования Волиена, — заметил Спаскок. — Так?

— Пожалуй, в итоге к этому он и сводится, — согласился Грайс. — Надо сказать, чтобы принесли соответствующие книги.

— Это будет следующая партия твоих свидетелей, да? Но мы еще не покончили с пунктом Вторым «Обвинения».

Эти двое препирались ворчливо, вполне подружески, и интонации были типичны для их

взаимоотношений. Наконец в помещение вошла группа серьезных, даже страдающих людей. Это были присяжные, и стало ясно, что совещание их сблизило: они стояли рядом, как бы поддерживая друг друга, и мы поняли, что любой из них готов говорить от лица остальных. Но заговорила все же Аритамея, не сделав шага вперед и никак не отделив себя от товарищей.

— Судья, — обратилась она к Спаскоку, — мы тут все обсудили, и нам стало ясно вот что: поднят очень серьезный вопрос.

— Да что вы? — застонал Спаскок. — Значит, вы пришли к такому выводу, я правильно понял?

— Да, милый, именно так. И мы собираемся критиковать то, как велся этот суд с самого начала. К иску было проявлено недостаточно серьезное отношение.

— То есть ка-а-ак? — заскрипел стул под Спаскоком. И, обернувшись к Грайсу, Спаскок вопросил: — Вы, обвинитель, вы тоже недовольны ведением этого суда?

— Я рад, — наигранно сказал Грайс, — что присяжные признают важность поднятой мной проблемы.

— Я не сказала, что мы во всем согласны с вами, губернатор Грайс. Нет, мы думаем немного

по-другому. Но есть смысл в том, что вы говорите. Мы все так считаем — правда? — И Аритамея обвела взглядом своих коллег, которые немедленно поддержали ее — кивками, улыбками, а также прикосновениями и пожатием руки. — Да. Мы все согласны. Мы потрясены, судья, потому что нам не говорили того, что мы должны знать. И мы благодарны губернатору Грайсу за то, что он поднял этот вопрос. Но кое-что нам не совсем понятно, так сказать… — И тут она улыбнулась доброжелательно, по-матерински, всему суду. — Вот почему мы не можем подойти вплотную к решению проблемы. Дело в том, что мы чувствуем: здесь что-то не так. Как бы это выразить?..

— Я или прав, или нет, — сказал Грайс, встав и выпрямившись перед ними, как перед расстрельным батальоном, как будто на карту была поставлена сама его жизнь. — Или хорош, или плох.

— Вы или со мной, или против меня, — подсказал Кролгул.

— Логика, — промычал бедный Инсент, который, все еще не опомнившись, съежился на своем месте.

— Вот именно, милый, вот именно. Мы чувствуем: в вашей логике присутствует нечто глупое, но

пока не можем сообразить, что именно. Потому что когда мы тут сидим, обдумываем и вспоминаем слова губернатора, нам кажется, что он прав. А потом кто-то из нас говорит «Но во всем этом ощущается какая-то глупость…»

Страдалец Грайс кротко отвернулся от нее, от присяжных, от судьи — от всех.

— Таким образом, мы просим вот чего — отложить судебное заседание. Мы сперва прочитаем эти книги, а потом вынесем свой вердикт.

— Добрая женщина, но не можете же вы всерьез это предлагать!

— Почему нет, судья? Разве эти книги были доставлены в суд не в качестве материалов следствия?

— В этом есть логика, — с улыбкой выдохнул Кролгул.

— Потому что, если они являются материалами следствия, и если мы должны разобраться с доказательством, мы имеем право…

— О да, да, да, отлично, — сказал Спаскок. — Отведите присяжных в отдельную комнату, снабдите их книгами, накормите их и предоставьте все, что положено.

— Спасибо, судья.

— О, да не за что. У всех у нас уйма времени. Вы

вообще-то слышали утренние новости? — И он бросил злобный взгляд на Аритамею.

— Если вы хотите сказать, что в связи с введением в стране чрезвычайного положения это дело следовало бы отложить до лучших времен, мы согласимся, но раз уж вы разрешили представить иск на рассмотрение, значит, вы должны разрешить довести его до конца.

— Логично. *Раз уж — значит,* — со смехом заметил Кролгул.

— *Следовательно,* — заключил Спаскок. — И, — пробормотал он огорченно, как бы про себя, — предполагаю, что этот иск уже сыграл свою роль.

— Какую? — требовательно вопросил Грайс, глядя ему прямо в лицо.

— Ту самую — окончательно заставил нашу бедную планету казаться более нелепой и *безнадежной,* чем она есть. Тебе, что ли, в голову не приходит, Грайс, что есть такие слои общества, которые не упустят возможности… ах, да о чем говорить! Заседание откладывается на срок, пока эти двадцать или сколько их там присяжных не прочтут — сколько там у них? — сто пятьдесят как минимум — ученых томов.

И он буквально выбежал из зала. Присяжные

удалились в сопровождении трех служащих суда, которые катили столик на колесиках, загруженный книгами.

Так закончилось последнее судебное дело, представленное к слушаниям на Волиене при старых порядках.

Клорати Джохору, с Волиендесты

Столько событий произошло за короткое время!

Как будет написано в учебниках истории, Сириус вторгся в пределы территории государства Волиен в тот самый день, когда было отложено заседание суда.

На Сириусе бушует борьба за власть. Партия Сомневающихся, недавно изгнанных оттуда, вернулась и сумела расколоть Центр по вопросу — вторгаться на Волиен или нет. Но этот вопрос был частным, а главное — Сомневающиеся одержали победу по принципиальной проблеме: «Предлагаем прекратить впредь всяческие захваты территорий, пока не узнаем от Канопуса, как действовать в соответствии с Замыслом; пока мы не узнаем, *какова* цель нашего существования».

Вам, думаю, понятно, что подспудное влияние Большой Пятерки все-таки дало о себе знать.

Но побежденная фракция послала секретный приказ армиям Сириуса — реализовать уже разработанные планы; и к тому моменту, как Сомневающиеся об этом узнали, стало слишком поздно.

Мотцанцы, в космолетах Сирианского Центра, приземлились по всей территории Волиена и кое-где встретили сопротивление. «Агенты» Сириуса повсюду постарались сбить с толку обороняющиеся армии: отправляли туда противоречивые приказы. Кавычки в слове «агенты» я ставлю только потому, что многие из них еще не отдают себе отчета, до какой степени их следует считать сторонниками Сириуса. Большая часть населения считала себя патриотами, поэтому в ряде регионов Волиена шли ожесточенные сражения. Армии Мотца овладели ситуацией через несколько В-дней.

И тут же началась их деморализация.

Вначале, еще до высадки, до них доходили слухи — самые противоречивые, — что «из Центра» не было приказа нападать. Это рассердило людей, которые, что ни говори, а неохотно стали солдатами. Потом же, приземлившись, они увидели… они и представить себе не могли, что возможно такое изобилие, ну буквально горы всего. Муж-

чины и женщины — женщины Мотца охотно служат в армии и являются кадровыми солдатами — ходили по улицам городов Волиена, не веря своим глазам. О Волиене им до сих пор говорили как о планете, полной лишений и очень бедной, нуждающейся в помощи Сириуса. В магазинах и на рынках буквально на каждой улице, в каждом городе, в каждом поселке они видели горы, неэкономно растрачиваемые горы еды: фрукты и овощи, о каких расчетливые мотцанцы никогда даже не слышали; мясо и рыба, приготовленные тысячами способов, одежда невероятно прихотливая и изящная, редкая и восхитительная.

Мотцанцы, в отсутствие четких приказов от «самого Центра», принялись тут же призывать волиенцев немедленно установить рациональное распределение продуктов потребления. Но оно и так уже было рациональным. И мотцанцы не могли поверить. Поначалу они решили, что тут какой-то масштабный заговор, хитро организованная агитка, чтобы создать у них представление повсеместного изобилия. И мотцанцы стали бегать с улицы на улицу, выискивая доказательства ужасающей нищеты и лишений, которые намеревались обнаружить. Но вскоре заговорили буквально как Стил в свой первый

приезд: «Целый наш поселок можно накормить тем количеством, которое они выбрасывают в один день!»

И вдруг куда-то делась их дисциплина, они превратились в обычных захватчиков, стали есть в три глотки и пить — последнее особенно, потому что на Мотце очень мало крепких напитков. Пьяные, сердитые толпы мотцанцев грабили Волиен, а когда опомнились, то устыдились и испугались. Они даже стали приписывать свое поведение какому-то зловещему влиянию атмосферы Волиена. По крайней мере, теперь они хотели одного — поскорее вернуться домой. И солдаты, и офицеры. Из конца в конец Волиена можно было наблюдать, как мотцанцы собираются сперва группками, потом большими группами, потом подразделениями, батальонами и целыми толпами отправляются в космопорты. Нагруженные богатствами Волиена, они садились в космолеты. Не было никаких приказов, ни слова с Сириуса, «из Центра», где шла борьба — и еще идет. Так что мотцанцы просто уехали домой и перестали считать себя сирианами. Этим непосредственным целеустремленным людям было достаточно понять: «Сириус нас обманывал», чтобы задать себе вопрос: «Хотим ли мы считаться сирианами?»

На Сириус отправили следующее сообщение: мы, мол, больше не считаем себя составной частью Сирианской империи и готовы отразить любое возможное вторжение на нашу планету. Но вряд ли кто на Сириусе заметил их непокорность. Зато дезертирство Мотца было замечено его соседом Олпутом, и армии Олпута тут же наводнили Волиен.

Прилагаю донесение нашего агента АМ 5. Боюсь, что в нем чувствуется душевный подъем, который всегда — худший признак военной лихорадки.

К вашим услугам! (давненько *не* слышал я этих слов от Кролгула; кстати, где он?) Клорати! И в такой ситуации вы ждете от меня *рассудительности?* Да кто теперь рассудителен на Мотце! Ох, бедные Воплощения, какой для них был удар, как повисли и волочатся крылья нашей Морали! Нет, я вполне серьезен, поверьте, Клорати. Перед тем, как они отправились превращать Волиен в такую же высокоморальную планету, как и Сириус, никому из них ни разу даже в голову не пришло, а вдруг их образ жизни — не лучший в Галактике. А тем, кто там побывал, не поверили те, кто оставался дома. Прибывшие с Волиена говорили: «У них там целые улицы завалены

едой и фруктами и одеждой, волиенцы едят и пьют, что хотят, а о шмотках таких мы никогда и не мечтали, и все это в бессчетных количествах. В самом бедном доме на Волиене живут лучше, чем у нас в богатейших…». Но в ответ слышали: «Это все вражеская пропаганда! Вы попались на удочку!» — «Нет, это правда, поверьте нам!» Но им не верили, и вот население Мотца разделилось, и больше тут нет единого мышления; мотцанцы не уверены в себе, проклинают Сириус и выгоняют всех, кого заподозрят в том, что он сирианец, меня в том числе.

— Ты шпион, — сказали мне.

— Да, но я работаю не на Сириус. Я агент Канопуса, — сознался я. И объяснил: — Как вы для Волиена, так и Волиен для Канопуса, только если вы отличаетесь от Волиена на один порядок, то Волиен отличается от Канопуса на тысячу порядков. Вам это понятно? Вас ослепило на Волиене слабое мерцание, а вот если бы вы могли себе представить Канопус… — Но меня все же выгнали. Меня не убили: Мотц остается самим собой, приличным и справедливым, пусть и не трезвомыслящим, потому что Воплощения привезли с Волиена воспоминание о магазинах, полных вин и крепких напитков, сотнях сортов. Мне сказали:

«Уезжай». Ну я и поехал на Олпут. На Мотце не осталось ни одного иностранца, ни единого.

Олпут — это вам не Мотц! Если на Мотце существует — *существовал!* — единый тип людей, одинаковый на всей планете, — надежных, работящих, узко мыслящих, дисциплинированных, то на Олпуте живут представители сотен планет; там все приезжие. Когда Сириус стал таким Высокоморальным, после свержения Большой Пятерки, там размножились тюрьмы, и Олпут стал для сирианцев своего рода тюремной планетой; туда высылали лучших и худших людей откуда только можно. Но разнообразие, разноликость олпутцев означает, что в них негибкость и догматичность Морали вызвали цинизм, а не твердую веру, как *было* с мотцанцами. Как отчетливо в этом проявилась правильность нашего закона, гласящего, что государство и империя просуществуют тем дольше, чем больше граждан, не верящих в его пропаганду! Мотц твердо верил в совершенство Сириуса — и Мотц больше не принадлежит Сириусу! На Олпуте самые разные взгляды и верования, там процветают жестокость и деспотизм — и, вероятно, он останется форпостом Сириуса здесь, хотя все остальные колонии объявили себя свободными. Поверьте мне, Клора-

ти, вторгаться на Волиен вместе с Олпутом — не самое веселое, чем я хотел бы вас *потешить.* Все эти расы и человеческие породы, которые (в целом) на Олпуте издавна притерлись друг к другу, видят изобилие и блага Волиена, они непрерывно произносят речи, как принято у победителей, толкуя о своем превосходстве, и Сирианская Мораль подходит для этой цели не хуже, чем любые другие идеи, но ни одно из их внутренних убеждений не изменилось от созерцания богатства и красоты Волиена, от терпимости и доброжелательности его граждан. Олпут перенаселен. Для его обитателей Волиен — подходящее местечко, куда можно переселиться. Они убивают, и убивают, и убивают; не хочу об этом говорить, чтобы вас не шокировать. Что касается «агентов» Сириуса на Волиене, Олпут знал о них не больше, чем Мотц. Из конца в конец каждой колонии Волиена тысячи волиенцев дрожат от страха, и грызут ногти, и потеют по ночам: «*Как* отнесутся к моему предательству (или прозорливости?) эти олпутцы, которые хотя и называют себя сирианами, но никогда не были на Сириусе и знают о нем даже меньше, чем мы?» Некоторые предстали перед этими новыми и ужасными победителями с речью: «Простите, но я считаю себя одним из

вас. Я верю в Сирианскую Мораль...» и так далее и тому подобное. «Ах, вот как, вы верите? — было ответом. И потом: — Ладно, а что вы думаете сейчас?» И целыми сотнями эти сентиментальные агенты оказываются в трудовых лагерях, где им позволяют умереть от голода. Некоторых из них олпутцы наняли в свое Правительство Сирианской Морали (так они называют свой правящий орган) в роли надзирателей.

В том числе, кстати, и Спаскока. Правильно ли я понял, что он отказался от нашего предложения взять его на Волиендесту? Наверное, это смелый поступок. Он сейчас заведует судоустройством и является (наказание соответствует преступлению) специалистом по Морали — изучает, как она влияет на повседневную жизнь граждан.

А теперь небольшая историйка, забавный инцидент, как небольшой лучик света, озаряющий тьму. Все то время, пока Мотц захватывал Волиен, а потом убирался восвояси, Аритамея и ее помощники пребывали запертыми в комнате в здании суда, рассматривая «Обвинение» Грайса. Да, они знали о нашествии Мотца, но разве им не приказали «продолжать заниматься своим делом, как всегда»?

Некоторые солдаты с Мотца, по пьянке, шата-

ясь, забрели в ту комнату, где сидели присяжные, прилежно вчитываясь, делая выписки и сообщая друг другу свои соображения; и, поскольку солдаты понимали, что книги — это хорошо, то они, по-прежнему шатаясь, удалились.

Вскоре появился Олпут. Ох, Клорати, вообразите себе эту сцену, вы только себе ее представьте, я позволю себе удовольствие пересказать хотя бы один инцидент…

Довольно пыльная комната, окна которой выходят во внутренний дворик. Здесь ничего не видно и не слышно. Сюда не доходят звуки вторжения и гибели. Двадцать присяжных: все они сидят вместе в одном конце комнаты, среди них Аритамея, а на небольшой платформе — серьезный, страдающий мужчина — тот самый субъект, читающий выдержки из документа. Они все сильно исхудали, поскольку кормят присяжных плохо, все беспокоятся о своих семьях, все озабочены судьбой Волиена. Но им предписан долг, и этот долг они выполнят. Рассматривается документ — заключительная речь Грайса по иску к Волиену.

Человек, который ее читает, еще не слышал, что эти олпутцы — настоящие скоты, готовые убивать по своей прихоти, поэтому, увидев пя-

терых солдат неизвестного ему типа, — олпутцы сами по себе являются продуктом смешения множества генов, но принадлежность к этой расе придает им неспешность, снисходительность, цинизм, хорошее настроение, в котором они осуществляют все, за что берутся: в этом настроении они едят, пьют, совокупляются, убивают, лгут, обманывают. Так вот, увидев незнакомых солдат, присяжный просто поднимает руку и говорит:

— Минуточку, мы еще обсуждаем наш вердикт. — И продолжает читать: «Вот мои основные положения».

Далее он полностью зачитывает документы:

— «Первое — Вы, Волиен, никогда не предоставляли мне никаких препятствий, чтобы я их преодолевал. С колыбели и до могилы мой жизненный путь мог быть только легким.

Второе. Вы создали мне все условия, чтобы стать изнеженным и потакать своим прихотям, сделали меня не способным отказаться ни от одного своего желания.

Третье. Вы вырастили меня в убеждении, что я могу получить все что хочу, мне принадлежит все, только потому, что я этого пожелал.

Четвертое. Вы обрекли меня на жизнь в атмосфере невыносимой скуки, потому что убрали от

меня всякий риск и опасности, скрывали от меня лицо смерти, вели себя по отношению ко мне, как сверхзаботливая мать, которая полагает, что еда и комфорт тождественны любви…»

— Одну минутку, постойте, — прервал его капитан этого небольшого отряда олпутцев. — Чем это, господа, вы тут занимаетесь?

— Мы, граждане Волиена, выполняем свой долг, исполняя обязанности присяжных суда.

— Кто же вам это поручил?

— Судья Спаскок.

Капитан отсылает солдата найти того, кто сейчас отвечает за судопроизводство, и стоит, слушая чтение.

— «Пятое. Вы никогда не сообщали мне, что, по самой природе, душе волиенца изначально присуща необходимость выходить за пределы своего тела, даже на шаг вперед или вверх над своим мертвым телом, двигаться все вверх и вверх по лестнице эволюции.

Шестое. Вы внушали мне, что есть и пить, спать и развлекаться — в этом и состоит цель жизни».

— Простите, — снова перебил присяжного капитан, — *кто* это жалуется и на *кого?*

— Видите ли, милый, — сказала Аритамея, — в сущности, это пока еще окончательно не реше-

но. Есть Специальный Комитет, он где-то там заседает.

— Боже ты мой, — пробормотал капитан, — ни за что бы не поверил.

— И я как председатель жюри присяжных просто обязана просить вас позволить нам продолжать. Это наш долг, понимаете?

— «Седьмое. Иными словами, вы украли у меня мое неотъемлемое право, а именно: сражаться, бороться, страдать, побеждать, совершать невозможное, творить чудеса…»

Но в эту минуту вернулся посланный солдат и сказал, что какой-то Спаскок, волиенец, назначен Магистром Суда под управлением Сириуса.

— Тогда, полагаю, мы вынуждены позволить вам продолжать свое дело, так? — Олпутец был уже сильно утомлен и чувствовал невероятное отвращение к наблюдаемой им, как он это понял, «обыденной жизни» Волиена, на которую ненадолго бросил взгляд.

— Ну и компания! — сказал один олпутец своему товарищу, когда они шествовали вниз по коридорам на улицу, где намеревались вернуться к своим скромным радостям — грабежам и разрушениям. — Пожалуй, если им требуется немножко грубого отношения, то я лично готов

им это немедленно предоставить!

Так что, Клорати, сейчас я на Волиене в роли переводчика при олпутской армии. Хотите, чтобы я тут остался? Или пора отправляться на Волиенадну? Может, на Волиендесту? Я не думаю, что тут можно что-то сделать. Этими словами я хочу сказать, что не желаю здесь оставаться. По-моему, Волиен — это не более чем колония пятого разряда для распадающейся империи.

Итак, Джохор, я теперь на Волиендесте.

Я приказал агенту АМ 5 оставаться на Волиене. Я велел ему войти в контакт с присяжными и поддерживать его, пусть те впредь считают себя группой, хранящей знания о законах общества, знания, приобретенные за период их усиленных занятий. Спаскок их в случае чего прикроет. Теперь Спаскок *наш* агент, на этот раз не двойной. Я ему сказал:

— Постарайтесь изо всех сил остаться в живых! Если это удастся, вы сделаете большое дело. Прикрывайте группу присяжных, возникшую при рассмотрении иска Грайса, они понадобятся всем волиенцам, когда уйдет Олпут, а его уход неизбежен, потому что Сирианская империя окончательно распадается, и в конце концов появится строй, основанный на истинном зна-

нии о принципах организации общества, на истинных социопсихологических законах. И наступит время, когда именно под влиянием Волиена начнется изменение всех планет этой части Галактики. А пока необходимо охранять эту группку ранимых личностей. В этом и заключается ваша задача.

Теперь скажу о Волиенадне, а уже потом перейду к делам на Волиендесте.

На этой суровой планетке всё, за исключением ледяных вершин, уже сияет мягким красным цветом, я это увидел, когда облетал ее на своем космолете. По призыву Колдера организации рабочих основали подземные предприятия: там изготовляют несколько тысяч наименований продуктов питания из рокноша. Все в восторге от Кролгула, восхищаются его предусмотрительностью, так что он стал фактическим хозяином планеты. Предприятия подземные, — местные жители не забыли, что я им говорил об опасности вторжений. Сириус вторгся, опять-таки по секретному приказу, слишком поздно аннулированному Сомневающимися: целью их, конечно, были минералы этой планеты. Но армия, под маской «Сириуса» оккупирововавшая эту планету, представляла собой самую дикую смесь народов

— там были войска нуждающегося в территориях Олпута, а также солдаты нескольких других планет, которые служат для Сириуса своего рода фабриками по производству резиновых товаров; и всем им отчаянно нужны минералы, потому что империя распадается. Эта армия была, по сути дела, конгломератом многих армий, народы которых не ладили друг с другом, их объединяло только одно — ненависть к этой суровой холодной планетке (сплошь тундра да скалы), населенной суровым сердитым народом. Олпут получает пропитание с Волиена, и армиям было приказано перейти на самообеспечение. Колонии-производства почувствовали, что Сириус их бросил, после чего тут же объявили себя независимыми от Сирианской империи; понятно, что продукты так и не появились. Хаос и голод царили повсюду, борьба между армиями и фракциями армий велась по всей Волиенадне. Колдер со своими людьми видели все это и однако помалкивали о чудесном растении — источнике калорийной еды, заполнявшем все их подземные хранилища. А когда пришельцы увидели, как местные жители соскребают со скал какую-то красноватую корку, их обманули, сказав, что это лишайник, якобы используемый для окраски

тканей и в горной промышленности. Армии-завоеватели жестоко голодали.

Колдер со своими людьми решил подкупить их, чтобы они скорее уехали, предложив им еды достаточно, чтобы эти многонациональные армии смогли благополучно вернуться домой, на свои самые разные планеты.

— Еда! — невесело усмехались олпутцы и голодающие солдаты других армий. — Какая еда? Откуда вы ее возьмете?

— Мы отдадим вам все свои продовольственные запасы, хранящиеся на случай неурожайного года, — у нас, вы знаете, бывают такие годы, когда месяцами идет снег. Нам пришлось создать резервный фонд.

— Покажите нам!

Им показали некоторые подземные хранилища, специально подготовленные, снабженные только малой частью бесконечно разнообразных пищевых продуктов, которые можно изготовить из рокноша. И захватчики убрались восвояси, забив отсеки космолетов не очень привлекательной пищей, сочувствуя волиенаднанцам и презирая их, но даже не подозревая, что под поверхностью их планеты повсюду имеются переполненные продуктами хранилища.

Итак, Волиенадна не зависит от Волиена и от Сириуса, ее экономика с каждым днем становится все более разносторонней, и ее суровый климат быстро меняется под влиянием нового растения. Жизнь на Волиенадне, еще недавно самая бедной и пустынной из пяти планет, составлявших «Империю» Волиен, в ближайшее время станет наиболее легкой и приятной, и впереди у нее как минимум четыре-пять веков неуклонного прогресса.

Я не вижу необходимости в нашем присутствии тут и, с вашего согласия, предполагаю вывезти всех агентов, кроме агента АМ 59, которой будет полезно пережить Погружение в оптимизм и надежность. Я ей сказал, что она остается здесь для всеобщей пользы, но на самом деле это нужно в первую очередь ей самой.

На космодроме Волиендесты меня встретил Инсент. За ним маячил Кролгул, с беспокойством наблюдавший за молодым человеком, его взгляд устремился ко мне, когда я направился в их сторону, потом снова обратился к Инсенту и смотрел на него так, как будто хотел его проглотить и переварить. Жалкий шамматянин, все происки которого оказались бесполезными и бессмысленными. Инсент довольно улыбался, гордый своим

умением противостоять Кролгулу.

— Мы с ним покончили, — сказал он мне, когда Кролгул, как обезьяна, крутился и гримасничал возле нас, сморщенный и исхудалый, в своей нарядной униформе военного типа.

— Боюсь, что это временно, — уточнил я.

Кролгул старался расслышать наш разговор, так что я повысил голос:

— Я говорю, Кролгул, что вы только на время потеряли свою самонадеянность и гордыню.

— Почему это вы, канопианцы, так нас ненавидите? — ныл он. — Что мы вам сделали? Чем мы хуже остальных? У всех планет бывают периоды взлета и упадка. И недоброжелатели просто наизнанку вывернутся, чтобы свое урвать. Но Канопус всегда тут как тут, готов помочь. Даже если у него самого полно проблем. Когда Империя Волиен была на пике своего развития, разве Канопус отворачивался от его колоний?

Он бежал рядом с нами, а иногда даже падал на четвереньки, но тут же вскакивал и снова забегал то вперед, то назад.

— Да, — согласился я. — Мы действительно стремимся помочь другим. А вот вы всегда были только вороватой лживой планетой.

— Ты сам говорил, — тявкнул он, — что импе-

рии поднимаются и приходят в упадок, у них есть свои законы развития, которые они не могут преодолеть.

— Да, но ты-то, Шаммат, очень даже можешь себе помочь.

— Что? — Инсент в негодовании остановился. — Этим животным лучше бы…

Кролгул тоже остановился, опершись костяшками пальцев одной руки о землю, и смотрел на меня снизу вверх. Его глаза выражали только голодное отчаяние.

— Чем мы можем себе помочь? Чем — что ты такое говоришь, канопианец?

— Вы поставили себя в оппозицию абсолютно ко всем, причем с самого начала своей истории. С первых моментов существования Шаммат как планеты вы считали Канопус лучшей и самой блистательной планетой — вот и решили воровать у всех, но в основном у нас. Вы изучали нас, думали о нас множество Ш-лет подряд. Вам известно о нас многое. Вы очень хорошо знаете, что вам следует делать и чего не следует. Когда вы лжете и воруете, устраиваете провокации и плетете интриги, вы прекрасно отдаете себе отчет в своих действиях.

Мои слова остановили Кролгула, он так и за-

стыл на одном месте, упираясь кулаком в землю, глядя на меня снизу вверх, взгляд его был нерешительным.

— Только посмотрите на него! — с негодованием сказал Инсент. — Зачем зря тратить время, Клорати? Ведь они *не* знают. Все махинации Шаммат против нас, их подлости, творимые при распаде Волиена, ни к чему не привели, ничего им не дали, потому что они *не* знали, они представления не имели, как скоро вторгнется Сириус, так что все их старания пойдут прахом.

— Ну конечно же, — заспешил Кролгул, обеспокоенный, жаждущий подсказки. — Мы ничего не знали. А вы нас не остановили, вы не предупредили… — И он начал скакать и буквально бесноваться от ярости и разочарования.

— Вы его только послушайте, — ехидничал Инсент. — «Вы нас не остановили», — говорит этот тип, как будто не сделал всего, что можно, дабы погубить нас и уничтожить, он ведь мной воспользовался как насосом или сифоном, чтобы украсть энергию Канопуса. «Вы нас не остановили», да уж! — И он лягнул Кролгула, а тот по-собачьи взвизгнул и остановился, потирая то место, на которое приземлился ботинок Инсента.

Инсент сам себе удивился, боялся взглянуть на меня, пристыженный, не смотрел на Кролгула, который, непонятно от чего вдруг осмелев и приободрившись, бросал на юношу быстрые торжествующие взгляды и незаметно пододвигался поближе, выставляя вперед свой зад, как бы приглашая пнуть его еще раз.

— Есть не один способ подпитывать Шаммат энергией Канопуса, — заметил я.

— Ой, Клорати, простите меня, что мне делать? Конца нет моей глупости. — Инсент был готов заплакать.

Кролгул, видя, что и эта возможность от него уплыла, снова выпрямился, но, казалось, ждал еще чего-то.

— Кролгул, — обратился я к нему, — поскольку ты так долго думал только о Канопусе, ты узнал многое о Цели, о Законе, об Ориентации. Однако ты использовал все свои знания только для зла. Спрашивал ли ты себя когда-нибудь — задавались ли обитатели Шаммат вопросом: а что бы случилось, если бы шамматяне пришли к канопианцам и сказали: «Научите нас, мы больше не будем воровать»?

В ответ на это шамматянин подошел украдкой, глупо ухмыльнулся, стал извиваться и осклабил-

ся, но в то же время он казался сильно испуганным, и я понял, что наступит день, когда…

И я сказал ему мягко:

— Кролгул, тебя, может, удивит, если я заявлю, что Шаммат понимает нас лучше, чем любая планета в Галактике; пожалуй, не меньше, чем Большая Пятерка Сириуса, члены которой томятся в изгнании, ожидая, когда же население распадающейся империи наконец правильно их поймет. Есть много путей к Цели. Когда ты захочешь все понять, что тебе следует делать в первую очередь?

— Это животное, — промычал Инсент, — эти жуткие шамматяне, о *нет,* Клорати, не можете же вы…

И действительно, Кролгул торжествующе приплясывал, ужасно смахивая в этот момент на обезьяну или паука — одни глаза и конечности — и распевал:

— Лучше, чем… лучше, чем… мы лучше, чем…

— Этого я не говорил и даже близко не намекнул, — одернул его я. — Что это ты придумал?

Но Кролгул, в экстазе от своего успеха, ринулся прочь, повизгивая и тявкая:

— Лучше… лучший…

Инсент молчал какое-то время.

— Клорати, объясните мне, для чего вы это ему сказали?

— Он запомнит мои слова. Он их как следует обдумает, когда опомнится.

Инсент, сейчас спокойно шедший рядом со мной к дому Ормарина, был уже далеко не тем самоуверенным, самодовольным парнишкой, который встречал меня на космодроме. Казалось, он отрезвел, даже устал.

— Лучше бы я этого не знал, — сказал он. — Трудно нести в себе такие мысли о Шаммат. Одно то, что привыкаешь быть настороже каждую минуту дня и ночи, достаточно плохо, не говоря уж о необходимости помнить, что животное… что животное…

— Ну же, Инсент, договаривай. — И наступило долгое молчание.

Мы уже были около дома Ормарина, когда Инсент наконец сказал:

— Я был его добычей животного. Чем я сам стал в результате?

Вы уже поняли, что Инсент стал именно таким, как я надеялся; полученные им уроки — и тут, на Волиене, и на планетах Волиена, — позволили нам сделать этого парня таким, чтобы он соответствовал нашим планам на будущее. Инсент

еще пока слаб, и очень; он легко раним, эмоционально неустойчив, вряд ли сможет решительно противостоять тому, во что его попытается втянуть Кролгул. Но он больше никогда не будет корчиться в экстазе, наслаждаясь страданием, никогда больше не станет жертвой красноречия. И я могу сообщить, что все наши агенты удачно прошли через это испытание, окрепли и закалились, и теперь могут брать на себя побольше ответственности.

Но я еще должен подать вам рапорт о положении дел на самой Волиендесте.

Сириус, когда он еще функционировал как империя, вынашивал разные планы относительно своих членов. ВЭ 70 и ВЭ 71 были предназначены для снабжения Сириуса армиями, нужными ему для вторжения на Волиенадну, а впоследствии для завоевания окраин Галактики. Этим планетам, конечно, в будущем предстоят победы, но действовать им придется на свой страх и риск. Судьба Волиенадны следующая: ей предназначено оставаться оккупированной планетой бесконечно, для обеспечения поставок минералов. Сириус не ожидал, что Волиен будет особенно сопротивляться вторжению и оккупации, потому что там имелось большое количество его агентов,

да и население в целом значительно ослабло, восхищаясь Сирианской Моралью. Впрочем, Сириус мало думал о народе Волиена, считая его окончательно развращенным и ослабленным легкой жизнью.

Волиендеста — вот где Сириус сосредоточил свои основные усилия. Здесь предполагалось основать Генеральный Штаб для управления планетами, которые были когда-то «Волиенами», и для расширения своей империи.

По всей этой планете они понастроили шоссе, базы, целые города, которые должны были стать сирианскими. Повсюду готовы лагеря и поселки, в которых влачат жалкое существование рабы — строители этих дорог, баз, городов. Их привезли с самых разных планет, находящихся на различных стадиях развития, но за время совместных страданий рабы установили между собой контакты, игнорируя свои различия в развитии, чтобы вместе разработать планы своего освобождения, восстаний и революций — против Сириуса. Но Сириус еще не переселился на эту планету.

Вся Волиендеста охвачена ожиданием вторжения со стороны Сириуса. Здесь полно беженцев с Волиена, которые занимают города и базы, изначально запланированные для сириан.

Иными словами, в противоположность ВЭ 70 и ВЭ 71 (Мейкен и Словин), в противоположность Волиенадне, эта планета, так же как Волиен — хотя они богаче Волиена — битком набита всевозможными расами, типами, родами, нациями, классами, народностями, племенами, кланами, сектами, кастами, разновидностями и даже видами; всех их объединяет *ожидание.*

На Сириусе, планете-метрополии, существующие фракции при любой возможности затевают войны. Они сражаются друг с другом на улицах, они бесконечно спорят в залах заседаний, парламентах и секретных комнатах, они плетут интриги, переходят из одного лагеря в другой, обещают вечное братство, убивают противников. Сомневающиеся, бесспорно, стоят у власти, если смотреть с формальной, правовой точки зрения, но носители «Морали» просто издают приказы и команды, в зависимости от того, что в данный конкретный момент взбрело в голову политическим лидерам и командирам армии. Сирианская империя распадается. Одна далеко расположенная планета Империи получила приказ напасть на другую, которая восстала, но не успели они выполнить этот приказ, как тут же приходит другой. Планеты просто заявляют о своем выходе из

состава Империи, о своей независимости. В пределах каждой планеты идет война, физическая или словесная, — это прежняя администрация, которая руководствовалась приказами Сириуса, воюет с новыми правителями, которые презирают прежних как трусов и марионеток. Планета объявляет о своей независимости, причем у власти стоит правительство, которое может быть сброшено завтра, но планета по-прежнему остается независимой, хотя цели у всех политиков самые разные: одни лидеры хотят вторгнуться к более богатому соседу, а другие — предложить ему сотрудничество. Сейчас возникло столько же новых альянсов между планетами, только что освободившихся от бремени Сириуса, сколько происходит вторжений, столько же заключается договоров, сколько и предъявляется ультиматумов — Сириус мертв, подчиняйтесь нам! — и при этом все постоянно сражаются и воюют. Перемена — закон времени: все движется, все изменяется, куда ни взглянешь. И повсюду суется Шаммат из злобной Империи Путтиоры. Она идет на все, подстрекая других на раздоры, конфликты и войны, питаясь утечками энергии распада.

Известно, что несколько раз Волиендесте грозило неизбежное вторжение разных планет.

Ормарину, наконец, отдали должное. Востребованы все его многосторонние достоинства… Он сам очень доволен. С одной стороны, сам ход событий исцелил этого человека, разрешив его вечные душевные противоречия, которые всегда его мучили. Теперь Ормарин выступает от лица миллионов рабов, его зовут на все секретные сборища, он объединяет беженцев с Волиена, участвуя в их планах пережить оккупацию и организовать сопротивление, он повсюду… и Ормарина, увы, не оказалось на месте, когда мы с Инсентом прибыли в его штаб.

Мы решили поехать в Специальный Госпиталь, специализирующийся на болезнях, вызванных Риторикой, и посетить там Грайса, проходящего лечение в отделении Риторической Логики. Признаюсь, я волновался за Инсента, я так ему и сказал. Он был полон веры в себя и даже настаивал на том, чтобы его немедленно отвели в отделение Основной Риторики, и мы через наблюдательное стекло посмотрели на нескольких страдальцев, бившихся в лапах тех же страшных симптомов, которые были присущи ему самому так недавно. В основном это были беженцы с Волиена, человек двадцать юношей и девушек, в самой разной одежде, которая сильно смахивала

на униформу. Они сбились в тесную кучу на полу, раскачивались взад-вперед и распевали похоронную песнь или поминальную, в общем, самого унылого рода, в которой есть такие слова:

Мы победим,
Мы победим,
Мы победим однажды.
Да, все мы верим горячо,
Что победим однажды.

Впервые эта поминальная песня зародилась несколько В-тысячелетий назад на Волиене, в то время, когда он был колонией Волиенадны, смысл ее — выражение безнадежности жизни рабов.

— Странное дело, — сказал я Инсенту, — понадобились *слова* настолько энергичные, чтобы компенсировать унылость этого напева.

Он молчал, всем своим существом выражая определенные — слишком ему знакомые чувства.

Бедные страдальцы, все еще переживая тот момент, когда их дилетантская оборона была сметена вторжением мотцанцев, произносили нараспев:

Нас не сдвинуть,
Они не пройдут!
Нас не сдвинуть,
Они не пройдут!

Инсент заплакал и трагически вопросил:

— Видели ли вы, Клорати, что-нибудь более *трогательное*'?

— Инсент, сейчас же прекрати. Ты хочешь заново пройти весь курс лечения?

— Нет, что вы! Простите. — И тут же взял себя в руки.

— Думаешь, я могу рискнуть — взять тебя с собой в отделение Риторической Логики? — поинтересовался я.

— Да, да, конечно, можете.

— Впрочем, там вряд ли все выглядит так же *трогательно,* как в этом отделении... Ну, посмотрим.

Еще до вторжения мотцанцев на Волиен мы предложили вывезти всех, кто готов к отъезду. Грайс шатался по помещениям суда, тощий, зеленый, мертвенно-бледный, с восторженным взглядом, непрестанно бормотал фразы типа: «Если А равняется В, тогда С должно равняться D»; «Если взять фунт маринованных перцев, тогда

получается, что ночь это день...»; «Пусть А обозначает Истину, а В — ложь, тогда С означает...»

Мы взяли его, Инсент и я, за руки, чтобы бедняга понял, что мы тут, с ним, и сказали:

— Грайс, вы больны. Поехали с нами.

— Болен? Я губернатор Грайс, я подал в суд на Волиен за... Кто вы? А-а, это вы, Инсент. Мы что же, проиграли процесс? Это вы, Клорати? Но я же прав, верно? Только взгляните на меня, Клорати, и вы, Инсент. Какой вздор! Это все по их вине. Если бы меня хоть раз в жизни взяли за руки и заставили смело посмотреть на...

— Мы берем вас за руки, Грайс, не волнуйтесь, — сказал Инсент, сам уже на грани нервного срыва из-за состояния Грайса.

— В конце концов, все мои генетические коды в порядке! Я их проверил! Но почему же *всё*, за что я ни возьмусь, летит прахом?

— Не всё, Грайси, — утешал Инсент, дружески поглаживая и похлопывая его. — Может, вы решили, что тут вышло что-то вроде фарса, но...

— Фарс, вы говорите? Это было единственное стоящее дело, которое я сделал за свою жизнь. Или это был вздор? Да, да, и за один В-год по местному времени, но много лет спустя после смерти нас обоих... И чем скорее земля Волиена

избавится от моего бесполезного бремени…

— Да, да, да, — кивал Инсент. — Но я хочу сказать, что весь этот вздор, как вы его назвали, в один прекрасный день позволит тем присяжным показать людям новый путь…

— Вздор, да, именно так. Я и есть тот хлам, из которого делается вздор.

Я устроил Грайсу переезд на Волиендесту и поместил его в Специальный Госпиталь, где лечили болезни, вызванные Риторикой.

В большой белой комнате с простым черным полом, абсолютно лишенной мебели, за исключением нескольких простых стульев и, конечно, наших логических схем, мы обнаружили Грайса — он был там в полном одиночестве. Было заметно, что ему намного лучше, он был поглощен своей терапией.

СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИКИ

I. Если некий правитель имеет незыблемые права по определению, потому что он воплощает прогрессивный ход Истории, тогда неудачное назначение на должность, осуществленное им самим или его министрами, по определению является актом враждебности к самой Истории. Используя социориторические измерения, вы-

числите, каким должно быть наказание.

Варианты: 1) смерть; 2) жестокие пытки; 3) заключение в тюрьму.

II. Поскольку никто из нас не знает результатов собственных поступков, определите взыскания, подходящие за вообще какие-либо действия.

1) Смерть. (Очевидно, на этот вопрос есть только один ответ.)

III. В истории Северо-Западных Окраин Шикасты был период, когда женщины были обречены на безнравственность, согласно критериям (словесным формулировкам), произвольно установленным мужским религиозным правящим классом. Женщин подвергали пыткам, с целью заставить их исповедаться мужчинам и признать свою вину, а потом сжигали насмерть. Их родные, если у них таковые имелись, были вынуждены оплатить (или продать для оплаты имущество) стоимость дров для костра, на котором сжигали злоумышленниц, а также время и труды лиц, проводивших допрос, и исполнителей приговора.

Это прекрасный, непревзойденный пример Логики предоставляет неоценимые сокровища тем, кто займется истинным созерцанием. Созерцайте его, а потом обсудите.

IV. Прочитайте «Размышления президента

Мотца». Потом, исходя из Сирианской Морали, определите степень Субъективной и Объективной Вины в следующем рассказе:

«Преданный сторонник Партии Морали сделал ошибку в суждении, которая вызвала смерть нескольких миллионов людей от голода, в то время как он изначально провозгласил своей целью установить Правительство Морали, предназначенное улучшить судьбу этих самых миллионов несчастных».

V. Рассчитайте, сколько движений на Логарифмической Спирали требуется, чтобы перейти от «Эта персона есть воплощение прекраснейшего цветка класса Морали» до «Посмотрите, что сейчас выползло из этой деревянной конструкции!»

VI. Рассчитайте на Логарифмической Спирали параметры выражения «Тот, кто не с нами, тот против нас». Обсудите.

VII. Начертите, нарисуйте, вылепите или иным путем представьте наглядно свою собственную концепцию Логики Истории.

VIII. Тезис: Сирианская Мораль по определению должна улучшить те части Галактики, куда доберется.

Антитезис: Но на самом деле она распространяет тиранию, нищету, рабство и лишения.

Синтез:?

Грайс выглядел намного лучше. И хотя лицо у него было по-прежнему изнуренное и землистого цвета, он сразу нас узнал и радостно приветствовал.

— На эту планету планируется нападение, — сказал я.

— Надо же, — прохныкал Грайс, и у него начался рецидив. — Естественно, стоило мне оказаться тут, почувствовать себя лучше, как тут же намечается вторжение Сириуса. Чего же еще следовало ожидать?

— Боюсь, до полного выздоровления вам далеко, — заявил я. — Но нападет на этот раз не Сириус. Так что можете успокоиться.

— Ясно, вы намекаете на то, что я был шпионом! — надулся он. — Ну, я об этом довольно много думал. Вот, допустим, шпион — тот, кто предает интересы своей страны, — а потом вдруг оказывается, что на самом деле, по какой-то причуде истории — прошу прощения, я хотел сказать: динамике истории, — или по логике событий указанная страна, в конечном итоге, выиграла от его поступков…

— Советую вам внести этот вопрос в свои риторические изыскания… — сказал я.

Но ничего, с Грайсом все будет в порядке.

Планета Мотц, деморализованная, растерянная, неспособная предписать себе средства для исцеления, помнит Грайса, сидевшего в библиотеке и читавшего, Грайса, разглагольствующего о социоэкономических законах, Грайса, которого они считали сумасшедшим.

А сейчас они намерены пригласить его на должность советника по Сравнительной Планетологии. Я посоветую Грайсу согласиться.

Поскольку Ормарина все еще нет, я воспользуюсь возможностью маленько оклематься. Нет смысла притворяться, будто на мне не отразилась сверхсуперэмоциональность последних событий. Инсент тоже чувствует необходимость в передышке. Мы станем добровольными пациентами в отделении Основной Риторики, это такое специальное отделение для аннулирования всех стимулов. Так что полутемная тихая изолированная комната с высоким потолком в гостинице на Волиене послана нам самим Богом.

Ормарин — Клорати

Мне сообщили, что вы сейчас на Волиендесте. Меня это известие очень обрадовало. Что скрывать, я возмущен некими сплетнями, о которых,

я уверен, вы наслышаны. Я, конечно, говорю о возможном вторжении на нашу планету. Честно признаюсь, вы меня предупреждали об этой возможности, и теперь я и мои коллеги приняли все возможные меры для укрепления нашей обороноспособности. Но с недавних пор наши агенты сообщают о передовых соединениях небесных войск, которые не раз наблюдались в районе внутренней пустыни. То есть это соединения *отдельных* солдат, которых, если верить отчетам, доставляет сюда космолет и по порядку выпускает, ну а дальше они совершают полеты самостоятельно. Я был бы благодарен вам, как большому знатоку Галактики, за совет. Мне всегда казалось, что я знаком со всеми, самыми разными видами существ, какие только были объединены под гегемонией Сириуса, — хотя его господство, насколько я понял, сейчас осталось в прошлом? — и все же ни я, ни кто-либо из моих коллег никогда не слышали о разновидности, имеющей крылья.

Клорати — Джохору

(к докладу также прилагается вышеприведенное сообщение)

Из письма Ормарина я понял, что, как бы он ни изменился за то время, что стал — по существу, не по названию — правителем планеты, он, по сути своей, остался тем же, кем и был, — государственным служащим.

Понял я и то, что напрасно не взял на себя труда поразмыслить, как тут должны будут воспринять армию ВЭ 70 (Мейкена). За тот срок, который для нас покажется коротким, а для них долгим, ВЭ 70 пережил перемену, а именно — социальный, если не генетический скачок вперед в эволюции. Летучие твари одного вида, выносливые и поддающиеся дрессировке, широко распространены на всей планете ВЭ 70: там они считаются компаньонами или социальной прослойкой. На ВЭ 70 плохо с транспортом и рабочим скотом. У них нет таких видов, которые можно было бы специально развить в этом направлении. Летучие пипизавры восполняют это отсутствие, переносят грузы на дальние расстояния, снабжают население шкурами, необходимыми для одежды и разных хозяйственных потребностей, а выделения их желез очень нужны на этой планете, где нет

особого изобилия продуктов питания, так что в ряде регионов часто можно увидеть, как жители едят и пьют исключительно эти выделения, приготовленные по разным рецептам. На ВЭ 70 такой тесный и гармоничный симбиоз между этими двумя видами обитателей планеты, что ребенок более развитого вида при рождении получает детеныша пипизавра в полную свою собственность, и эти двое малышей растут вместе, вместе спят и разделяют жизненное пространство, хотя едят чаще порознь. Пипизавры по своей природе потребляют в пищу птиц и насекомых, и поэтому им не разрешается размножаться бесконтрольно: было время, когда на Мейкене практически не осталось птиц и насекомых, потому что расплодилось огромное количество пипизавров. Практика снабжения каждого младенца детенышом пипизавра, в количестве не более одного, служит методом контроля их численности. Вы легко можете себе представить, какие близкие узы связывают людей и животных, и если один из них умирает, как велика потеря для партнера; часто оставшийся в живых будет очень страдать, тосковать и умрет или покончит жизнь самоубийством.

Пока Мейкен находился под властью Волие-

на, его рассматривали как сырьевой придаток, снабжающий элиту «Империи» продуктами производства пипизавров. Также он был любимым местом отдыха, хотя и считался отсталым и примитивным краем: избалованные правящие классы Волиена любили посещать планеты, обитатели которых были близки к природе, и большой интерес представляли сентиментальные художественные изображения «дикарей» с их стадами.

Находившейся под владычеством Волиена планете не разрешалось иметь своей армии. Правду сказать, Волиен боялся солдат, которые могут свободно функционировать и на земле, и в воздухе. Но втайне такую армию готовили. И недаром каждый пипизавр от рождения знал свое место рядом с хозяином или хозяйкой, жил и воспитывался с ним вместе. Таким образом обучение и вооружение партизанских войск практически было незаметным для властей Волиена.

Поэтому Мейкен первым победил Волиен, причем с легкостью, благодаря боеспособности своих армий. Мейкен помог Словину прогнать захватчиков, а потом, думаю, это вас не удивит, остался на Словине для оказания им «помощи»: иными словами, Мейкен теперь успешно управ-

ляет Словином. Для Мейкена началась эпоха превращения в империю, такую, которая победит ближайшие планеты, где ныне царит хаос и идут гражданские войны, — словом, все планеты, до недавнего времени подчиненные Сириусу. Но Мейкен этого не знает, не строит таких планов. Его жители считают себя необычайно благородными, истинным воплощением Морали, наследниками Сирианской Морали.

И та фракция на Мейкене, которая победила вооруженные силы Волиена, даже называла себя «Сириус». Мейкен не имеет ни малейшего представления о беспощадности Сириуса, о произвольной необоснованной жестокости, характерной для последних дней той империи. Идеалистически настроенная молодежь Мейкена слышала россказни о его «Морали», была очарована языком знати, слухами о Золотом Веке, о Справедливости, о Свободе, о Праве на Выбор, о — конечно — Логике Истории, ну и обо всем прочем. Именно под песни о Сирианской Морали Мейкен освободил, а потом оккупировал Словин. Когда армии Мейкена проводили учения в небесах над своей планетой и над Словином — а недавно, осмелев, и над пустынями Волиендесты, — они пели о Морали, и их боевые кличи сулили Мир и

Благоденствие.

Но я не дал себе времени подумать о том, как все это должно было поразить бедного Ормарина, который никогда не видел огромных летающих животных, никогда не представлял себе, что животные могут быть разумными помощниками — более того, друзьями, кровными братьями, потому что когда младенец получает пипизавра в свое полное распоряжение, еще до того как сам научится толком ходить, взрослые надрезают вены обоим малышам, чтобы они обменялись кровью.

Я отправился к Ормарину в лагерь рабов, на равнину между гор, где растут плантации неких ягод, из которых тут готовят напиток-стимулятор. На этих плантациях трудятся лишь рабы. Лагерь, состоящий из рядов одинаковых однокомнатных жилищ, тянется бесконечно во все стороны. Я стоял в центре лагеря и ждал. Рабы, или бывшие рабы, все из колонии Сириуса за номером 181, никогда не спаривались ни с кем, кроме представителей своего рода, так что в этих лагерях повсюду встречаешь только этих очень высоких, гибких, с длинными конечностями людей, с кожей равномерно желтого цвета; их высокий рост и невероятно длинные руки помогают им соби-

рать ягоды. На планету С 181 вторженияне было, и ее обитатели развивались единообразными. Стоя там, я ощутил незнакомое чувство, которое назвал бы отупением от отсутствия разнообразия или раздражителя. Всюду вокруг меня эти совершенно одинаковые высокие, желтокожие, веретенообразные люди, с черными глазами. Пока я ждал прихода Ормарина, я подумал, что здесь, на Волиендесте, на улицах городов можно часами наблюдать людской поток и ни разу не увидеть двух одинаковых лиц или фигур. На Волиендесту так часто нападали, ее постоянно заселяли, «защищали»; да и сама она так долго вторгалась на разные планеты, так долго и тщательно смешивались в различных комбинациях гены, что у аборигенов не появилось какого-то одного общего типа; тут встречаются люди высокие, тонкие, синеглазые и светловолосые; попадаются и низенькие, толстые, темноволосые и черноглазые; здесь есть обитатели с кожей любого цвета — от белого, как сметана, до иссиня-черного; ну и, разумеется, полным-полно всевозможных комбинаций. Я никогда не устаю наблюдать на Волиендесте бесконечную изобретательность нашей Галактики. И это не только аборигены: выходцы с Волиена также разнообразного облика,

потому что сам Волиен тоже не раз побеждали и на него вторгались, и он сам многократно вторгался на другие планеты и побеждал их. Выходцы с Волиена и аборигены росли вместе на протяжении пятнадцати В-веков. На этих двух планетах, Волиене и Волиендесте, жители были такие разнообразные, что похожих на них людей можно встретить по всей Галактике. Обитатель Волиендесты считает само собой разумеющимся, что он вряд ли когда увидит двух персон, сильно смахивающих друг на друга; а если двое сходны внешне, то это вызывает крайнее удивление.

Рабы с планеты С-181, как и другие рабы, завезенные Волиеном, рабы, которых империя использовала для прокладывания дорог и строительства космодромов, жили в лагерях сами по себе и вряд ли встречались с коренным населением.

И я начал понимать, стоя там, тревогу, даже антипатию, часто высказываемую волиендестанцами по отношению к этим людям. «Они как будто отштампованы из одного материала и по одному шаблону», — заявляли те с раздражением.

А мейкенцы? Что увидят волиендестанцы, когда те вторгнутся на их территорию?

Ормарин пришел на встречу со мной один, прошагав между рядами лагерных палаток. Я знал, что в эти дни он редко бывал без сопровождения группы «коллег», своей свиты, так что он наверняка все еще боялся, не примут ли меня за шпиона с Сириуса.

Ормарин курил свою трубку, и на лице его играла дружелюбная свойская усмешка.

О трубке следует сказать особо: из-за восхищения Ормарином курить трубку стало крайне популярным. Из конца в конец планеты жители держали во рту небольшие крепкие деревянные предметы, испускающие дым. На Волиендесте не так много лесов, как хотелось бы; поскольку древесина тут в дефиците, нашли хождение другие материалы. И вот этот внешний атрибут душевного спокойствия, надежности и здравого смысла утратил свое значение, когда все население пристрастилось к курению; так что выпустили закон, согласно которому только официальные лица определенного ранга могут курить трубки. И теперь в любой толпе можно отличить высокопоставленного чиновника по трубке, которую он курит. Курение стало, пусть вас не удивит это известие, тайным ритуалом в лагерях рабов. Можно даже передавать сообщения в зависимо-

сти от способа, которым разжигают трубку: как ее держат, как заполняют табаком; как выпускают дым. Высший чин выкажет свою добрую волю или благоволение, пригласив подчиненного поучаствовать в ритуале курения в особом случае.

— Курить будете? — первым делом спросил меня Ормарин, когда мы вместе оказались там, среди безобразных низких жилищ рабов с планеты С 181. Он курил, я — нет.

Этого грубовато-добродушного великана явно беспокоили мои расспросы.

— Ормарин, — сказал я, — сейчас я вам опишу положение, в котором вы оказались. Остановите меня, если я отклонюсь от темы… Вы объехали и обошли всю свою планету, объединяя рабов и свободных граждан, волиендестанцев и бывших волиенцев, беженцев и чиновников с Сириуса, которые тут осели, — вы объединили планету в целеустремленной страстной решимости защититься от вторжения.

— Верно! — воскликнул он. Ормарин стоял прямо, глядя мне в лицо серыми глазами и крепко зажав в зубах черенок дымящейся трубки, в которой угольки раскалялись докрасна и потом тускнели, снова вспыхивали и снова тускнели.

— Вы собираетесь обороняться от Сириуса…

— Да ведь вы говорили, что он вторгнется.

— К вам вторгнутся от имени Сириуса, но войскам этим не понадобится ничего из того, что подготовил Сириус для облегчения своего вторжения, — ни дороги, ни космопорты.

Он кивнул:

— Значит, вы ошиблись?

— Поскольку я знаю точно, какая именно планета намерена напасть, я могу посоветовать вам провести исключительно психологическую подготовку.

Ормарин призадумался, опустив вдоль тела руку с трубкой, которую он вообще-то не так уж и любил курить.

— По крайней мере, мы объединили планету. Это уже хорошо.

— И небось собираетесь сражаться каждый до последней капли крови?

— А как же иначе? — напористо спросил Ормарин и отчаянно задымил, так что его тут же окутали клубы дыма. — Мне кажется, все равно, какая планета, хуже Сириуса точно не будет. Только не надо мне говорить, что нам снова придется выслушивать весь этот бред насчет Морали.

— Боюсь, что придется.

— Я, знаете ли, предпочел бы планету, которая называет себя кровожадной, жестокой, уж лучше пусть ее целью будет что-нибудь от нас поиметь. Боюсь, еще одна доза всей этой Морали меня доконает.

— Неужели вас так беспокоят слова? — спросил я. Откровенно говоря, мне уже и самому порядком поднадоели все эти разговоры о Морали.

— По крайней мере, не придется осваивать новую лексику для общения с новыми правителями, — заключил Ормарин.

— Да почему вы принимаете как должное, что вас победят? — полюбопытствовал я.

— Не знаю — видимо, из-за донесений об этих — *кто они там*, Клорати? Полулюди, полуптицы? Я и представить себе не мог… скажу вам, я до смерти испугался! Вам-то я признаюсь, а товарищам не могу, конечно… — Передо мной был измученный страхом человек, он даже съежился. — Я знаю, мы, жители Галактики, можем быть каких угодно обликов и размеров. Хотя, по правде сказать, мне понадобилось кое-какое время, пока я привык к этим… — И мы оба посмотрели на людей с С 181, которые окружили нас, с любопытством рассматривая; но у всех них был пассивный, углубленный в себя, выжидающий взгляд, характерный для

зависимого населения, терпеливо выжидающего благоприятного момента. Высокие, невероятно худые существа, с тусклой желтой кожей, с круглыми черными блестящими глазами… — Как подумаю о тех людях-птицах, так эти кажутся мне ну просто нашими близнецами!

— Ормарин, это вовсе не люди-птицы… — И я объяснил, какие на Мейкене существуют взаимоотношения жителей с животными. Я увидел, как его лицо исказилось от отвращения, а потом от страха.

— Вы хотите сказать, что эти люди держат животных у себя дома, словно членов семьи?

— Мейкенец спит, положив голову на бок своему пипизавру.

— И они едят выделения этих животных?

— Иногда им просто больше нечего есть. Так что представляете, какие там тесные взаимоотношения?

— И представлять не хочу, — с мрачным видом проговорил Ормарин. — Даже думать об этом неприятно.

— Отлично. Но подумать вам придется вот о чем — как ограничить их влияние, их мощь здесь, на вашей территории. И сделать это в ваших силах.

— Если одна планета нападает на другую, то

ради чего? Ясное дело, ради добычи!

— Ваша планета мало чем может их привлечь. Это вам не сириане. Тех интересовали, скажем, ваши плантации; они собирались развести на Волиендесте огромные плантации ягод. Они хотели и вас задействовать, из-за вашего необычайного разнообразия генетически смешанных типов, чтобы проводить тут над вами всевозможные социальные эксперименты. Но Мейкену еще тысячелетия развиваться, пока их заинтересуют социальные проблемы. Они и о себе-то не задумываются с этой точки зрения. Их сила — эти пресловутые пипизавры — одновременно и их слабость. Люди могут функционировать только в связке с ними. Они воспринимают себя только вместе со своими животными. Они вторгаются на другие планеты и берут там только то, что полезно для Мейкена с этой точки зрения.

— И что они считают полезным?

— Очень немногое. Они ищут птиц и насекомых, чтобы взять их к себе и вырастить побольше пипизавров. Для мейкенцев животные — их богатство, их единственное богатство. И на нынешней стадии развития мейкенского общества эти животные *на самом деле* составляют их богатство, их силу, их главную привязанность,

любовь.

— И их слабость!

— Да, потому что люди ищут самые разные новые виды птиц, новые летающие виды, даже мелких млекопитающих, которыми пополнят рацион своих животных. Тогда возрастут их стада — больше не будет соблюдаться соотношение один пипизавр на одного мейкенца, и вскоре образуются большие стада или стаи пипизавров, которые не будут столь привязаны к мейкенцам, объявят себя независимыми, потому что эти животные очень умны и быстро эволюционируют, и тогда разразится самая страшная гражданская война на Мейкене. Но все это в далеком будущем, по масштабам вашего времени. Вас не должно беспокоить то время, когда империя Мейкен станет царством не мейкенцев, какими мы их знаем сегодня, а пипизавров. Перспектива и впрямь страшная… Ваша же конкретная проблема сейчас — как разрешить мейкенцам приземлиться на вашей территории, как их приветствовать, как *пригласить* некоторых стать вашими гостями, как дать им то, в чем они нуждаются, не исчерпывая своих запасов, как изменить тех, кто останется, потому что кто-то захочет остаться, так, чтобы они стали такими же приспособляе-

мыми и непредвзятыми, какими, по сути дела, являетесь вы, и как дождаться, пока они уйдут, или, скорее, того времени, пока однажды вы не поймете, что вас давненько не посещали вооруженные силы Мейкена и что те мейкенцы, которые тут у вас, уподобились вам, что вы их приручили, что Волиендеста фактически независима, хотя номинально является частью империи Мейкен…

— И мы больше никогда не будем независимы? — простонал он.

— Да, практически. И вы попадете под власть Мейкена довольно скоро.

— Наши жители этого ни за что не потерпят, — возразил Ормарин. Он вспоминал свои долгие поездки по планете, разговоры об обороне, кровопролитии, добровольном мученичестве.

— Еще как потерпят. Вот увидите, ничего страшного тут нет.

Теперь Инсент и я поедем вместе с Ормарином и его коллегами по всей территории Волиендесты, будем готовить волиендестанцев к предстоящему зрелищу и к испытаниям, которые без подготовки покажутся им ужасающими, отталкивающими и могут даже привести к полной духовной гибели.

Выдержки из «Истории Империи Волиен, том 97, часть III:

Вторжение Мейкена на Волиендесту (записал Клорати)

Обитатели Волиендесты спокойно ждали прибытия Мейкена, Ормарин хорошо их подготовил. Разведчики предупредили всех о приближении космолетов. Эти крупные корабли, каждый из которых предназначен для перевозки тысячи мейкенцев, вместе с их животными, уже наблюдались в атмосфере планеты Волиендесты некоторое время назад, производя впечатление плотных серебристых облаков. На всей территории Волиендесты хорошо организованные и дисциплинированные толпы местного населения стояли и смотрели вверх, с волнением ожидая увидеть то, о чем им рассказывали, но до последнего момента им трудно было поверить тому, что они услышали.

Маленькие черные отверстия открылись в бортах кораблей-перевозчиков, и из каждого посыпались маленькие черные точки, которые разделились на группы по сто штук в каждой. Они были еще слишком высоко и казались не

более чем точками, но вскоре эти группы или экипажи быстро подлетели к земле, и перед глазами зрителей предстали уже знакомые им по описаниям «птицелюди». Именно в тот момент и могла бы начаться паника, но этого не произошло. Захватчики постепенно снижались, и небо симметрично усеяли крылатые кошмары… Пипизавры походили на летучих ящеров, но с тяжелым, тупым клювом, и на каждом из них, тесно прижавшись, будто растет из него, сидел один мейкенец, одетый в мех пипизавра, на голове у каждого была шапка, сделанная из головы пипизавра, с полным набором — уши, клюв; и вот уже можно различить страшную тяжелую голову животного, а прямо над ней возвышается точно такая же, с клювом, будто у каждого зверя по две головы. Все ниже и ниже, тысяча за тысячей, опускались пипизавры над территорией всей планеты, а звук крыльев — черных пленок, жесткость которым придавали тонкие палочки костей, представлял собой биение, вибрацию, дребезжание. Все это будоражило воздух и действовало на слух, так что повсюду можно было видеть, как люди закрывают уши руками, чтобы не слышать этого ужасного звука, хотя глаз они не отводили, стремясь увидеть все.

Когда мейкенцам оставалось до земли совсем недалеко, они стали парить, так, чтобы люди внизу могли рассмотреть их во всем великолепии. Мейкенцы знали, к своему удивлению и удовольствию, какой устрашающей кажется их внешность противникам.

Вблизи эти двухголовые птицелюди, с их ужасным оружием-клювом, с жесткими сверкающими глазами, густым черным мехом, громко хлопающими крыльями, когтями, оказались еще ужаснее, чем волиендестанцы себе их представляли по рассказам. Но все же хозяева планеты проявили твердость, не позволили себе впасть в панику, остались внешне спокойными и безмятежными.

Еще до того как мейкенцы приземлились, Ормарин вышел вперед — точно так же поступили и прочие представители народа в других регионах планеты — и начал приветственную речь:

— Братья — жертвы Волиена! Жители дружественной колонии! Мы, вторая колонизированная Волиеном планета, приветствуем на нашей территории вас, третью планету — жертву Волиена! Так что — приземляйтесь, добро пожаловать! Примите самые искренние наши приветствия… — И так далее.

Изумленные птицелюди выстроились в шеренгу, сложили крылья и слушали. В каждом отряде был свой лидер, который соскочил с пипизавра и встал рядом с ним. Надо было принимать решение. К спине каждого животного было привязано множество оружия, потому что толковых шпионов у Мейкена не было, и они считали, что, как только приземлятся, им тут же придется бороться за выживание. Но их встретили спокойные и даже дружественно настроенные толпы, они услышали приветственные речи.

Мейкенцы сняли свое оружие со спин пипизавров и небрежно держали его в руках, без всяких признаков агрессии. Тем временем волиендестанцы наблюдали удивительное явление: теперь возле каждого зверя стояла его вторая половина, прямоходящее двуногое существо, по форме и устройству ничем не отличающееся от других обитателей Галактики, — и именно этого волиендестанцы не могли понять, и это их всегда будет приводить в смущение — поразительное абсолютное сходство.

Наконец командиры отрядов захватчиков посовещавшись, решили вернуться на Мейкен за приказом, а тем временем позволили себе сыграть роль радостно встреченных гостей, каждый

небрежно повесил свое оружие на согнутую руку — и снял головной убор. Волиендестанцы переполошились, увидев этих коротышек, довольно неуклюжих, заросших шерстью существ, с круглыми, гладкими, желтыми лысыми головами — на Мейкене принято брить головы. На гладких, круглых желтоватых лицах были как-то вкось посажены маленькие черные глазки без бровей и ресниц. До чего же эти странные существа были все похожи друг на друга! Хотя волиендестанцев вроде бы об этом и предупреждали, они были готовы к одинаковости пришельцев — видели ведь уже рабов из колонии С 181, но волиендестанцам трудно было это воспринять, им было неуютно, они не знали, куда глаза девать; потом все же взглянули друг на друга, как бы оценивающе, и им стало легче, глаза отдохнули от осознания собственного бесконечного разнообразия: шевелюры желтые, и коричневые, и красные, и серебряные, и черные, кожа — и белая, и кремовая, и серая, и розовая, и желтая, и коричневая, и черная; теперь они не могли наглядеться друг на друга, поражаясь бесконечному разнообразию форм, размеров, цветов, удивляясь и поражаясь сами себе. А потом снова поглядели на мейкенцев, а те, сняв свои плотно облегающие гладкие

меховые комбинезоны, оказались маленькими, крепкими, с гладкой желтой кожей людьми, с округлыми желтоватыми лицами и глазками как щелки. Все одинаковые. Все, абсолютно все одинаковые. Конечно, были незначительные различия в росте, толщине, и наверняка, если их лица пристально рассматривать, то можно отыскать другой оттенок цвета или легкое различие в чертах лица. Однако на первый взгляд сходство между пришельцами было полнейшее.

И волиендестанцы ощутили небывалое единение, и это произошло благодаря их собственной оценке себя, богатства своего генетического наследия.

А тем временем шло торжество, речь текла за речью: и когда мейкенцы устали, их отвели в недавно построенные бараки, специально спроектированные таким образом, чтобы разместить там солдат вместе с их животными, хотя чем кормить пипизавров — вот это действительно представлялось проблемой. И немедленно развернулась дискуссия, предложенная Ормарином, который — большой, солидный, грубовато-добродушный, здравомыслящий — казалось, присутствовал сразу всюду; о том, как удовлетворить потребности Мейкена, о проблеме которого

хозяева были давно наслышаны. Волиендестанцы искренне хотели помочь своим братьям, из сочувствия, которое одна колонизированная планета не может не испытывать к другой такой же жертве колонизации. На дискуссии обсуждались те новые виды животных, птиц и насекомых, которые можно приспособить для кормления пипизавров.

Мейкенцы не знали, как все это воспринимать. Не имея опыта в ведении захватнических войн и не обладая достаточно живым умом, они ориентировались на быструю и неприятную войну на выживание, которую рассчитывали выиграть, а потом… а что потом? На Словине они высадились как союзники, а потом захватили его. Там им и воевать не пришлось. Втайне они жаждали повоевать, хотели посмотреть, как от их ужасного внешнего вида — теперь они знали, что именно так их и воспринимают — противник испуганно остолбенеет. Но что делать после завоевания новой планеты? Мейкенцы чувствовали такую же неловкость, как и «хозяева». Жизнь мейкенцев построена так: все время бодрствования они проводят на своих животных. Те просыпаются раньше своих друзей, обнимают их, вылизывают и расцеловывают; потом мейкенцы взбираются

на спины своих животных и поднимаются в воздух, пока пипизавр не отловит и не съест на лету достаточно птиц и насекомых, чтобы насытиться, или же пипизавры бегают повсюду по земле, прыгают на своих огромных ногах с когтями, пока крепкие клювы не проткнут достаточно насекомых (на Мейкене насекомые по размеру часто не меньше человеческих детей), чтобы себя пропитать. А остальной день они проводят в основном в воздухе: у них приняты всевозможные игры, турниры и спортивные состязания. А на земле тоже — сплошные гонки и спортивные игры. Дважды в день короткий перекус, иногда пьют выделения прямо из желез пипизавров, иногда едят, не спускаясь со спины животных.

На этой планете, Волиендесте, мейкенцы рискнули попытаться жить так, как на Мейкене. Но не тут-то было. Во-первых, атмосфера оказалась иной, и мейкенцев охватила сонливость. А потом, хотя мейкенцы и наслаждались мыслью, что обитатели других планет считают их устрашающими, себе-то они не казались таковыми; и какое уж тут веселье, когда все волиендестанцы таращат на вас глаза, разинув рты — не от страха, это правда, но скорее от того, что как будто считают гостей если не отвратительными, то

малоприятными. И потом, хорошенько разглядев хозяев, мейкенцы сначала не поверили своим глазам, а потом никак не могли привыкнуть к толпам людей, которые так отличались друг от друга. Нет ли в этом чего-то сомнительного… пожалуй, даже неприятного и неэтичного? Какая тут может быть общность взглядов, какое истинное единство душ, в таком народе, где каждый человек, когда смотрит на другого, видит нечто совершенно отличное от самого себя, так что бедняге остается один выход — носить с собой зеркальце и постоянно смотреться в него, чтобы убедиться, что его собственная внешность достоверна, хороша, правильна, не хуже того, что они видят перед собой! Как, должно быть, ужасно — думали мейкенцы, — жить всегда на планете, организованной так, что здесь нет приятной, спокойной, естественной и правильной схожести во внешности? Как ужасна, должно быть, вечная необходимость настраиваться на другое лицо, вместо того чтобы спокойно жить себе с твердым убеждением: окружающие такие же, как и ты сам. А некоторые мейкенцы даже рискнули прокрасться в лагеря для рабов, и вот уж там их глаза отдохнули за созерцанием массы людей, каждый из которых выглядел точно так же, как

сосед. И снова у них возник вопрос: почему эти благополучно правильные люди заперты все вместе в лагерях, как рабы, как будто они хуже, чем те, другие, такие невероятно различные?

Ормарин объяснил гостям этот парадокс: вы, мол, неправы, эти люди больше не рабы, с тех пор как Волиен ушел, теперь, когда планета-метрополия Сириус — да, да, мы знаем, вы унаследовали ореол Морали, но Сириус привез сюда этих людей в качестве рабов, это не наше изобретение, — так вот теперь, когда мы снова стали самими собой и обрели независимость, рабство долее не будет терпимо.

Услышав, что — ну и дела! — побежденная планета Волиендеста считает себя независимой, победители снова обратились на Мейкен за разъяснениями, и им было приказано оставить тут оккупационные войска, освободить от рабства те виды, которые могут впоследствии оказаться полезными, и возвращаться домой. И с большим облегчением армии Мейкена так и поступили.

Вновь последовали речи, празднования, кое-где даже дружеские объятия. Не всем волиендестанцам мейкенцы показались отталкивающими. Скоро в генетическом коде этой планеты появится и ген Мейкена: приятная мысль для них всех,

и особенно приятная теперь, когда кое-кто понял, как это печально, когда все жители планеты выглядят как близнецы.

И снова космолеты зависли повсюду над Волиендестой, и мейкенцы надели свои меховые костюмы и головные уборы с клювами и запрыгнули на спины своих животных, и снова небо заполнилось страшными двухголовыми чудищами, от взмаха крыльев которых воздух так дрожал, бился и вибрировал, что ушам было больно, и вот они полетели вверх, сотня за сотней, на космолеты, и можно было видеть, как маленькие черные точки исчезают одна за другой в темных отверстиях в брюхе кораблей. А потом космолеты улетели восвояси, и небо Волиендесты вновь стало чистым.

«Оккупационные войска», не слишком довольные тем, что их оставили тут, на этой многоязыкой, слишком уж дружественной, трудной для восприятия планетке, тем не менее вскоре создали для себя удобные условия существования: они спали и ели вместе (и порознь) со своими пипизаврами, продолжали свои спортивные игры и развлечения, и вскоре оказалось, что это местечко в целом не такое уж и плохое. Кстати, ведь немного скучновато всегда видеть рядом

только свои копии; да и довольно утомительно это — вечно жить в неразрывном симбиозе с пипизавром.

Довольно скоро Мейкен более или менее забыл о Волиендесте. Мейкенцы на Волиендесте перестали быть чужаками.

Дороги, космопорты, все удобства, предусмотрительно созданные Сириусом для себя, сделали Волиендесту богатой и преуспевающей. Из четырех колонизированных Волиеном планет этой выпал самый долгий период мирного существования, независимости и благополучия, прежде чем — как всегда случается на этом этапе галактической истории — у нее отняла независимость более сильная планета. Но это уже совсем другая история.

Клорати Джохору,

с борта космолета, по пути на Шаммат

К сожалению, я был слишком оптимистичен, рассказывая о бедном Инсенте, — у него вновь наступил рецидив. Убежденный в своей миссии — перевоспитании Кролгула, он…